

ISSN 2309-1584

НАЗ

НАЗИРОВСКИЙ
АРХИВ

№1 (19), 2018

ЕВГЕНИЙ
ОЖЕГИН

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

научный журнал

1 (19), 2018

Основан в 2013 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

Главный редактор:

Б. В. Орехов, кандидат филологических наук (Москва)

Зам. главного редактора:

Сергей С. Шаулов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

Редакционная коллегия:

В. В. Борисова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Е. А. Выналек, кандидат филологических наук (Вроцлав)

А. А. Галлямов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

П. Н. Толстогузов, доктор филологических наук, профессор (Биробиджан)

С. М. Шаулов, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

дизайн — Д. Муслимов

Адрес журнала в Интернете:

<http://nevmenandr.net/nazirov/journal.php>

Адрес редакции:

450000 г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. к. 420

e-mail: nevmenandr@gmail.com

Ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 30.3.2018. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,31.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

© ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2018

© Редакция журнала, 2018

Назировский архив
2018 № 1 (19)

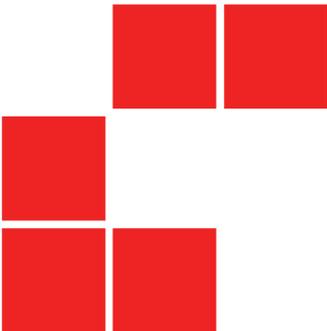
Содержание

Публикации	9
Нарушение гостеприимства и кара за него. К происхождению многозначного символа	9
<i>Р. Г. Назиров</i>	
Из дневника 1951 года	16
<i>Р. Г. Назиров</i>	
Из дневника 1952 года	44
<i>Р. Г. Назиров</i>	
Из дневника 1953 года	69
<i>Р. Г. Назиров</i>	
Из дневника 1954 года	113
<i>Р. Г. Назиров</i>	
Биографический отдел	194
Интервью с бывшей студенткой филологического факультета БашГУ Екатериной Спиридоновой	194
Исследования	204

О моральных проблемах издания эго-документов из архива Р. Г. Назирова	204
<i>Сергей С. Шаулов</i>	
Мнение	210
Анкета журнала «Назирровский архив»	210
Библиография	214
Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова	214
Правила для авторов	215

Публикации

Из арто московских школьниц 1990:
"У меня стрелка забита у пугала"
(назначено свидание у памятника Марксу).
Мать - дочери: "Мальчишку и Трамвай никогда не догоней" (- прийдёт следующий).
Не семь горошин в одну ложку."

Публикации

Нарушение гостеприимства и кара за него

К происхождению многозначного* символа†

Р. Г. Назиров

Тематически и текстуально текст перекликается с наброском «Повелитель мышей», опубликованным в журнале «Назировский архив», 2015 № 4.

I

Восточнославянские сказки типов АТ 750 В, 751 повествуют о святости гостеприимства и о каре за нарушение этого обычая. Таков тип 750* («Скупые хозяева») по «Сравнительному указателю сюжетов», Л., «Наука», 1979: «не приглашают к ужину бедных странников, которые попросились у них ночевать; дом их проваливается, остаётся одна печь с рукавицами нищего»¹. К этому типу относится русская сказка «Убогий» (Афанасьев, 347), включающая некоторые евангельские реминисценции, что позволяет видеть в безномом старичке, карающем богача за нарушение законов гостеприимства, самого господа бога.

Ещё явственнее этот смысл выступает в типе 751 «Скупая хозяйка»: «негостеприимно принимает нищих (нищего странника, Христа) и за это наказывается: хлеб в печи каменеет; зажаренная колбаса превращается в змею. . . » — и в субтипе 751 В «Жадная хозяйка»². Наконец, прямо о визите бога говорится в сказках 751 А*: «Бог в гостях: приходит в виде нищего (калики), бедняк отдаёт ему последнее и вознаграждается; богач, полагавший, что бог придёт из церкви, не признаёт его в старичке-нищем, обходится с ним грубо, за что и наказывается»³. Истоки этого сюжета возводятся к древнеиндийской джатаксе (повести о былых воплощениях Будды): бог в виде нищего пришёл в гости к зайцу (воплощению Будды), и тот отдал богу самого себя в виде угощения. Сюжет этой джатаки отражён в одном из рельефов знаменитого храма Боробудур (Ява). Таким образом, описанный сюжет является достаточно древним; ему приписывается восточное происхождение.

Думается, тут следует избегать чрезмерной категоричности: ведь бог, путешествующий по земле инкогнито, — это мировой сюжет; законы гостеприимства были общими для всего человечества. Небольшой этнографический экскурс прояснит нашу главную мысль.

Английский этнограф Бронислав Малиновский, которого на Западе наряду с Марселем Моссом считают «основоположником» современной антропологии», опубликовал в 1922

*Зачёркнуто: «двузначного».

†АРГН, оп. 5, д. ДГ 10.

году свою лучшую работу — «Аргонавты Тихого океана», где описал функционирование обычая «кулы» на архипелагах Меланезии. Кула — это символический обмен, это «дарение ничего», которое сводится к тому, что заставляет от острова к острову, от племени к племени циркулировать нарукавные повязки и ожерелья из раковин по замкнутому маршруту. Порою этим повязкам и ожерельям случается завершить полный оборот за 10 лет (при минимальном сроке в два года), чтобы возвратиться к своему исходному пункту.

Французский этнограф Марсель Мосс извлёк из чтения «Аргонавтов Тихого океана» величайшую пользу для своего знаменитого «Опыта о дарении» (1925), в котором сопоставил «кулу» с рядом сходных обычаев и в частности с обычаем «потлач» у некоторых индейцев Северной Америки. «Потлач» (на языке племени нутка «дар») — это праздник, сопровождаемый пиром и раздачей подарков приглашённым. Мосс в этом обычае подчёркивал взаимность приглашений, напоминая о римском принципе *do ut des* («даю, чтобы дал и ты»)⁴.

В первобытном мире обмен подарками и эксцессы гостеприимства могли приводить к полному расточению имущества. Так гиперболически выражались тенденции общественного сплочения в эпоху распада рода и сложения более крупных племенных организаций раннего патриархата. И это не было лишь проявлением некоей «первобытной щедрости»: дарение — социальный институт огромной важности; экономические отношения приняли форму личных обязательств, заменивших распавшиеся или ослабевшие кровнородственные связи.

На вышеуказанной стадии развития святость гостеприимства была безусловным принципом у всех народов земли. Приписывать в этом плане одним народам преимущество перед другими — это значит путать этнопсихологию с историей культуры: на сегодняшний день «различия в щедрости» имеют не национально-психологический, а культурно-стадиальный характер. Так, если у русских гости обычно являются в дом с подарками, то у башкир, напротив, хозяева одаривают своих гостей, как при обычае «потлач».

В раннеплеменном, патриархальном обществе гостю полагалось отдавать последнее, как это и требуют указанные русские сказки. При этом неизвестные странники, какие-то нищие могут оказаться кем угодно, например, самим Христом в сопровождении апостолов. Отказ в гостеприимстве — это оскорбление самого бога: таков смысл сказочных сюжетов.

Между тем, именно в становящемся патриархальном обществе возникают социальные процессы, подрывающие святость гостеприимства. Мы имеем в виду накопление богатств, которое на очень значительный исторический срок предшествовало организованному торговому обмену.

Вообще говоря, и обмен дарами («кула»), и накопление богатств — это предпосылки настоящего обмена, развивающегося на грани энеолита и века металлов в связи с появлением межэтнического разделения труда: прежде всего с отчётливым разделением преимущественно земледельческих и скотоводческих народов. Но между этими предпосылками и зарождением меновой торговли протекли столетия, а для иных народов — и тысячелетия.

Накопление богатств отдельными патриархальными семьями поначалу происходило в форме собственного продукта — плодов земледелия или скота (скот — древнейшая форма богатства). Возникали излишки на одном полюсе общества и нужда на другом; поначалу излишки в основном расходовались на жертвоприношения богам. Так возникло само понятие «богатый» (= «угодный богу»). Владельцы огромных стад нуждались в них как в доказательстве того, что они — «лучшие», более близкие к богам, а потому и более заслуживающие избрания в совет племени и в племенные вожди.

В ранний век металлов многие народы Старого Света считали себя благословенными или проклятыми в зависимости от того, обладали они золотом или нет; при этом золото ещё не было средством обмена. Оно использовалось для изготовления украшений, культовых предметов и погребальных масок. Заметим, что такая высоко развитая цивилизация, как держава инков в доколумбовской Америке, вообще не знала денег, хотя обладала большими запасами золота и широко использовала его в декоративных, магических и других «неутилитарных» целях.

Американский этнолог Норман О. Браун в книге «Жизнь против Смерти» (1959) подверг критическому разбору фрейдовскую теорию анального невроза. Как известно, согласно З. Фрейду, фиксация индивида на анальной стадии развития ведёт к патологической скупости, к жажде накопления. Этой теории Браун противопоставил свои суждения о «психологической природе» денег: по его мнению сущность денег — в любой их форме, от примитивных раковин до чековой книжки, — не может быть определена рациональными категориями. Деньги сначала были объектом без использования, символом производственных излишков, которые годились только в жертву богам. В человеке «комплекс денег» сложился лишь тогда, когда он научился отличать «необходимое» от «излишнего». Далее необходимость разделения труда принудила людей к специализации, что повело к разрушению человеческой целостности, к появлению неврозов, и один из них — это «демонизация товарной сверхпродукции». Карл Маркс, как известно, называл это «товарным фетишизмом». Браун этого термина не употребляет. Он говорит: «Вместо того, чтобы, как это было в архаических обществах, отдавать эти излишки богу, мы начали обожествлять сам процесс производства, трактовать его как бога». Измена богу в пользу маммоны породила чувство вины; деньги — это «материальная форма неврозов» — и т. д.⁵

Книга Брауна вызвала полемику, в которой одним из главных упреков было то, что он не дал никакого историко-культурного обоснования своему главному тезису: когда произошла замена «архаичной» культуры дарения «современной» культурой стяжания. Всё же, несмотря на справедливость этой критики, а также несмотря на метафорический туман в книге «Жизнь против смерти», нам кажется, что эта книга содержит и ценные соображения. Для нас особенно существенно указание Брауна на религиозно-психологический аспект древних социально-экономических переворотов.

Действительно, в племенном строе раннего патриархата излишек продукции предназначался в дар богам (жертвоприношение) или гостям (гостеприимство). Не случайно нами

уже было отмечено выше, что в восточнославянских и иных сказках бог и гость сюжетно синонимичны, взаимно заместительны. Отдать гостю последнее — это такой же «подвиг», как и жертвоприношение богу. В свете родоплеменной морали накопление есть отвлечение излишков от религиозно-нравственной цели или изъятие их из вечной циркуляции даров, из процесса взаимодарения, служащего формой солидарности. Обмен дарами и сегодня, во всём мире, и у нас служит выражением дружбы. Изъятие богатств из цепи дружеских обязательств мыслилось как поступок антисоциальный, как деяние, враждебное обществу.

Богатые составляли небольшое меньшинство племени. Основная масса смотрела на них со смешанным чувством почтения к «удаче» и осуждения за нарушение моральных традиций. Короче говоря, между этими «пионерами прогресса», т. е. племенной знатью, и основной массой рано возникли конфликтные отношения, выразившиеся, в частности, в явственно звучащей сказочной морали: накопление — это грех.

Религия всегда стояла на страже традиции, а отмеченные выше типы АТ 750, 751 относятся к легендарным сказкам, т. е. генетически связаны с религиозными представлениями: думается, гораздо более древними, чем само христианство. Поэтому кара за отказ в гостеприимстве имеет вполне «материальный» характер: провалившийся дом, окаменевший хлеб и т. п. Но в более давних фиксациях она может быть и гораздо суровее.

II

Первый польский хронист Аноним Галл, писавший по-латыни, пересказал древнюю польскую легенду о воцарении первой исторической династии польских князей — Пястов. Таинственные странники, не найдя приюта у гнезненского князя Попеля, праздновавшего «пострижины» своего сына, встретили радушное гостеприимство у крестьянина Пяста и его жены Репихи и в благодарность предсказали ему, что его сын станет королём. Через некоторое время злой Попель, живший в башне на берегу озера, был съеден мышами, а княжить в Гнезне стал Земовит, сын Пяста. Подробности легенды в основном заимствованы из фольклора и житийной литературы («Vita St. Germani», середина IX века; «Legenda augea» Якова Ворагинуса).

Сюжет этой легенды в своей главной теме сходен с вышеупомянутыми сказками: кара за отказ в гостеприимстве. Но конкретная форма божественного возмездия — иная. Съедение мышами в русских сказках не встречается. Мышь как орудие божьей кары известна в средневековых сказаниях Западной Европы.

Широкое распространение получило немецкое сказание об епископе Гаттоне (die Sage vom Bischof Hatto von Mainz und seinem Ende). Согласно легенде, богатому епископу в голодный год сильно докучали бедняки; собрав их несмертное множество в большой амбар, якобы для того, чтобы накормить, епископ запер их и сжёг заживо. В наказание бог наслал на Гаттона такую массу мышей, что епископ не смог от них укрыться даже в специально построенном замке на скале среди Рейна и был съеден мышами. Чуть ли не 700 лет на Рейне

близ Бингена показывали «Мышиный замок» епископа Гаттона; он был разрушен шведами во время Тринадцатилетней войны (1635).

Исторический Гаттон был настоятелем знаменитого Фульдского монастыря, с 968 г. — архиепископом Майнца; умер в 970 г. Судя по сохранившимся данным, он не имеет ничего общего с приведённой легендой, и его имя в ней — относительно поздняя вставка.

Легенда о Попеле имеет более фольклорный характер и, возможно, восходит к общеславянской мифологической сказке большой древности⁶.

Почему мышь выступает в этих легендах орудием божьей кары? Полагаем, что такое представление первоначально возникло в земледельческих странах Ближнего Востока, скорее всего — в Египте. Колоссальное изобилие мышей наносило страшный урон житницам Нильской долины. Не случайно древние египтяне так почитали кошку, священное животное бога Гора; за убийство кошки, даже нечаянное, законы Египта предписывали смертную казнь. Сохранились великолепные статуэтки кошек; археологами был найден кошачий некрополь в Фаюмском оазисе с тысячами их маленьких мумий; у иных вызолочены усы. Кошка была любимейшим животным египтян, поскольку истребляла самых страшных врагов египетского народа — мышей.

В Библии мыши описаны как разносчики страшных эпидемий, прежде всего — бубонной чумы (I Царств). На самом деле чуму разносят крысы, суслики и блохи; собственно мыши переносят лишь некоторые желудочные болезни. Но древние не различали мышей и крыс. По Библии, бог через мышей поразил филистимлян чумой.

Гомер в «Илиаде» повествует, как Агамемнон взял в плен красивую девушку, дочь жреца Аполлона. Несмотря на мольбы жреца, девушка не была освобождена Агамемноном. В наказание за такое оскорбление своего жреца Аполлон ниспослал чуму на греческий лагерь:

Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.

(«Илиада», I песнь, 52).

Моровое поветрие, вызванное «стрелами Аполлона», напугало Агамемнона, и он вернул пленницу её отцу — Хризу.

Только в обращении Хриза, просящего у бога наслать чуму на ахейян, Аполлон назван Сминтеем, т. е. «мышиным богом». Впоследствии по всей Троаде встречались святилища Аполлона Сминтея, служившие убежищем для больных; такой храм-госпиталь назывался «сминтий». И в самой Элладе в храмах Аполлона содержали и кормили мышей; в одних областях этого бога считали покровителем мышей, в других — охранителем от мышей. Существовало предание, как Аполлон избавил Грецию от нашествия мышей.

Итак, для египтян мышь — враг земледелия, для семитических народов (которые в основном были скотоводами) мышь — символ чумы, у греков — явно выраженный символ божьей кары.

Заметим, что съедение Попеля мышами — это кара за отказ в гостеприимстве, съедение ими Гаттона — кара за жестокость к голодным. В сказках типа 751 («Скупая хозяйка») на-

казание за отказ в гостеприимстве поражает пищу, хлеб. Полагаем, что изначальной формой кары за нарушение законов гостеприимства было съедение мышами хлеба скупых хозяев. Естественно, это обрекало землевладельцев на голодную смерть, т. е. мыши косвенно становились причиной смерти людей. По прошествии веков в результате смыслового стяжения они превратились в прямых человекоубийц.

Впрочем, если учесть древнее смешение мышей и крыс, то нет нужды размышлять о смысловом стяжении: крупные популяции крыс, испытывая недостаток в пище, нападают на людей (в наши дни, с начала 80-х годов, крысы в Египте истребляли посевы, разрушали дома, нападали на феллахов). На Севере странную известную опасность для людей составляют далёкие и массовые миграции леммингов (кстати, тоже переносчиков заразных болезней). Словом, человечеству присущ древний страх перед грызунами, особенно синантропными (живущими рядом с человеком), и страх этот во многом обоснован. Например, крыс на земле считается, столько же, сколько людей, причём первые быстрее и лучше адаптируются к повышенной радиации; серая крыса (пасюк) прекрасно плавает, и их сообщества сильны и устойчивы.

Итак, мы допускаем, что в древности (по крайней мере начиная с Египта) уничтожение хлеба мышами рассматривалось как наказание богов за нарушение гостеприимства, за отказ в этом хлебе гостю или страннику. В то же время, как было показано выше, накопление богатств приравнивалось к выходу из циркуляции взаимных дарений, рассматривалось как грех. Таким образом, напрашивается обобщение: мыши служат бедствием, насылаемым богами на богатство. С этой точки зрения можно по-новому оценить известную русскую сказку «курочка-ряба», представляющую собой отдалённый реликт более развёрнутого древнего текста. Сейчас трудно судить о том, было ли снесённое курочкой-рябой золотое яйцо олицетворением солнца, как полагают некоторые учёные. Известная назойливость солярной теории XIX века с её бесчисленными натяжками привила нам законную настороженность против подобных толкований.

С другой стороны, почему мы не в праве осмыслять золотое яичко курочки-рябы как неожиданную удачу, как ниспосланное деду и бабе богатство? В архаическом сознании богатство обычно мыслилось как результат удачи, случая, счастливой находки (психологическое наследие всемирной эры собирательства). Богатство было даром богов, и потому им гордилось.

Однако в то же время мораль первобытного племени осуждала накопление богатства. Излишнее богатство вообще опасно, оно может вызвать гнев богов (см. сказку Геродота о Поликрате Самосском). И вообще богатство чревато заботой, страхом потери, разочарованием. Отношение к богатству в архаике амбивалентно.

Поскольку главное богатство архаического земледельца — это хлеб, то главный враг богатства — это мышь. И хотя в нашей сказке фигурирует не хлеб, а золотое яйцо, мышь всё равно выполняет ту же функцию: «мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало

и разбилось». Золотое яйцо уничтожено, дед и баба плачут, но курочка-ряба утешает их парадоксальным обещанием: «Я снесу вам другое яичко — не золотое, а простое».

В этом и заключается всё обаяние реликтовой сказки: она отдаёт предпочтение простому, надёжному достатку перед неожиданной удачей, излишком, богатством. И в русской сказке мышь тоже выступает противницей богатства, но — странное дело! — она не вызывает отрицательных эмоций, не является враждебной людям.

В русском фольклоре скорее преобладает позитивное отношение к мыши, от детской сказки «Репка» до знаменитого лубка «Как мыши кота хоронили», в котором видели замаскированную сатиру на погребение Петра I.

Ещё в древнем фольклоре зародились этиологические (причиннообъяснительные) рассказы о вражде мышей и кошек. Индийские сказки повествуют о том, как мыши судили кота, западноевропейские и русские — о войне мышей с котами; к сказкам этого рода близка и древнегреческая «Война мышей и лягушек», пародирующая «Илиаду». В прошлом веке украинский фольклорист Н. Ф. Сумцов написал специальную работу «Мышь в народной словесности» («Этнографическое обозрение», 1891, кн. VIII).

Фольклористике известна и помощная мышь (Геродот, «История», II, § 141; китайские летописи, монгольские сказки, русские былины), и благодарная мышь (Панчатантра, басни Эзопа и др.), но всё это далеко от нашей темы и в основном связано с ролью мыши в тотемических верованиях: мышь как тотем встречалась у разных народов.

Из дневника 1951 года

Р. Г. Назиров

Мы продолжаем совместную с интернет-проектом «Прожито» (prozhito.org) публикацию дневников Р. Г. Назирова.

В Штатах «Дженерал Моторс корпорейшн» (под контролем Дюпона и Моргана) извлекает рекордные прибыли из холодной войны. В 1949 г. она получила 656 млн. долларов чистой прибыли, в 1950г. 834млн. долларов: это после выделения 1.119.000.000 на налоги и 290 млн. долларов на новое оборудование. В 1950 г. из 8.400.000 автомашин, выпущенных в США и Канаде, заводы фирмы «Дженерал Моторс» выпустили 3.800.000 — монополизация автооб. пром-сти. Фирма получила военные заказы в сумме на 3 млрд. долларов. Разве они согласятся когда-нибудь потерять эти прибыли? Вот это угроза войны. Это страшнее, чем сигара сэра Черчилля («Мальбрук в поход собрался. . . »)

26е марта. Ответа нет.

С 25-го (воскресенья) каникулы. Вчера была очень немногочисленная танцулька в 45-й школе. Я танцевал много — преимущественно с Аликом Глезером, фокстрот. Затеяли «ручечёк» — глупенькая игра мещанских вечеринок. Меня втащили насильно. Пришлось «протечь» сквозь ручечёк и выбрать пару: я взял Музу. Потом она меня.

Сегодня был многолюдный вечер в 3-й школе. Хапланов читал стихи Маяковского. Была Муза, Женька Гетнер, Фая Крылова со своей наперсницей Аллой и др. Танцевали мало (вечер начали в 6, кончили в 9). Я вовсе не танцевал: с девочками я пока не танцую; а ребят не было — тех, кто меня таскает. Зато я много разговаривал с львицей 3-ей школы Майей Захариной (член комсомитета), красивой и симпатичной девушкой. Я открыл в себе интересное свойство, которому я рад: чем больше я изучаю девушку, тем больше она мне нравится. Эта влюбчивость — признак молодости души. Байрон сказал: «Все женщины красивы.» Это дико, но в этом есть мысль. Нужно очень любить жизнь и людей (а Байрон любил и то, и другое), чтобы в каждом творении в первую очередь видеть лучшее, не забывая и о плохом. — Но вернусь к Майе. Сначала она мне не понравилась: теперь я нахожу, что кроме её золотого зуба в ней нет ничего плохого. Она меня с Владькой пригласила на вечер 10-х кл.кл., хотя мы девятиклассники. Что ж, придём, для пробы: пропус. . .

Кажется, переписку с Фелькой придётся прервать. Я не желаю потакать его слабости. Я написал ему, что если он до 28 не ответит: всё больше не пишу.

В Корею с юга дует злой ветер, несущий химические снаряды и удушливые газы. Сволочи продвинулись ещё на Север, бои к С. и к С.- В. от Сеула. Печально! В наших школах ввели МПВО — на эту дисциплину дали 40 часов. В воздухе пахнет грозой. Белый голубь взлета-

ет высоко, дай боже, чтобы не притомился. Плохая штука война! Во время войны некогда заниматься любовью, сажать розы, обтачивать металл, выращивать пшеницу, прорывать каналы, сооружать небоскрёбы, рисовать удивительные картины. И писать исторические романы. Во время войны приходится убивать людей. Это трудное и тяжёлое занятие скоро состаривает. Но когда вспоминаешь женщин Сеула и Пхеньяна, когда читаешь цифры изнасилований в Корее, когда представляешь, что эти самые варвары в жёлтых френчах придут в наш город. . . Ведь они не подумают о том, что Эльвире нет семнадцати, что у Музы большое сердце, они не пощадят этих прекрасных девочек — в сущности, эти все девятиклассницы не хуже и не лучше многих девочек своих лет. Все эти милые девушки будут раздавлены. Когда думаешь об этом, то пасмурно делается на душе. Воевать хотите? Лучше не суйтесь.

Вот бы нам живого Черчилля, Трумэна, Макартура, Аисона, Франко! Мы бы их убили плевками и навозом. К чорту войну! Мы хотим любить наших девушек.

Но если сунетесь — дело ваше. Живыми не уйдёте. Война — ваша гибель.

Третья мировая война будет самой ужасной и самой последней войной в мире.

Сегодня я стоял очень близко к Музе — сантиметров 7–8 от её лица. Её губы — как алые лепестки розы, смоченные росой и блестящие при свете утренней звезды.

Жаль не с кем поделиться впечатлениями — Феликс не пишет. Чорт его возьми! Mortblen!

Сейчас страшно мокрая погода. Второй день уже «всё течет, всё изливается!»

27 марта. Много думаю про двух девочек. Какие они разные! И обе притягивают моё сердце. Вчера на вечере одна «третья» девочка, вращаясь во время польки, так раздула юбку, что под ней белым вихрем мелькнула развевающаяся рубашка.

Такие случаи были и в 45й, где Эру, подругу Ф. Ф., участницу нашей шахм. секции, девочки заклевали за её вальсы с Аликом.

У неё коротковатое красное платье, к-раз при её бешеном вращении в вальсе взвилось гораздо выше колен. Я лично считаю, что если у девушки красивые ноги, то её личное дело развевать платье. Но я никогда не видел колен Музы. Валька Ищенко познакомилась со мной давно; мы играли в «балду» с ней, она села на парту и так ловко потянула платье, что прямо напротив меня оказались её коленки в чулочках цвета испанского табака. Но Муза! Я бы умер от стыда и ужаса, если бы увидел её ноги выше колен.

А Эльвира? Не знаю, как с ней. Пожалуй, я бы дорого дал, чтобы видеть, как она подвязывает подвязку.

29 марта. Во вторник 27-го был вечер 9-х кл.кл. в третьей школе. Я много танцевал. Познакомился с Галей Козьминых, единственной сорокопяткой, бывшей на том балу. Это стройная высокая девушка, очень изящная походка, прелестное чуть меланхолическое лицо, тёмные красивые волосы и большие глубокие глаза. Была подругой Эльвиры — как сейчас, не знаю. У неё маленькая рука, мягкая, тёплая, узкая — гораздо меньше моей.

Вчера была секция — ничего не произошло, «обалдел» в игре с Музой и Ферой.

Сегодня — о радость! — получил письмо от Фельки.

Он не виноват — был болен. Сейчас отвечу ему.

Я только что вернулся с вечера 10-х классов в 3-й школе. Танцевал много и удачно «Хау ду ю ду. — ду, мистер Браун». Фокстротом и танго я овладел. Теперь лишь вальс — и там пойдёт. На сегодняшнем вечере я любовался преимущественно Майкой и ещё одной третьячком (тоже член комитета) — Фая чорт-знает фамилию. Милы очень. После долгого перерыва увидел Вову Мурзика и Таню Ш. Она была единственной сорокопяткой на сегодняшнем балу. Таня была больна и сильно похудела; эта бледность ей очень идёт. Несмотря на весёлость, её белокурую головку окружает трагический ореол; он придаёт ей какой-то отпечаток порочной прелести, смутное впечатление драмы разыгравшейся за кулисами фарса или водевиля. Её отношения с Вовой очень тесны; сегодня она вытирала ему пот с лица платочком — вообще, они держатся, как муж и жена. Бедная девушка! Она так обаятельна.

Сегодня встретил на улице старую (я её теперь называю «левый желудочек»; Муза — «правое предсердие»). Мы так быстро прошли мимо, что я заметил лишь, как Эльвирка, увидев меня, усмехнулась и что-то быстро сказала подруге. И две белые зайчиково-пуховые шапочки уплыли по мокрой, облитой лужами улице.

У меня грипп, но я его лечу вечерами. Сегодня весьма вспотел — и жар упал на вечере, я почувствовал, что мне легче.

[Приложено письмо:

КУДА: Башкирская АССР

гор. Уфа

улица Зенцова 14 корп 2 кв 3

КОМУ: Назирову Р. Г.

Адрес отправителя:

Здравствуй Ромка!

Не знаешь, почему я тебе так долго не писал, и выставляешь неправильное обвинение. Я полторы недели валялся в постели. Потом пришлось догонять класс. Буквально не имел ни одной свободной минутки. Пропустил, правда, я не так много: всего 9 дней. Но я хотел вылезти в отличники, поэтому и ждал последнюю неделю. В субботу на классном собрании я узнал, что у меня все пятерки. Неплохо! Теперь со спокойной душой пишу тебе. А то: «Похоже, что ты ведешь сознательную политику на срыв нашей переписки». Разве так начинают письма? Даже не поздоровался!

Да, Ромка. «безумному донжуанству» пришёл конец. Фенка — шлюха. Довольно таки редкий экземпляр блядства (это Слово не подлежит оглашению). Иллюзии — к черту! Надо трезво смотреть на вещи. Бросаю всю эту мудню до конца 10-го класса. . .

Надоело всё, просто жутко. Отдохну от амуров. Знаешь, о чём я сейчас сожалею. О том, что рано связался с девочками. Надо было до 10-го класса не подходить ни к одной девчонке. Становлюсь женоненавистником. Ей-богу, куда лучше, когда чувствуешь, что ты совершенно свободен. Не правда ли? Бросай, Ромка, к чертовой матери девчат. От них всё равно ничего хорошего не дождёшься.

Ромка, ты всё перепутал с моей просьбой: я просил, чтоб ты узнал у Женьки, её собственный адрес, а не Налькин. На той неделе получил письмо из Праги, от Иржиньки. Ты, наверное, видел её фотокарточку. С последним письмом я получил от неё ещё одну фотокарточку. До чего милое личико! И всего ей лишь пятнадцать лет. Сегодня вечером буду переводить письмо.

Сейчас пишу тебе письмо у окна. Печёт. Разморило. На меня весной такая блажь находит, просто ничего не охота делать.

Лёжал бы где-нибудь на крыше, смотрел умиленным взором куда-нибудь эдак под небеса. Про подготовку к экзаменам надо пока забыть, чтобы она не нарушала душевного равновесия. Начну уже готовить ся после первого (не апреля, конечно!) мая.

Недавно Ромка, мы с одним парнем оторвали «Дипломата» Чехова. Кажется, вышло неплохо. Я играл полковника. Замечательно, Ромка, то, что, вылезая на сцену, я не знал своей роли. Спасло то, что наш литератор усердно шипел из под стола. Он сныкался под столом и только длинная скатерть скрывала его от взоров жаждущих хлеба и зрелищ. Была б хохма, если б приподнять конец скатерти.

Ладно, Ромач, кончаю письмо по двум причинам: во-первых, нечего писать, а во-вторых, жуточно хочется спать: так разморило на солнышке. Не сердись. И больше не пиши подобных открыток.

Вечно твой.

Фелька

25 Марта

31 м(арта). Чудный день, солнце отражается в зеркальных лужах, гладкое голубое небо...

Вчера был довольно модный вечер в нашей школе. Эльвирки не было. Как давно я её не видел! Уличную встречу я не засчитываю: я только и успел заметить свежую, восхитительно округлую щёку, её прямой слегка вздёрнутый нос и блестящий глазок под пушистыми ресницами. Эх, милая ты... мерзавка!

На вечере я много танцевал, немного учился вальс. Ю. Веницкий насильно заставил меня танцевать с девочкой. Я прошёл танго с Аллой Елагиной из шахм. секции, она меня вела, но было очень неудобно: я несколько раз касался её колен и груди — привык с ребятами танцевать вплотную. Под конец бала у меня из носа пошла кровь.

1 апреля. Вчера я (после того, как сделал запись) пошёл в город. С Вилориком Замятиным и его девушкой — десятиклассницей Инной — я пошёл в кино, на 5ч. 35м. Чехословацкий фильм «Штрафная площадка» мне очень понравился. В этот же вечер Алик Грезер затащил меня в Драмтеатр. Комедия Шекспира «Много шума из ничего». Там были Алик, я, ребята из нашего класса Шурка Охотников и Эдик Батыев, Вова Мурзин, Вадик Иванов, Геба с Галей Кузьминых, с Вовой Таня и Нина Брагина, с к-рой меня тут же познакомили, Стасик Суцневский и Трифонов, его дружок. Я много говорил с Галей, любуюсь её улыбкой: вечно полуоткрытый спелый яркий рот и крупные ровные зубы. В 45-й школе никто

не умеет причёсываться выгоднее её. Она очень хороша собой, хотя нос у неё неправильный — коротковат.

Эльвирки не видел.

Чорт подери! Последний вечер с её участием был 9 марта. Она решила, что я её разлюбил. Буду поддерживать в ней это мнение.

На сегодняшней секции я играл с Музой в «морской бой» и проиграл по-настоящему. В шахматы я с ней только начал. Язвил Фаю Фролову, к-рый теперь Алик попытается ненавидеть: он узнал, что она его терпеть не может.

Сегодня я мечтал поцеловать Музу.

2 апреля. Вчера вечером 3 часа гулял в городе. Встречал Эльвирку, но не замечал её: близорук я жутко. Долго провожал Музу, Феру Шафикову, Олю Каледину и Галю Токареву. Нога страшно разболелась — кажется, ревматизм: больно сгибать суставы пальцев, в цыпочке. Сегодня иду в школу: каникулы кончились.

2 августа. Четверг. Вчера вечером встретил Фелика и Нэлю на ул. Гоголя. Нэлька сразу толкнула его: «Ну, познакомь, что ли, меня!». Видно, она давно со мной собирается установить дипломатические отношения. Познакомились, постояли, поговорили. Я пошел к Гебе. Г. К. приезжает 7-го, она сейчас с папой на даче под Москвой. Мы с Гебой сходили к Гале Шукиной, Гера её немного обрабатывает, я наблюдаю и поддакиваю в разговоре. Прелестная девочка.

Вечером я гулял по avenue de promenade. Встретил Альку Шарипова, приехавшего из Одессы, сын реактивного бомбардировщика. Он угостил меня портвейном, выпили по 200: «за наше здоровье» — «и за новый учебный год». Потом я встретил Фиму. В 11 часов возьму Фелика, потом у школы встречу Фиму с Люсей и едем в лагерь. Красотуля.

3 августа. Вчера мы были в лагере, провели время с Виреттой (к-рая вчера же и уехала в город), она нас накормила. Искупались в Уфимке (вода была холоднущая!). Поднялись на Лысую гору по самой короткой и самой крутой тропке. С Женькой не встречались, и Феликс к девчонкам не подходил. С Фимкой мы разминулись и встретили его уже в лагере. Люся — довольно симпатичное существо, сравнительно миловидная, но тонковата: в сравнении с Виреттой — птичка. (Кстати, вспомнил 4 разряда женских ножек: очаровательные, зажигательные, хозяйственные и музыкальные; последние — это как ножки у рояля).

Завтра утром мама едет в дом отдыха рядом с лагерем. Мне представляется возможность попасть в лагерь, но не хочу.

Недавно прочёл Джона Уивера «Пиррова победа» (John Weaver). Сейчас дочитал Генри Форда «Моя жизнь, мои достижения». Старик отчаянно лицемерит в этой книге, я не верю ему ни на грош, но виден сильный человек.

4 августа. Мама только что уехала в дом отдыха. Я поеду к ней завтра в воскресенье.

Эта ночь была просто изумительная. Часа три-четыре в первой половине ночи блистали зарницы, то яркие и длинные, то еле уловимые глазом. Изредка был слышен очень отда-

лённый гром — впрочем, я не слышал, говорю со слов других. Молнии без грома следовали в среднем через 10 секунд, если не чаще. Настоящая воробьиная ночь!

Когда мы ездили с Феликом в лагерь, он рассказывал мне много интересного. Возле Ульяновска он присутствовал при испытании нового танка «Т-54» — обтекаемая машина, совершенно необычные для танка формы, снаряд будет отлетать рикошетом от брони. Огромные мощные пушки тоже новинка для танков. Да, наши танки лучше американских, это много значит.

Новый противогаз, новые танки, новые самолеты, новые пушки — и новые люди.

Флот у нас слаб, но сейчас мы нажимаем на подлодки и торпедные катера, их скорость доходит до 120 км/час, всё равно что самолёт У-2. Наш флот не предназначен для агрессии, это флот оборонного типа. Впрочем, строительство гигантов в 65.000 и 100.000 тонн выгодно только Бетлхем стил, Кайзер, Тодд и Перманент металлс, а у нас нет ни Бетлхем Стил, ни Кайзер, ни Тодд, ни Перманент металлс, значит, строить сверхавианосцы незачем. К тому же, никто толком ничего не знает о нашем Тихоокеанском флоте, а его сейчас непрерывно усиливают. Говорят, в Совгавани множество подводных лодок, порт очень сильно укреплен. У нас там есть, что противопоставить «Миссури». Если что-нибудь начнётся, то быть ей на дне. Кроме Советской гавани там есть ещё что-нибудь.

Да, ещё забыл. Феликс видел, как танк переходил по дну Волгу. Экипажу выдали на всякий случай кислородные приборы; танк закрыт герметически, только выхлоп идёт в жестяную трубку, над поверхностью воды (в тех местах глубина Волги до 12 метров). Эта длинная труба, выводящая выхлопные газы на воздух является единственным неудобством танка. Впрочем, в тёмные ночи переброска этих танков через глубокие водные рубежи даст великолепный эффект, главным образом благодаря неожиданности. Для того, чтобы заглушить шум работающего в глубине танка и клокотание рассекаемой трубой воды, нужно будет только хорошенько пострелять с полчаса. А там глядишь, из воды вдруг выползают огромные машины и бросаются на штурм.

Ещё Булганин сказал, что стремление к миру не есть признак нашей слабости.

В Корее кровь, кровь и кровь. 10 суток подряд бомбят Пхеньян. Бомбардировки и обстрелы продолжаются и в других местах. В Кэсоне спорят из-за военно-демаркационной линии. Генерал Нам Ир предлагает по 38-й параллели, американец Джой хочет гораздо севернее, чтоб оторвать от Северной Кореи свыше 13.000 км (квадратных) и полезные ископаемые. Чтобы подкрепить аргументы своих делегатов, американцы засыпают бомбами города Северной Кореи. Переговоры затягиваются.

Сколько буржуазных «мастеров культуры» стало нашими врагами в последние 20 лет. Нашим врагом стал престарелый Кнут Гамсун. В стан капитализма ушёл Энтон Синклер. Синклер Льюис — уже тоже враг. Лиона Фейхтвангера, бывшего «друга Москвы», страстного антифашиста, встречавшегося со Сталиным, покойный Павленко назвал «литературным торгашом» — и по заслугам: Feuchtwanger продал своё перо сильнейшим мира сего — американским капиталистам. Ну, можно допустить, что образ Вениамина Франклина, учёно-

го, дипломата, дельца, капиталистического идеолога, более или менее близок убеждениям автора; но Фейхтвангер, как Синклер, С. Льюис, «потерявшие совесть снобы» Хемигуэй и Андре Жид, выступал против Парижского конгресса мира. Неск-ко крупных писателей к-рых мы читали не раз в прежние годы.

6 августа. Понедельник. Вчера ездил в лагерь. Геба тоже обещал приехать, но не приехал. Я танцевал с Алькой, сказал Женьке новую дерзость. Женька мне положительно нравится, она очень хороша собой, но я не стану слишком проявляться. Вчера я снова немного испортил Женичке настроение. Мелочь, но она была угрюма после этого.

8 августа. Завтра еду в лагерь.

Крупные новости на свете. Послание Гари Трумэна с резолюцией конгресса — пышная демагогическая декларация о мире. Шверник и президиум нашего Верховного Совета ответили трезвым предложением пакта мира.

Я последнее время всё напевал одну привязавшуюся песенку — хорошенькая песня, американская рабочая песня о «жёлтом подлеце». Машинист Кейзи Джонс предал забастовщиков, повёл поезд; на мосту забастовщики устроили крушение, Кейзи Джонс отправился на небо. Когда он прибыл в рай, там была забастовка; Кейзи Джонс остался верен себе и стал на работу. Ангелы-стачники раскачали и шарахнули его с неба. Следуют последние два куплета (их только я и знаю):

Кейзи Джонс — слетает вниз, как мячик,
Кейзи Джонса — черти ждут во мгле,
И с тех пор в аду работать начал
Он за всё, что сделал на земле.
Кейзи Джонс — навек расстался с небом,
Кейзи Джонс — работает в аду,
Кейзи Джонс жалеет, что был скебом.
Это просим всех штрейкбрехеров иметь ввиду.

Эту песню, кажется, написал Джо Хилл. Это был замечательный человек, рабочий поэт, певец-пролетарий, настоящий герой, как будто сошедший со страниц «Железной пяты». Он был, как в этой книге Джека Лондона, убит своими классовыми врагами. Память о нём жива среди пролетариев США. О нём сложили песню, её пел у нас Чёрный Полюс. В ней говорится, что автору явился во сне Джо Хилл. «Как, разве ты не умер?». И следует красивая музыкальная фраза, торжественная и победная: «Я вечно буду жить.» Славный был человек: из таких, как Джон Браун и Эйби Линкольн.

10 августа. Вчера был в лагере. Женичка мне всё сильнее нравится. Milles diabolos! Carajo! Donner wetter! Goddam! Нехорошо. Неужто я разлюбил Виретту? А ведь, кажется, я был к ней очень привязан. По-моему, всё из-за того, что я узнал её покорооче. Простоватая девушка. Ум и красота — очень редкая комбинация. У неё только внешность ума, она ничего не читала. Вообще все эти красавицы из 45-й школы ни черта не читают. Обидно:

такие славные девчата, а читать не любят. Зато они естественны и самобытны, а читающие девочки частенько теряют эти свойства и делаются типичными «blue stocking». Несправедливо, что это словечко применяют лишь к женскому полу: бывают и среди мужчин этакие... «синие чулки», дилетанты, умные дяденьки в очках, культурно и умно разговаривающие и ничего не делающие: один из самых поганых видов интеллигенции. Только Горький умел читать так, что умел не терять в книгах детскую свежесть ума, чувств, сердца — Однако, далеко я свернул, надо вернуться.

Геруля вчера вечером, когда мы шли к «бусу», сказал внезапно: «А ты не думаешь бросать девчонок совсем?». Мы с ним поговорили: Я против. Мне ещё не надоели девчонки, и вообще мне это никогда не надоест, как и сама жизнь. Жизнь — это труд и любовь. Сейчас труд преобладает в нашей жизни, но это явление временное. Коммунистический строй превратит нашу жизнь в сад счастья, где труд будет лёгким и приятным, а любовь — блистательна и прекрасна. И пунктом, где идея срачивается с жизнью, становится стройная девушка с рыжеватой косой. За эту девушку, за её жизнь и счастье, за жизнь и счастье миллионов её братьев и сестёр люди без трепета будут отдавать жизнь и последние силы. Они будут умирать на посту, сжимая рукоять станка или ложе винтовки, погибать, не успев за всю жизнь поцеловать в губы подругу, будут уходить из жизни без жалости или раскаяния, гордые, суровые и счастливые, бросая последний взгляд, взгляд любви, светлой мечте. Они уйдут — на смену им встанут новые; падут эти — придут другие; и это будет длиться до дня, когда жизнь победит смерть.

Морально больные люди, верящие в доллар, в джазовококаколовый мир старой цивилизации, называют нас фанатиками. Они слепы! Им не достаёт счастья, а счастье нам даёт вера в идею коммунизма, борьба за человечество, humanite.

Это они и называют фанатизмом. Дураки, о terque et quaterque стультусы! Душевно одряхлевшие люди, они завидуют нашей вере, нашей силе и свежести и злобными словами скрывают эту зависть.

За Женьку, за Эльвирку, за советских девушек и женщин, за друзей, за свободный труд и любовь мы пойдём на бой с кровавым врагом.

12 августа. Воскресение. Утро.

Вчерашний день мне удался. Сначала я пошёл к заболевшему Алику Глезеру. Посидел у него, пошел к Гебе. Позавчера я узнал от Фимы, что у Эльвиры грипп. Мы с Гебой хотели навестить её, но Геба был занят, не пришёл вовремя на место встречи. Я пошёл к Фиме. Посидел у него, почитал «Историю искусства» Алпатова — изумительная Мадонна Боттичелли и «Спящая Венера» Джорджоне (изумительно славная баба, красивая без похабства). Потом мы съездили по какому-то фиминому делу к Стасику Прытину, оттуда в город, и Фима решил заскочить на миг к «болящей Эльвире». Мы отправились. Она лежала на кушетке в носочках и халатике, с завитыми косами, слегка розовая. Фима убежал через 20 минут, без 25 минут девять. Я остался и провёл больше двух часов.

В полутёмной комнате, где стены были увешаны коврами, где слабая лампа распростира- няла ровный полусвет, мы скоро остались одни. Мы сыграли партию в шахматы, я искусно поставил себе мат. Затем Эльвира выкопала «Огонёк» за 1950 г., и мы набросились на кросс- ворд. Мы сидели близко, Эльвиретта адела нездоровым румянцем, от неё веяло жаром, тем- пература была +37,3 С, самая вредная грипповая температура. После кроссворда настал черёд альбома, и, рассматривая старые фотокарточки, я пожалел, что не увлёкся Эльви- рой года два назад, когда она была прелестной стройной девочкой (сейчас она женщина — не физически, но морально). Лицо её было менее красиво, но более миловидно, свежо, юно.

За альбомом последовала музыка. Виретта села за фортепиано и принялась наигрывать, что знала. Мы отлично провели время; но вскоре раздался звонок, пришли папа и мама. В заключение она приглашала ещё приходить, и в понедельник я буду у неё с Гебой.

Выйдя от неё, я наткнулся на Гебу с Витей. Проводили Гебу, пошли с Витей на ул. Ленина, нашли Нэлю Юсупову. Нелли была в белом платье и огромной соломенной шляпе, в тени к-рой её лицо казалось красивым. Она была одна и жадно к нам прицепилась (с Фелик- сом не поладили что-то). Прогулялись и поговорили, Нэлли нас обрадовала новостью: Галя Козьминых приехала 10-го, вчера у неё были гости, сегодня она в гостях, на днях поедет к Женьке с Нэлей вместе. Галя сколачивает сильную партию: улаживает ссору с Элкой Гудаевой, привлекает на свою сторону Нэлю, возрождает стальные связи, с Женичкой. Надо спешно организовать оборону. Сегодня я попытаюсь наладить с Женькой. Ляле Ени- кеевой сvezу привет от Эльвиры. Женьку нужно спешно усмирить. Мешает её окружение, девочки с длинными языками и острыми зубами. Гале Константиновне мы дадим бой.

На стенах у Эльвиры висят красивые картинки, писанные на фарфоре, известная марка. Как свидетельствуют мои записи, это венский фарфор; ему лет двести, картинки во вкусе сентиментализма. Интересно!

16-ое. Четверг.

Был у Виретты с Гебой. Виретта выздоравливает. Ко мне относится иронически (в при- сутствии Геры), пробовала ощупать мои «мышцы», назвала меня «маломощным». Ну, что ж! Ладно. Завтра у неё день рождения. Побачимо, что она. Если пригласит — ладно, не пригласит — тем хуже для неё.

Вчера я был в лагере. В прошлое посещение (в воскресенье 12-го) я нашёл в лагере ста- рого знакомого. Это — второкурсник черниковского нефтяного института. Ромэн Юсупов черноволосый и кареглазый юноша, смуглый, сильный ловкий. Мы были с ним знакомы 13 лет назад. Наши отцы были друзьями, были вместе осуждены в 1937 году, сосланы на 10 лет и не вернулись. Мы с ним вместе вспомнили, как я посещал их с родителями, когда мне было года четыре, вспомнили вплоть до цветной картинке в книге «Робинзон Крузо», к-рую он мне показывал. О боги! Какая рулетка жизнь, какие шутки она над нами выкидывает!

Этот человек мне нравится, и я ему. Мы будем друзьями. Его мать — доктор Байсина, они живут очень недалеко от нас.

С Женькой почти не продвигается. Я продолжаю психологическое наступление (и психологич. Наблюдение), которое даёт невидимые результаты.

Вчера после лагеря я был на магистрали, встретил Феликса и прочих, с Гебой проводил Галину Ермолаевну Щукину; Фелька шёл с Нэлей и кузеном Владькой. Меня Фелька с рукопожатия огорошил: «Не подходи к ней (Нелли), она же пьяная!». Шутильник, как говорит Саша Панкин.

Сегодня мы с Гебой пойдём к Фелику, потолкуем, сговоримся о совместных действиях. Нужно обработать Женьку. Съездим в воскресенье в лагерь, я останусь ночевать. *Vardzo! Dobrze!*

Всё будет о-кей!

20-е августа. Понедельник.

16-го я побывал у Виретты с Гебой и Феликом. Сухонько и доброжелательно вставлял замечания в разговор; красивая, но неумная девушка улыбалась нам троим. Прощай, бывшее! Ухожу. Пути наши больше не встретятся. Мы будем хорошими знакомыми.

18-го у Виретты был пир. Приглашены были Алька Разумовский, Шамиль Хабибуллин, Торопчин, Фима Бугай, Вовка Матвеев, не знаю, как Геба и Феликс. «Латна!». Меня забыли?

Конечно, Фимка не лжёт: именины вспыхнули внезапно, она поздно спохватилась, стала приглашать всех, кто подвернётся под руку. Ну, а у меня нет телефона, я не был в городе в нужный момент — вот меня и не пригласили. Всё это дела не меняет: ведь я был у неё накануне. Словом, я кончил эту волынку. То, что я чувствовал когда-то к Виретте прошло: слишком глуповата. Ветерок в голове. Ну, ладно. *Assez! И Genug.*

Прошло и былём поросло.

К ЧОРТУ!

Вчера я поехал в лагерь. Ромэн — новый хороший товарищ. Это не Юра Винницкий, это свой, открытый, хороший человек. Красивый, здоровый парень, сильный, загорелый дочерна. С ним приятно сидеть рядом на тёплой от солнца скамье, или идти рядом по пыльной дороге, сбивая головки полевых цветов, или поговорить в ажурной тени стройной и кудрявой берёзы. Это чистый человек, он не курит, ни разу не брал в рот ни вина, ни водки. На девчонок он доселе чихал с шестого этажа, теперь только начинает присматриваться к ним — что это за зверь — девочки?

Элька Гудаева «влипла» (по выражению Гебы) в Роберта Башарова из 10-й школы. Пользуется взаимностью и счастлива.

Какая жалость, что Геруля не поехал со мной! Вчера была Галина Константиновна, мы обменялись кивками. Она пробыла там долго, вечером танцевала с Женькой.

Женька сейчас дала место у своего бока (фи, какая вульгарная, грубая гипербола!) нашему парню, Игорю Кузнецову. Голубоглазый, рослый блондин, добродушный, простой в обращении. Он пробовал за ней ухаживать ещё во время учебного года, но она его с позором отшила. Здесь, в лагере, на безрыбьи и рак рыба, она обратила свой взор; Игорь —

хороший мотоциклист, он берёт у дяди мотоцикл (дядя в доме отдыха живёт), сажает Женю, надевает чёрные кожаные перчатки, выезжает на шоссе. А там — пой, ветер, свою длинную песню, трещи, реви мотор, жги, солнце, лети навстречу, воздух! Чем не счастье, когда ветер свистит в ушах, маленькая, злобно ревушая машина пожирает километры, и за плечи держится рыжекудрая Женька в голубом платье, любимая девушка (а он её любит — факт!). Когда он переходит на четвертую скорость, даёт полный газ, мото достигает 80 км/час, Женичка обнимает его за шею и кричит, чтобы он уменьшил ход, остановил мото. Прикажи он ей: «Поцелуй, а то не остановлю!» — она поцелует.

Женька была бы прелестной девчонкой, будь она умнее. Она фальшивит: аффектирует, преувеличивает, разыгрывает свои чувства, порывы, капризы. Она изобретает, выдумывает переживания, ибо она холодна, у неё темпераменту «нехватА». Быть может, она и свой страх на шоссе чуточку подыгрывает. Не знаю! Знаю одно: она не то, чем старается себя показать.

Вчера во время танцев, я попросил Игоря Кузнецова подготовить почву для моего урегулирования с Женькой. Я видел, как он с ней разговаривал во время танца.

Я переночевал (тайком от педагогов) на временно незанятой койке в палатке, где спит Ромэн. Утром я спросил у Игоря, как удалось. Он уже не помнит, что болтал. Женька тогда сказала ему обо мне: «А ну его.»

Что же, «латна!» Я не падаю духом. Небо безоблачно, лазурь изумительная, я здоров и свободен, у меня есть друзья и цель в жизни. Ничто мне не страшно, ничто не поразит моей души. Мой разум вещает мне, что с Женькой я чего-то добьюсь. Живём!

Уже появились овощи и плоды нового урожая. Первые краски осени позолотили распаренную землю: начали опадать листья. Лето очень жаркое, реки мелеют, солнце ярит. Хлеба хорошие, картофель почти не уродился. Жизнь хороша без фанфар, барабанов, противогазов, бомб, взрывов и трупов. Мир, мир, мир! Кто хочет воевать? Вы? Или вы? Он? Или они? Не я, не вы и не вы, не он и не они. Никто не хочет кроме маньяков и антропофагов из Ватикана, с Уолл-стрита, из Сити. Ами, гоу хоум! Долой войну! Ля пэ вэнькра ля гер! Пис, пис! Вери гуд. Уор! — вери бэд.

Не надо! Ведь жизнь хороша. . .

Ромэну я посоветовал: не стесняться, приударить за Аней Маслоковой (симпатия девочки, простая и безыскусственная, не чета Гетнерше) и для начала попросить её учить его танцевать. Он рад совету и готов ему последовать. С тем мы расстались. Домой я вернулся часа два назад. 24-го я поеду на закрытие лагеря. Надо взять Глезера.

21 августа. Герка напечатал, наконец, карточки. Карточка с четырьмя лицами (студент, я, Ретта, Люся) не получилась. Я получил карточку, где я с Фелькой, и Ретту с Люсей. С увеличенной фотографией этих двух девочек Гера послал меня к Ретте. Она приняла меня в своём знаменитом бордовом халатике с серебристой вышивкой, красиво причёсанная, босоногая. Зазвала, засадила, завела разговор. Я был зол и каждую секунду говорил дерзости, доходившие до наглости. Оказывается, такой разговор совершенно правилен, он страшно импонировал ей. Я осыпал её фейерверком колких намёков, двусмысленностей, вежли-

вых грубостей. Говорю ей, что мне нужно идти домой, я не обедал; она: «Да, тебе нужно поправиться.» — «Не из чего поправляться: аппетиту нет» — «Влюбился, наверное?» — «О, давно!». Позже я ей намекнул немножко, да она и сама догадалась. Весь последующий разговор был построен на невысказанном, но понятном признании, острога которого моими частыми намёками на то, что минуло былое, ушли горячие чувства. Она обиделась и говорит: «А ты подумал, что, может быть, ты рядом с этой девушкой... не такой?». Я ответил ей, перехватывая инициативу и парируя насмешку: «Сопоставлял: и в самом деле, очень незавидное зрелище: я(!) — и рядом такой... предмет любви.». Я внутренне хохотал, глядя на неё. Разговор этот сильно повлиял на неё: помню, она «извинялась», оправдывая неумно и неуклюже то, что не позвала на именины Фелика, Гебу, меня. Начала напрашиваться на визит ко мне, я холодно ответил, что надо было думать раньше. При выходе я подвергся усиленным приглашениям «заходить», на моё отшучиванье она сказала: «Какой ты ещё мальчишка!». Я преисполнился коварным любопытством и спросил, смеясь одними ноздрями: «А что, разве ты уже... (паузка и полушопот)... женщина?» — И трагический восклицательный знак бровью. Ну, хохма!

Опять Виретта пыталась меня чаровать, соприкасаясь волосами, сближаясь корпусом, соединяя локоть. Грубая работа!

Я жду 24-го августа. Поеду на закрытие. Посмотрю, как там чего. Завтра отнесу Фелику карточку, позову на вечер в лагерь.

26 августа. Ah, mein lieber Augustin, Augustin, Augustin, alles, alles ist passiert, alles, alles ist passiert!

Всё прошло.

24 был вечер. Я ушёл рано. Галя и Женька были великолепны. Женька становится просто красавицей. Вчера вечером видел её на ул.Ленина, шлялась с Игорем. А утром того ж дня от Уфы отошёл в Ульяновск семьдесят первый поезд. Из двери вагона № 6 долго смотрел на почерневший от дыма и мазута, быстро удаляющийся перрон с провожавшими Феликс Чернуха. Было 9 часов 17 минут. Холодное синее небо безразлично смотрело вниз.

Может быть, я больше не увижу Фелика. Он уедет в Москву после 10кл., я — в Ленинград. Но я его запомню навсегда.

Фелик уехал, я остаюсь. Девочки... Димитрий Кондаков сказал, что девочки делятся на два разряда: хорошие и хорошенькие. Мне кажется, существует промежуточная категория. Но всё это далеко от меня. Мне хочется всегда того, что недоступно. Правда, Виретта тоже была недоступна, а в последний раз напрашивалась на приглашение, прийти ко мне.

Женька... Что она за зверь? Любопытно. Эх, если бы учиться с Фелькой! Нет, если бы Фелька с нами? было бы *bardzo dobrze*.

В истории с Виреттой «инкубационный период» длился 5 месяцев. Значит, в январе я смогу упорядочить делишки с Женичкой.

27 августа. Кончился всемирный фестиваль молодёжи и студентов, праздник революционного интернационализма.

Кровь льётся в Корею рекой. Огромные надежды возлагались на переговоры о прекращении огня (cease-fire), которые велись в Кэсонской нейтральной зоне. Теперь эти надежды разлетелись, как дым. Окончательно выяснено, что американцы пошли на переговоры, чтобы спасти свой престиж, успокоить армию, оттянуть время, собрать свежие силы. Это им почти удалось. Переговоры упёрлись в военно-демаркационную линию. Нам Ир несколько раз предлагал 38-ю параллель, они требуют провести линию севернее, т. к. сейчас в оккупированной ими части Северной Кореи находятся богатейшие залежи вольфрамовой руды. В районе к северу от 38-й параллели залегают вольфрам, марганец и железо. Особенное значение имеет вольфрам. 7 августа нью-йоркская «Дэйли миррор» писала: «Без корейского вольфрама Соединённые Штаты не смогут строить достаточного количества реактивных моторов, бронированных снарядов и — что ещё важнее — удовлетворять потребности в области атомной энергии.» «Богатые неиспользованные запасы вольфрама» — одна из причин непреклонной позиции Риджуэя в Токио и его легата в Кэсоне вице-адмирала Чарльза Тернера Джоя (один из тех, чья подпись поставлена под актом о капитуляции Японии в 1945г.). Предоставим слово той же газете: «Крупнейший рудник находится в Сандоне менее чем в 60 милях ниже параллели. Нехватка вольфрама ощущается весьма остро. Мы перебросили в Корею горнорудное оборудование для того, чтобы начать работы на рудниках в Сандоне и меньших рудниках, расположенных выше 38-й параллели. Нашей стране не хватает 2млн. фунтов вольфрама для удовлетворения гражданских потребностей. Обычно мы потребляем около 14млн. фунтов в год, главным образом для металлорежущих инструментов.»

Чарльз Вильсон, президент «Бетлехем стил компани» Юджин Грейс и президент «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» Бенджамин Фейрлесс считают, что приобретение северокорейских залежей вольфрама, железа и марганца может рассматриваться как большой успех с точки зрения производства вооружений в США. Риджуэю ещё в ходе переговоров дали понять, что и Трумэн и госдепартамент полностью поддерживают Чарли Вильсона: «вооружённые силы Объединённых Наций» любой ценой должны удержать в своих руках район залежей вольфрама в Сев.Корее. А ргоров, в северокорейском вольфраме был лично заинтересован один крупный колониальный промышленник — Дуглас Макартур.

Сейчас cease-fire фактически сорван: американские самолёты обстреливали грузовики корейской делегации, шедшие в Кэсон, янки и солдаты Ли-Сын-мана стреляли по нейтральной зоне, наконец, американская авиация бомбила Кэсон.

Что же ещё будет?

В ходе переговоров Риджуэй ввёл новый аргумент: он отдал приказ произвести зверскую бомбардировку городов Северной Кореи. 14 августа была произведена жесточайшая за всю войну бомбёжка. На Пхеньян было сделано два налёта — 350 и 300 самолётов. Летящие крепости и штурмовики пролетали над самыми трубами разрушенных зданий, поливали из пулемётов улицы, охотились за каждым человеком, тяжёлыми бомбами уничтожая квартал за кварталом. Погибло свыше полутора тысяч человек, людей долго ещё извлекали трупы из-под обломков, целую неделю рвались бомбы замедленного действия.

Янки возобновили воздушные провокации в Китае. Не так давно девять американских самолётов залетели в воздушные пространства: восемь были тотчас сбиты, один улетел.

[Приложено письмо:

КУДА: Башкирская АССР

гор. Уфа

улица Зенцова 14 корп 2 кв 3

КОМУ: Назирову Р. Г.

Адрес отправителя:

Ромач, кажется, я буду кончать школу в Уфе. Но об этом пока никому не говори. Сегодня вечером я точно узнаю. Припасай на меня в классе место. Было б просто чудно, если б мы сидели вместе.

Феликс.

27 августа. 51 год]

30 августа. Феликс прислал срочное письмо: кажется, будет учиться в Уфе. Это было бы колоссально.

Вчера я смотрел старую австрийскую кинокомедию «Петер». Тусенький, похабненький, весёленький буржуазненький фильм! Юмор граничит с садизмом: героиня весело подстраивает кровопролитную драку в трактире, её — девушку — сильно бьют по щекам. Злоупотребляют голыми ножками женщин. Сцены насильного раздевания женщин. Героиня танцует мерзейшие по степени похабства танги и фоксы. Гниль! Но есть много безобидного юмора, хорошей игры, симпатичных мотивчиков (когда-то песенка из «Петера» была очень популярна: «Хорошо, когда работа есть.») Всем нравится. Героиня очень славная бабёшка.

1 сентября. Сегодня в полвторого я пойду в школу. Начинается новый учебный год.

Вчера толпы школьников проводили свой последний летний вечер на avenue de promenade. Ни Женьки, ни Гальки К. Не было. Женичка в прочных отношениях с Игушкой. Эльвиретта Берлявская, этакая небольшая высокопородная дамочка в красном, курсировала по «бульвару» с подругами. Вчера она была хороша. Я поздоровался. Она, кажется, не заметила. Неважно! — Я поспорил с Алькой Касиловым, что Женька с Игорем будут дружить не больше месяца. Геруля дал мне задание: узнать, кто ходит за Галькой Кузьминых (шифрованное прозвище — «Вредитель»: от — «жук Кузька»).

Но всё это мелочи! Главное — медаль. Нужно хорошо кончить школу. Нужно с первого дня получать одни пятёрки.

2 сент. Воскресенье. Вчера был первый день школы. Трогательная встреча с коллективом. До войны был хороший кинофильм «Друзья встречаются вновь». Его название подходит для вчерашнего дня. Школа блещет свежей краской, всё отремонтировано, ещё не обсохла краска.

Мне нездоровится: что-то вроде дезинтерии. Я достал у Нарика чудесное photo. Девчата из комслэгеря (вторая смена): Элька Гудаева (шифр «Кок»), Ляля Еникеева, Галька «с бородавкой», Галька Нестерова, Муса и Женичка. Женька просто прелесть.

Болен я. Мне худо.

6 сентября. Мой гриппик кончается.

Погода меланхолическая, навевает раздумье. Я немного тоскую. У меня эмоциональная натура, я вижу посыпанные ранними листьями дороги, слышу прекрасную лирическую музыку. Встречаю прелестных девушек, и они совершенно недоступны, они далеки от меня. Быстро пройдёт зима, а Женя навсегда останется отдалённой от меня. *Helas!* Неужели человек так мало может сделать.

12 сентября. На днях я прочёл в «Новом мире», № 7–8 за 1946 г. часть романа Эптона Синклера «Агент Президента». Интересное описание митинга нацистов в Нью-Йорке. Ланни Бэдд в роли «А. П.103» дружески беседует с одним из своих клиентов Германом Вильгельмом Герингом, оказывает некоторое влияние на самого «Ади» (так американцы называли Гитлера), присутствует на 180.000 — м сборище нацистских главарей на огромном Цепелиновом поле близ древнего Нюрнберга, где каждый год устраивался в начале сентября недельный съезд (*der Parteitag*, партайтаг). Вообще, интересная книга, написанная в ярко антифашистском духе, но ни слова о рабочем классе, о социалистической России. О рабочих только упоминают, что Гитлер и Муссолини «разрешили рабочий вопрос». Очень идеализирован Ф. Рузвельт, у Синклера он почти Линкольн. Эптошка оправдывает его эмбарго на вывоз оружия в Испанскую республику.

8 сентября конференция в Сан-Франциско закончилась. Латиноамериканские банановые и кофейные республики, игрушечные державы Лаос и Камбоджа, «император Аннама» Бао Дай и самое главное — U.S.A. подписали сепаратный по существу договор с Японией. Этот договор не подписали ни Китай, ни СССР, ни Индия, ни Бирма, ни даже Филиппины, ни Вьетнам, ни С. Ш. Индонезии. В тот же день, вскоре после подписания сепаратного договора, было официально объявлено, что правительства США и Японии подписали двусторонний «договор безопасности». От Японии его подписал премьер Иосида, от США — Дин Ачесон, Джон Фостер Даллес и сенаторы Бриджес и Уайли. Чисто военный плацдармовый договор. Японские империалисты просят янки подавлять внутренние волнения и восстания в Японии. Не опубликована секретная часть договора — «отдельный документ», где перечисляются 20 авиационных и морских баз в Японии, доки, портовые сооружения и средства связи, к-рые предоставляются американцам.

«Ветераны, выступающие за мир» пикетировали «Опера-Хаус», здание оперы в Сан-Франциско, где происходила конференция. Пикетчики разбрасывали листовки призывающие отказаться от военного блока с Японией и продолжать переговоры о прекращении огня в Корее.

Автором сепаратного договора с Японией был Джон Фостер Даллес, один из главных поджигателей новой войны. Ещё до конференции, в Маниле пятитысячная демонстрация, требуя неподписание договора, сожгла изображение Джона Ф. Даллеса.

21 сент. Учусь ничего. В воскресенье (послезавтра) вечер в сорок пятой.

Вчера вечером у нас было собрание и мы подписали Воззвание о заключении пакта мира между пятью великими державами. Я подписал Воззвание.

Теперь только я понял, что меня так привлекало в Джоне Брауне. Это то, что он единственный в истории великой североамериканской республики с оружием в руках восстал против существующего строя, против освящённых буржуазией законов, против соблюдавшего их правительства Соединённых Штатов. Этот чёрствый, седой старикан, такой непреклонный, безжалостный к себе, был первым американским революционером, если не считать мелкособственнического бунта, Даниэля Шейса против крупных собственников и сборщиков налогов. Джон Браун, горячо верующий пуританин, пошёл на казнь со словами: «Я иду без страха. В моей душе царит великий, светлый покой. Я покажу людям как умирать за правду. Я не чувствую ни малейшего унижения от тюрьмы, от кандалов, от виселицы. Я иду на смерть с радостью ради миллионов неправых людей.»

24 сент. Вечер был. Я был на нём. С Виреттой по товарищескому курсу. Гальке Козьминых сделал мелкую хохму: стал перед ней во фронт. На Женьку влиял психически: необращением внимания. Танцевал.

Женька проходила мимо, я нахально наклонился (правда, очень незаметно, чуть-чуть), сидя на стуле, она меня задела: моё плечо об её бедро, голова об её руку, аж через одежду почувствовал добротное Женькино тело. В другой раз стою пред Игушкой и спрашиваю: «Что, Валька выпил, что ли?». И слегка качнулся влево, не глядя. Сразу попал всем боком руки в Женьку, выходящую из зала. Я, конечно, шарахнулся вправо, но даже раньше она сумела сказать тоном глубочайшего презрения: «Извините.» И я ответил ей тоном глубочайшего равнодушия: «Извините.»

Валька Труевцев перед вечером попросил меня 30 копеек на семечки. Я дал ему рубль. На танцах вижу — Алька Шарипов качается. Спрашиваю: «Купили семечек?» А он, разыгравая пьяного: «Купили. . . По 400 грамм семечек на брата». Пошёл взглянуть на Вальку, он танцевал твёрдо, прямо, плотно закрыв рот, чтобы не пахло. После, когда он стоял у стенки, я спрашиваю: «Что ж вы со мной не поделились семечками?» Он: «Что семечки? Не нашли семечек.» Я: «Я знаю, какие вы семечки нашли.» По Валькиному лицу прошла хитроватая улыбка.

26 сент. Учусь. Нарик Ахмеров чикнул меня, сегодня дал фото. Я сидел у него в комнате и делал алгебру и геометрию, он окликнул меня и щёлкнул в окошко.

Только у меня вышло очень длинное лицо.

Сейчас прохладная погода, но я для форса хожу в рубашке. Сегодня, часа полтора назад, я попал под дождь. Иду с Нариком и Эдиком Батыевым под проливным дождём мимо сорок пятой школы, рубашка моя почернела от воды. Навстречу идёт толпа сорокопятаков из 10 «б», они всегда вместе ходят с уроков. Женька в своём пальто и шляпе, видит нас, ищет, к чему придраться, что просмеять, и говорит своим девочкам: «Даже очки не сняли» А у нас в самом деле очки не сняты, вода льётся по стеклу. Так и прошли, не обращая внимания, видя всё сквозь мутную пелену.

28 сентября. Схватил пару по химии. A l'arm, mes amis! A l'arm, a l'arm, les ennemis a la muraille!

Надеюсь, что это будет последняя двойка. Печально, конечно, но что же делать? Работать!

Сегодня я слушал песню «Джо Хилл», её чудно поёт Поль Робсон. Вот слова:

Вчера я видел странный сон:
Ко мне пришёл Джо Хилл
Как прежде, был весёлый он
Как прежде, полон сил. — bis.
«Джо Хилл, я рад тебя обнять,
Мне нравится твой вид.
Ну, как не стыдно людям лгать,
Что ты давно убит?» — bis.
Джо Хилл ответил: «Слух пустой,
Меня нельзя убить.
В сердцах рабочих я живой,
Я вечно буду жить.» — bis.

Я всё меньше думаю о девочках, но всё же они сильно меня интересуют. Женька. Что будет? Интересно, выгорит что-нибудь?

30 сент. Завтра вечер у Гебы. Буде Женька; она говорит ему, что меня ненавидит. Окей! Она ему сказала: «Если будет Ромка, я его уничтожу.» Сейчас пойду, куплю подарок. Жаль, что Женька так зла. «Интересно, что получится завтра?»

2 октября. Вчера я вернулся домой в пол-пятого ночи. Славно погуляли. Только мало было тёплых напитков, «оковыты»: грамм триста «московской особенной» да немного портвейна. Девчонки пили один портвейн. Не только не уничтожили меня, но я их объехал: поговорил и с той и с другой, Гальке обещал тетрадь с афоризмами. Всё отлично, Женька зла не держит, проста(я) девчоночка. Водка придаёт непринуждённость. Я танцевал довольно много; Геруле я подарил англо-русский словарь на 60.000 слов. Женька с Галькой поднесли букет и чугунную чернильницу в виде собачьей головы (или медвежьей? не знаю). Да, я славно поговорил! Боюсь, что когда пары портвейна улетучатся из их головок, они вновь припомнят старые обиды и вновь возненавидят меня. Побачимо.

Сейчас в свете много нового: В Англии внеочередные парламентские выборы, в Нью-Йорке собралась Генеральная Ассамблея ООН; там же в США кончилась «многопреславная» деятельность комиссия Кефовеера, много шуму из ничего: накричали, но никого не тронули, рэкетира Костелло почтительнейше арестовали и выпустили под залог в 5.000 долларов. Демонстранты за мир, описывая круги по улицам и площадям одного американского города, несут плакаты. На девочек повешены сзади и спереди щиты: «Let my daddy come home.» — «Оставьте моего папу дома.» На палку прибит плакат: «Racketeer Costello 5000,

fighters for peace 50.000.” — Т.е. с ракетира Костелло взяли залог в 5.000, а с борцов за мир по 50.000.

В Стамбул 27 сентября прибыл немецкий военный преступник, гитлеровский дипломат фон Папен. 28 сентября в Токио прибыл президент объединённой группы начальников штабов США генерал Омар Брэдли, его сопровождает советник государственного департамента Чарльз Болен (унд Гальбах), американский отпрыск династии Крупнов.

2 октября. Турецкий буржуазный журналист интервьюировал фон Папена. Старый диверсант, счастливо избежавший петли в Нюрнберге, когда-то был послом в Турции. Он прикинулся растроганным, посморкался в надушенный платочек, с немецкой сентиментальностью помянул, что Турция — его вторая родина «со слезами на глазах» завопил о героизме турецкой бригады в Корее, начисто истреблённой и разбитой (я видел фото: демонстрация военнопленных турок за мир в одном из лагерей Южн. Кореи).

... на касательно взрыва атомной бомбы. Сильный ответ! Внушительный, заставит подумать западных людишек, тех, что снисходительно-индеферентны к факельщикам. «Испытания атомных бомб различных калибров будут производиться и впредь.» Ясно? Не думайте, что перед вами лёгкая добыча! Ваши «bombers» не дойдут до цели, их собьют по пути, а если хоть один атомчик попробует разложиться в пределах нашей страны, то мы сможем ответить.

По-моему раньше 1965 года новых военных авантюр крупного масштаба (крупнее корейского) не будет. А за это время мы станем совершенно непоколебимы. Время работает на нас! Динозавры вымирают.

У нас, в маленьком мире уфимской молодёжи, «крупное» событие: вечер был в 3-ей школе в субботу. Я не был. Печально, но чорт с ним! Женька два раза не поздоровалась, будем с ней по-прежнему: wet ze wet, darmo nic. Но мелка эта жизнь, с девчонками, интрижками, обидами, флиртом, увлечениями и влюблениями. Самый благородный путь для молодых людей нашего поколения — в авиационное или военноморское училище. Подводная лодка или реактивный самолёт — сейчас высшая поэзия нашей борьбы. Коммунизм становится явью, защищать его — наш долг перед человечеством. Грозят? Ладно. «Лезут? Хорошо. Сотрём в порошок.»

21 октябр. Воскр. Провёл день у Гебы, он болен (грипп и ангина). Привёл к нему Виррету. Просидели вместе чуть не четыре часа, проводил её на квартал (они с Гебой соседи). С Эльвирочкой чем грубее, тем милее. Я ей такие резкости отрывал, и анекдот про беременных женщин, и что угодно. А рgoros, она просмотрела от доски до доски пресловутый справочник судебной медицины, прочла, кажется, его; а я видел в нём такие иллюстрации — не для девиц. Я ей выразил удивление: такие картинки (половые органы всех сортов и размеров, тьфу!).

... масса пластинок 20-х и 30-х годов: танго, румбы, блюзы et caetera. Немецкие, английские, американские джазы. Marek Veber, Jack Jackson и др. Настоящие негритянские джазы с визгом, мяуканьем, нечленораздельными воплями, лаем, криками. Фокстрот «О

Johanna” (О, Джоанна!) начинается четырьмя уходерущими пронзительными отчаянными тенорами один другого выше: “- О, Джоанна! — О, Джоанна! — О, Джоанна! — О, Джоанна!» Последнее «О, Джоанна!» (произносится примерно — чёханна) уже выше голоса, фистула, — кажется, так называется.

Фокс «Mickey Mouse» (Микки Маус, знаменитый Микки Уолта Диснея, весёлый, изобретательный и ловкий Микки) сопровождается искуснейшими звукоподражаниями: лай, мяуканье, хрюканье, визг, писк. Микки поёт настоящим мышиным голосом. Интересная пластинка; английская надпись: «Orlof’s don Kosacks” — “Донские казаки Орлова» и «русский балалаечный оркестр». Заводим, пускаем: «Марш вперёд, труба зовёт, чёрные гусары!..» Это белоэмигранты распевают «Марш гвардейских гусар». В конце есть несколько ноющих, типично белоэмигрантских слезливых нот. На этой пластинке записана строчка истории, это осколок белой эмиграции, которая ещё жива. Ещё жива в Америке внучка Льва Толстого, графиня Александра Толстая, порядочная мразь. Недавно из США в Европу командировали Сашку Керенского, жив ещё уродец с ушами. Правда, в 1945 г. или в 1946 г. мы поставили к стенке атамана Семёнова, князя Ухтомского и последнего из Гиреев, но зато белоэмиграция пополнилась «Иудой Кравченко».

У Эльвиретты есть Вертинский.

...ные переговоры. Причина ясна: американское общественное мнение взбурено известиями об огромных потерях американцев в Корее.

В Мексике президент Алеман и правительство грубейшим образом попрали конституцию, превратили конституционные гарантии в клочок бумаги: нарушив право убежища, они арестовали и «выслали», т.е. предательски выдали агентам ФБР секретаря Национального комитета компартии США Гэсса Холла, скрывавшегося в Мексике от преследований. В Мексике 2000 агентов ФБР, по выражению Ломбардо Толедано, страна оккупирована американской политической полицией. Агенты выследили Гэса Холла, донесли, правительство из Вашингтона нажало кнопку, произвело нажим — и президент Алеман уродливо попрад, нарушил, предал etc. — что угодно!

Бритты, с которыми Египет недавно денонсировал колониальный договор, совершили агрессию в зоне Суэцкого канала.

Прочёл очень недурные «Московские повести» Панова. Описывается два различных эпизода из морских походов последней войны. Эсmineц «Громовой» прервал рейд тяжёлого крейсера «Герман Геринг». Книга написана просто, язык чуть сыроват, но материал богатый, книга местами захватывает. — В сопках Северной Норвегии, на занесённой снегом вершине, в виду вздувшегося внизу океана поднялись и рассыпались три не приметных, прежде неподвижных сугроба. На их месте стоят, напряжённо впившись глазами вдаль океана, три разведчика в белых халатах и капюшонах. «— Никак тяжёлый крейсер выходит в океан, товарищ боцман?» — «Точно, тяжёлый крейсер «Герман Геринг»! Вышел из Альтен-фиорда курсом на ост.» Могучий корабль скользит по океанской ряби. «— «Герман Геринг» вышел в рейд, матросы! «— повторяет боцман Агеев, и его лыжные палки глубоко

вонзились в снег. Низко пригнувшись, разведчики мчатся к своей радиостанции, как три белые молнии: скорее радировать командованию о выходе «Геринга» в рейд!

... калибра, вес снаряда 122кг, дальность стрельбы 190 кабельтовых, скорость стрельбы — 4 выстрела в минуту; восемь 5-дюймовых (127мм), вес снаряда — 45кг, дальность стрельбы 120 кабельтовых, 6 выстрелов в минуту. Точных данных о его броне не было; полагали, что толщина брони главного пояса до 200мм, верхней палубы — 25мм, средней — 50мм и нижней — 25мм. Осадка 7–7,5м; броневой пояс на 1–1,5м ниже ватерлинии. Между трубой и грот-мачтой ангар «Геринга»; самолёты со сложенными крыльями, два разведчика.

А что такое эсминец? Небольшой корабль со скоростью 80 км/час, мощные торпедные аппараты.

Фашистский рейдер потопил транспорт «Свободная Норвегия» и пошёл к Тюленьим островам. Военный ледокол «Ушаков» со своими пушечками принял бой и радировал об этом. «Геринг» уже засыпал «Ушакова» снарядами, когда на крейсер напал эсминец, вслепую, по расчётам, вышедший из мрака и снега на «карманный линкор» «Геринг».

После героического поединка «Громовой» торпедировал «Геринга». Рейдер ушёл на базу лечить пробоины. Вслед ему помчались торпедоносцы, поплыли корабли — добивать. «Геринг» вызвал «Мессеры», и был над морем грандиозный бой. «Северная Одиссея»!

27 окт. Суббота. Радио сообщило о результатах выборов в английскую палату общин. Эттли, Морринсоны и Бивены полетели к чорту: Крупное большинство мандатов получили консерваторы. Старому бульдогу Черчиллю после шестилетнего перерыва (король принял его отставку в июле 1945г.) снова поручили сформировать кабинет. В прошлом парламенте было что-то вроде двух коммунистов, в этом — совсем не говорят. После либералов сказали о трёх депутатах «прочих партий». Неудача.

Влагаю в дневник конверт с четырьмя кредитными билетами исчезнувших режимов: колчаковские 50 рублей (1919г., Омск.), гоминдановский юань (а, может быть, ещё догоминдановский — драконы какие-то по краям), болгарские 20 левов 1943г. И 50 сербских динаров 1941 года. Ключки истории!

28 окт. Воскресенье. Только что с вечера. Толкал по немецки «der Handschuh» Шиллера. Что-то Женичка меня забирает.

30 окт. В субботу вечером старый бульдог объявил состав кабинета: он сам-премьер и «министр-обороны»; министр иностранных дел и зам.премьера всё тот же Иден (он будет лидером палаты общин); министр финансов — Ричард Баттлер; министр по делам сотрудничества наций лорд Исмей; министр колоний — Оливер Литтлтон; министр внутренних дел — Дэвид Максвелл Файф; лорд Вултон — лорд-председатель совета (будет нести ответственность за продовольствие и сельское хозяйство); министр труда Уолтор Монктон; лорд-хранитель печати и лидер палаты лордов — лорд Солсбери (Salisbury — аристократич. род с Вильгельма Завоевателем).

Маршал Петэн волею божиею издох, архиепископ парижский устроил торжественное богослужение в память его (27окт., в субботу); усиленные отряды полиции охраняли Notre

Dame de Paris. Присутствовавшие при мессе генерал Вейган (французский неофашист), адвокаты Петэна и некие другие под охраной полиции покинули собор через заднюю дверь. Перед собором проходила многотысячная демонстрация трудящихся. Манифестанты кричали: «Петэн-убийца!» — «Фашизм не пройдёт!» — «Свободу Анри Мартену!» Потом площадь огласилась пением «Марсельезы». Полиция с дубьём напала на манифестантов, несколько человек было ранено.

С 25/Х-50г. По 10/Х-51 корейцы и китайцы истребили, ранили и взяли в плен свыше 387.000 интервентов (176.688 янки)

1 ноября. Четверг. 26 октября китайская армия вступила в Лхассу. Был устроен небольшой парад, площадь украшали портреты китайских вождей, и вымпелы с текстами (китайскими и тибетскими) из соглашения о мирном освобождении Тибета. На трибуне рядом с китайскими генералами стояли шесть видных чиновников тибетского правительства. Среди средневекового города лам произносились типично китайские лозунги и речи: «Решительно выполним соглашение о мирном освобождении Тибета.» Потом приём у далай-ламы (воображаю его фантастический наряд — когда-то я видел это в кино); далай-ламе преподнесли дары от Центрального Консультативного Совета Китая, сказали речь, затем далай-лама выразил благодарность и пожелал доброго здоровья председателю Мао Цзе-дуну. Ну, хохма! Это рукопожатие седой древности и юной современности: многовековой тибетский ламаизм и двухлетняя китайская республика. Только коммунисты умеют уничтожать старое при помощи его приверженцев. Ведь НЭП был у нас прологом пятилеток. Кстати, китайцы сейчас тоже переживают свой НЭП, но им гораздо легче (наша помощь). Недавно я слышал по радио, как китайские предприниматели приняли патриотическое обязательство увеличить свою деловую активность. Интересно, надолго у них эта классовая идиллия?

А рядом истекает кровью Корея. Известная газета «Минчжу Чосон» описывает режим голода, насилия, нищеты и террора в Южной Корее. Газета, ссылаясь на агентство Киодо Цусин (Япония), пишет, что в Южной Корее убито свыше 2 млн. корейских патриотов. Грабёж, насилие, заключение в тюрьму по малейшему подозрению, трупы на каждой лесной опушке, в каждой деревне. . . Американское агентство Юнайтед Пресс пишет, что по улицам городов и дорогам Южной Кореи бродит в поисках куска и жилища свыше 8.000.000 корейцев. Мерка риса (7кг) стоит тридцать тысяч вон. Женщины с детьми ночуют под открытым небом. Мужчин насильно мобилизуют в армию Ли-Сын-мана, женщин — в дома терпимости.

4 ноября. Воскресенье. Яркий красивый день, лазурное небо, светлое солнце.

Вчера вечер был у нас. Я танцевал, тщетно пытался вальс. Один раз Танюшка Ширшакова сама меня пригласила. Она оправдывает свою славу: прижимается «по-страшному» грудью. Я собирался было взволноваться, но раздумывал: к скольким она эдак прижималась-то? Хуже с Женькой: она нуль внимания, я не обращаю тоже, тоска. Я стараюсь на неё не глядеть, иногда гляжу. У Женьки ноги хорошие, но у неё жалкие, нищенские косички — тонкие, короткие. На вечер пришла шайка «блатыг»: четверо здоровенных парней. На последнем вечере в 45-й школе они «тянули» на Альку Глезера. А у нас вчера один сплеча

двинул в челюсть Женьку Маренцева. После вечера толпа была у дверей школы — не знаю, чем кончилось.

Может быть, на некоторый период совсем чихнуть на Женичку? Чтобы её проняло до печёнок. С Игорем они помаленечку ссорятся, мирятся, но это симптом: скоро они разойдутся, «как в море корабли». Тогда за дело возьмётся Геба, я так думаю. Витька в глубине души ещё не пережил Женьку.

Одно время (весной 1951г.) в Женьку влюблялся Саша Панкин, но у него пороку не хватило: он ушёл.

Я не знаю, как быть. Вчера мне нравилась даже Виретта, ей очень идёт её тёмное платье с кружевным воротником, которое я видел на ней почти ровно год назад, 10 ноября. Понравилась даже изломанная походка нашей мадам д*Эпар, Галины Козьминых, нашей классической кокетки. В этой Галине всё же есть доля поэзии, есть что-то очень красивое, но осиливает чёрствое и холодное. Этакая ледяная глыба с замороженными в ней цветами.

Начинается грусть.

7 ноября. Да здравствует XXXIV годовщина самой великой революции!

Был праздник, была демонстрация. Видел Женьку очень близко. Выпил в сумме (водки и вина) около поллитра. Быть может, ещё не улетучились из головы винные пары, но терзает зверски сильное желание — пойти к Женичке и выложиться начистоту. Завтра, вероятно, сделаю глупость.

8 ноября. Вечер, 20.20 по Московскому. Сижу один, сестра и мать ушли в гости. Хамски пью в одиночку (три семёрки), вспоминаю Женьку. Не такая уж она (и) красивая: косы жалкие, зубы дурные (по этому она и говорит по-своему, странно, не показывает зубов), глаз чуть косит. Но очень красивое лицо, улыбка, ноги, фигура. В общем и целом девочка «о-кей»! Нет, видно в эту зиму не будет удачи.

Недавно, после вечера 3-го, у нас, Игорь провожал Женичку. Тою же улицею шли домой Витька Торопчин и Раиль Билялов. Женичка поскользнулась, упала, разорвала чулки на коленях, ободрала свои нежные коленки. Витька (громко): «Когда она ходила со мной этого не происходило» Раиль: «Игорь, что же ты не взял её за руку? Надо было поддерживать её etc.» Или я дурак, набалдачник, идол, далай-лама, или Женичка скоро будет искать способы избавиться от него.

Выпьем! И «будем веселиться»!

Выпил. In vino veritas? Ерунда.

На коленях у меня задремал славный котёнок. За последние три дня я успел прочесть «Quo vadis?» и «La Reine Margot.» Иногда полезно понюхать дряни. Только что перечитывал «Аэлиту». Все впечатления книг и демонстрации перемешались в голове с винишком. Вспоминаю Женьку.

Говорят, я хороший человек. Ребята меня любят. Котёнок уже свернулся в клубочек и затих. Жалко его будить.

9 ноября. Перебрал газеты. Политический барометр показывает: «переменно». В 1952г. Президентские выборы в США. В Европе движение сторонников мира очень влияет на общественное мнение. Сила! Продолжаются фиговые переговоры о cease-fire, уже янки требуют, чтобы им отдали район Кэсона. В Нью-Йорке недавно была демонстрация за мир, колонны автомобилей с плакатами шли по Бруклину и Манхэттену. В Европе решительно не хотят воевать. Суд над Гэсом Холлом. Эта сволочь Алеман прислал поздравление с XXXIV годовщиной. Гарри Трумэн тоже, кажется, прислал, «пятаяк его распротак!» Он жонглирует словом «мир», ежеминутно устраивает пресс-конференции и хвастает ужасными «фантастическими снарядами.» Короче, Гарри, не петушись! Гарри сынок фермера, когда-то водил трактор, это нравится американским «простакам». Гарри ломается, как грошовый пряник, корчит из себя славного малого, этакого свойского парня. Помню его скандал с театральным критиком, написавшим, что у певицы Маргарет Трумэн нет голоса. У Гарри вскипело ретивое отцовское сердце, он тиснул в газетку примерно следующее открытое письмо: «Я прочёл вашу вшивую рецензию. . . Советую не попадаться мне на глаза, в противном случае вам придётся купить новую челюсть и кусок мяса для вашего носа. . .» или что-то в этом роде etc. У него и сейчас своя ферма, он разводит на ней индюков. С восторженным гоготом американские «простаки» рассматривают газетное фото: подгулявший Гарри «со товарищи» (все эдакие рубахи-парни) спаивает водкой индюка.

Гарри даже Исмету Иненю послал собственного индюка. Вообще, Гарри простецкий парень, типичный американский президент, но всё же он делает эпоху: при нём к власти открыто пришли монополии. Это вам не какой-то Уоррен Гардинг, при к-ром разрешалось потихоньку растаскивать Америку; теперь растаскивание Америки осуществляется Законодательным порядком. Вечером 6 ноября Берия сказал в своём докладе:

«В Соединённ. Штатах усиливается поглощение государ. аппарата капиталистич. монополиями. Если ранние фактич. хозяева страны — финансовые и промышл. магнаты, сами оставались в тени, предоставляя своим политическим приказчикам защищать их интересы в области политики, то теперь они непосредственно прибирают к рукам административно-политически и дипломатич. аппарат Соедин. Штатов. Известно, что важнейш. госуд. дела вершит делец из группы Моргана — Чарльз Вильсон, бесцеремонно расставляющий у важнейш. рычагов госуд. аппарата людей из наиболее крупных объединений миллиардеров — Моргана, Рокфеллера, Меллона, Дюпона и других, тесно связанных между собой не только экономическими, но и родственными связями.»

20 ноября. Вторник. В субботу (17-го) был горьковский вечер в 45-й СЖШ. Я получил книгу Горького, первый приз в викторине. — Вчера Нарик принёс мне две карточки 7 ноября: Виретта и я с девчонками.

Мне в воскресенье рассказывали много интересного о нашей армии. У всех видов малого огнестрельного оружия (от автоматического пистолета офицера до пулемёта) будут одни и те же стандартные патроны. Никаких пехот: все они моторизованны, посажены на двухсполовинойтонный грузовик, который может заезжать в самолёт вместе с солдата-

ми; самолёт взлетает, уносится в облака и садится на вражеской территории (посадочная площадка сокращена до минимума): грузовик выезжает, солдаты занимают намеченный объект. Говорят, не будет никакой войны фронтами, воевать будут по площадям. Определённую площадь занимают сетью десантов — кулаков: в каждую точку площади садятся небольшие самолёты, выгружают грузовики с солдатами и множество компактных пушечек с укороченными стволами; другие самолёты сбрасывают на парашютах небольшие танки. Внимание обращается не на величину и мощь танков, пушек, самолётов и кораблей, а на их число. Пушечки в упор расстреливают врага, танки выходят из пунктов кулака и уютжат, чистят всю данную площадь. Площадь занята, освоена, закреплена, штабы разворачивают новые карты. Так и будем воевать. Артиллерия та же: грузовики с двухтавровыми балками и термитными минами, знаменитые «катюши». Сильнейший оборонительный флот: всякие подлодки, морские охотники. Воздушный флот современной.

Пушки с помощью особого приспособления могут подниматься и вести зенитный огонь. Грузовики совершенно вездеходны, т. к. у них есть особые упоры; если грузовик этот (военный, 2,5 — тонный) вязнет, то эти упоры крепко выпускаются на грунт, грузовик подьмлет свои колёса на воздух и передвигается, как шагающий экскаватор.

[21 ноября]. Среда. Около 12ч. ночи. Только что ушли от нас неожиданные гости: мамыны сотрудники из редакции, Иван Николаевич Бычков и корреспондент по Ишимбаю, Евгений Николаевич Сапожников. Когда они заявили, мама послала меня за водкой. Я пошёл на ул.Зенцова, там магазинчик был закрыт, оттуда на ул.Пушкина, в винно-табачную лавочку. Там двое мужчин разговаривали у прилавка с продавщицей перед стаканами вина. Они стали строить гипотезы, зачем я беру чикушку. Один говорит, что я это себе к ужину. Другой: «Он, наверно, к девушке идёт и хочет сначала выпить для храбрости.»

Отнёс домой, разлили, выпили, закусили. Между двумя «приёмами» Иван Николаевич вспомнил прошлое. Он воевал в Германии: Восточная Пруссия, все эти «юнкерства», самое гнездо пруссачества, Бранденбург. Он побывал в охотничьем замке Геринга, «наци нумер цвай.» Стены украшены рогами оленей, бизонов, туров. Немного картин: портреты лежащей собаки, собаки в стойке, групповой портрет собак, немножко нимф, все голые телеса, грязная эротика. Замок в готическом стиле, башенка, балкон; в ванной комнате бассейн, в котором свободно могут плавать три человека. Края бассейна выложены золотом: Геринг осуществил свою мечту, ему не давали спать золотые с нефритом ванны американских крезов.

По сторонам от бассейна стены выложены шестиугольниками, на к-рых написаны порнографические картинки. Наши, в числе к-рых был Иван Николаевич, рассмотрели с интересом их подробности, а потом начисто расстреляли из пистолетов. Видели камзол Геринга; прикидывали на себя его штаны, в которые могли влезть двое наших нормальных людей; пояс невероятной длины. Когда Геринга, уже мёртвого (перед казнью он отравился) вешали в Нюрнберге, он два раза срывался (так говорит Ив.Ник.). Наконец, его вздёрули на верёвке с железными прожилками.

Да, кстати, в Эльвиретту влюбился учитель черчения в их школе, ему за сорок. Сильна Эльвирочка!

23 (ноября). пятница. С 9 ноября части американской 8-й армии по приказу Ван-Флита предпринимают в сутки по 5–6 яростных атак на позиции корейской Народной армии и китайских добровольцев южнее и западнее Кэсона. Особенно яростно атакуют янки район шести господствующих высот. Недавно они с помощью самолётов и танков атаковали высоты с трёх сторон, пытаясь окружить обороняющихся; но, натолкнувшись на минные поля и сильный артиллерийский огонь, танки не смогли поддержать свою пехоту. Наши сильно потрепали их огнём из пулемётов и миномётов, затем бросились в контратаку и навязали рукопашный бой: янки не любят грудь с грудью. Восемь раз янки с помощью самолётов атаковали сопку Чикменсан, но китайский отряд Тэн Эн-хэя отбил все атаки. В боях за Кэсон оживлённо участвуют наши артиллеристы, сапёры, отряды истребителей танков и стрелки-охотники за самолётами. 12 ноября южнее Кэсона американск. лейтенант Сейбл взят в плен и сказал на допросе:

«Корейские гаубицы и миномёты вели 11 ноября такой мощный заградительный огонь, которого я не помню за год пребывания в Корее.» Пленные амер. офицеры показали, что операцией по захвату Кэсона лично руководит командующий 8-й армией Ван Флит.

Корейцы и китайцы дерутся хорошо.

В Южной Корее продолжается фашистский террор: в концлагерях гибнут от голода, эпидемий и пыток тысячами; расстрелы, расстрелы, избиения в тюрьмах; из пусанской тюрьмы бежал корейский учитель; на груди у него выжжено калёным железом: «Бунтовщик». Отрезают уши, выкалывают глаза, пытаются электричеством.

В Асанском лагере для беженцев (т.е для угнанных с Севера) нашли листовку сопротивления. Ван Флит отдал приказ о «чистке»: учинили зверскую расправу, четвертование. В Пусане построены виселицы: грузчикам, к-рые откажутся разгружать корабли с боеприпасами. Жандармы привязывают осужденных к столбам и тренируются в стрельбе. В лагерях ряды виселиц, на некоторых висят раздетые донага женщины со связанными руками.

На Окинаве янки дрессируют 4 дивизии японцев и гоминданцев, создают из них десантные части. В Западной Германии вновь создают эсэсовскую дивизию «Hitlerjugend».

За большими делами мира забываются свои делишки. У меня плохо: Женичка.

25 ноября. Воскресенье. Сходили в кино. Наша комсгруппа запланировала культпоход на фильм «Большой концерт» совместно с 10 «б» классом 45 СЖШ. Я думал, что пойдёт Женька и поэтому специально взял билет для Иги Кузнецова, который учится не в нашем классе. Чорт знает, какое-то «великодушие» идиотское дёрнуло меня: он её любит, да робок, неумел; она играет, крутит им, репетирует роль «мучительницы» — сволочь из неё выйдет, если так будет продолжаться (галкино влияние). Так вот и в этот раз. В последний миг раздумала: не пошла в кино на сеанс 4.10 со всеми девочками (и с ребятами), пошла в 8 часов (сегодня же, утром) с Галкой. Игорь пришёл один, мы зашли с ним. У него были

ботинки с коньками: он сразу после «кина» пошёл на каток. В фойе он куда-то уходил: тут-то я заметил, что в его руках — две пары коньков, одну из к-рых он попросил поддержать меня, пока он уходил. Я взял — связанная пара небольших конёчков на невысоких простых туфлях, немолодых и облупленных. Вернулся он — вопрошаю: «Чьи?» Замялся, смущённый, чуть слышно бормотнул: «Да . . . Женькины.» Приблизительно 37-го размера.

Идиотка! Ну, к чему она заставила его взять её коньки? Бессмысленно. Обычное тиранство над влюблённым. Лукавая и ветреная ляшка «La tete de la linotte.» А может быть, она тем и мила? Чертовски женственна, дьяволица! Но — глуповата. Фелька сказал о ней: «Дурочка.»

Очень красивый фильм «Большой концерт». Михайлов прекрасно поёт и играет Кончака. Новые, очень много обещающие таланты: Огневцев, Звездина. Рядом мастера старшего поколения: Козловский, Барсова, Максакова. Марк Осипович Рэйзен (Иван Сусанин, седовласый патриарх). Прекрасно танцует Одетту Майя Плисецкая — молодая красавица — балерина, но лучше всего: балет Сергея Прокофьева «Ромео и Джульетта». Кровавая борьба Монтеки и Капулетти в Вероне, потом бал — красавец Ромео и весёлый, подвижной, говорливый, блестящий Меркуцио, этакий веронский мефистофельчик, в чёрном и в красной шапке. Джульетта — прославленная Уланова, которую итальянцы называли лучшей балериной в мире. Изумительно. Кроме того, фон безукоризненный: настоящие итальянские костюмы второй половины 16в. (плохо только, что Джульетте приходится танцевать в отнюдь не историческом костюме), характерный танцы — плавные, скользят шлейфы, один мужчина меняет всё время двух дам, забавные гримасы заменённой. — В общем, скажу от сердца, не для фразы: Большой орд. Ленина Гос. Акад. Театр Союза ССР оставляет чувство гордости; я живу в одной из самых (а в настоящее время — в самой) культурных стран мира.

Нет, какая сила всё-таки хороший балет: когда они танцуют любовную сцену у Джульетты (а пророс, начинается-то она некоторым образом в постели, голова возлюбленного на коленях Джульетты), то даже становится немножко больно, и сладко, и стыдно: так бывает, когда становишься свидетелем глубокой человеческой радости и слёз. Почему? Ромео, обняв Джульетту ниже колен, поднимает над собой, и они глядят в глаза друг другу: и она в такой трогательной, нежной, стыдливой и радостной позе — девушка, впервые вкусившая любовь! Не веришь, что она на пороге старости. Да, великая балерина! Слава ей вечная, она прекрасна. Мы помним ещё всех этих французских и прочих звёзд, наших великих — но Уланову никогда не забудем.

Соплякам, рано взявшимся за Золя и от этого получившим раннее пристрастие к женщинам и грязи, полезно почаще смотреть этот балет: это любовь, да!

27 (ноября), вт. Геба шибает за Женичкой.

30-е ноября. Пятница.

Недавно в США вынуждены были прекратить судебное преследование доктора Уильяма Дюбуа.

Вчера была у мя (ин)тересенькая прогулка. Как помощника агитатора (агитатор — наша физичка), я отправился к её избирателям на улицу Мичурина, это страшная глушь и даль. После долгих странствий я встретил ещё двух наших ребят, посланных на Глинскую (улица, рядом с ул. Мичурина; в этом месте в Уфе залегают хорошие глины, там неподалёку кирпичный завод). Пошли вместе. Бродили очень долго.

Встретили старушонку в старой Уфе, спросили про дорогу.

Показала, объяснила, говорит только, что нам придётся сделать крюк по Красноярской, ибо «Сутолока разлилась». В этой фразе — тонкий и непередаваемый комизм, до конца понятный только уфимцу: Сутолока — правый приток Белой, отделяющий струю Уфу от новой. Эта речка, покрыта тонким зелёным льдом и припорошенная снегом. Трагизм старушкиной фразы стал понятен только после того, как я перепрыгнул через Сутолоку.

Порядком повывалявшись в снегу и посмеявшись, мы, наконец, достигли цели. Я обошёл свои номера и пошёл в школу. Оказалось, только слегка опоздал на первый урок. Диво! Решил, что могу ходить много и довольно быстро. Правый валенок натирал ногу, он у меня отнял полчаса времени.

12 декабря. Без девчат жизнь обесцвечивается. Сейчас я их малость забросил. 5 дек. у нас был вечер. Ничего особенного. Психологическое влияние на Евгению Гетнер продолжается. А ргоров, Геба говорит, что вовсе не «поливает» за ней и допытывается у меня, откуда пошёл такой слух. C'est suspect! При встречах я не гляжу на Женьку. «Так держать.» В субботу у нас вечер. Побачимо. Нужно будет Гебу, Витьку, Сашку.

12 декабря. Вечер был плохонький. Не было Гебы, ни Витьки, ни Сашки, ни же Эльвиретты, ни Г. К., ни Женички. Женьку вижу редко. О*кей!

В пятницу 14-го мы послали поздравительную телеграмму одесситу Ефиму Геллеру, к-рый завоевал звание гроссмейстера. Составлял телеграмму я. Неплохо составил; интересно, ответит ли?

В эту субботу, кажется, опять будет вечер у нас.

По радио передают интересное: недавно расстреляны диверсанты Османов и Саранцев, сброшенные на парашютах в одну из ночей августа с.г. в Молдавии с американского самолёта. Их осудили по статье 58.16 Угол. кодекса и шлёпнули по указу Президиума Верховного Совета от какого-то января 1950 г. (принятому после Хабаровского процесса). У диверсантов был яд; они сами — из русских перемещённых лиц. Интересенько!

20 декабря. Четверг. Французская пресса недавно поместила телеграмму из U.S.A.: «Соединённые Штаты — в настоящее время сооружают в Южной Каролине и Кентукки два гигантских атомных завода.»

В Египте атмосфера насыщена электричеством. В Индии усиливается классовая борьба. Сильнейшие партии — Коммунистическая и Индийский национальный конгресс (в будущем фашистская). В Китае кончают земельную реформу. В Корее идёт состязание на выносливость: кто дольше выдержит? Янки сидят в блиндажах, греются у чугунных и электрических печек, пьянствуют, «забавляются» с корейскими девушками; им выдают «корейский

зимний рацион» (прибавка спиртного, шоколада и сигарет); янки плавают на кораблях по беззащитным корейским водам или летают в беззащитном корейском небе. А «союзники» (французы, канадцы, лисынмане, англичане) сидят в холодных и сырых окопах и блиндажах, под минами и снарядами, и клянут американцев. Янки посылают «союзников» в дикие горы и ущелья на жестокие рукопашные бои.

31 декабря. День св. Сильвестра.

Вчера был неплохой вечер в 45-й школе. С пол-восьмого до пяти минут второго. Краса была! Сначала они дали отчаянно сокращённую «Снегурочку» Островского. Я сидел за Галей Козьминых и Женей Гетнер и толкал по поводу пьесы такие замечания своему соседу Эдику Батыеву, которые вогнали бы в краску кафешантанную певицу и которые с наслаждением впивала (конечно, не оборачиваясь) «солнцеликая» Женя, а прогос, она вчера была всерьёз хороша. Я был в ударе и, кажется, острил недурно. Выходит на сцену Дед Мороз и начинает говорить сильным меццо-сопрано (что в труппе, состоящей из одних девочек символизирует бас-профундо). Я говорю Юрке и Эдьке: «Дедушка простудился!» Они хохочут. Дальше очень сильная сцена: Бобыль с Бобылихой уговаривают Снегурочку не отхолаживать парней, привлекать их, выманивать подарки, целовать и проч. Причём не любить одного, а менять, бросать одних, заигрывать с др-ми. Гнусно! Я говорю Эдьке (это уж сарказм): «Эта система находит широкое применение.» Я уж забыл, что я там отрывал, но помню, что Женька смеялась.

Я танцевал с Аллой Елагиной, кузиной (вернее, троюродной сестрой) Эрой, немного с Элькой Гудаевой. Дёрнул за косу Виретту. В коридоре чуть не столкнулся с Женькой, и она мне сказала: «Нужно ходить по правой стороне» — «Что?» — «Н.х.п.п.ст.» — «Хорошо». Посидел с Мусей на диване. Какая девочка! В ней вся поэзия невинности. У неё очень хорошие глаза и ресницы. Псина Витька хамски не пошёл на вечер, не достал билета, видите ли, ему Муся не прислала. Пёс Витька! За что ему эдакое счастье? Вот на пакость не скажу, что она танцевала с Костей.

В Виретту влюбился Толя Мельников из нашего 10 «а». Провожал её. Надо пресечь. Я сравнивал во время спектакля Женьку и Виретту (она тоже сидела близко). Обе красавицы на свой манер, Женька — славянка, румяная, весёлая; Эльвирка — какой-то иной тип, бледная, нет, белая (и без веснушек, конечно!).

Да, вспомнил одну из своих реплик. На сцене говорят: «Красота — всё богатство девушки.» Я толкаю: «В большинстве случаев у них ничего больше нет за душой.» Хохмил всю!

Из дневника 1952 года

Р. Г. Назиров

1 января 1952 года.

В звоне бокалов, в журчании винных и водочных потоков, в стуке каблучков, в шорохе юбок, в звуках поцелуев, в «вакхических» криках... и т.п и т.д.

Ушёл старый год.

С новым годом, с новым годом! За мирную жизнь! За советскую власть! За ваше здоровье! И чтоб не в последний раз! С новым годом, с новым счастьем!

2 января 1952 г. Я немного счастлив. Мне здорово хорошо. К чорту! Лучше изложу...

Вчера новогодняя вечеринка у Вити Торопчина. Я пошёл мрачный, с идиотской мыслью: «Плохо быть бедным.» Моя доля в складчине была бутылка мадеры, которую я нёс в кармане.

Я стоял в комнате и возился с радиолой, когда пришли с Геркой, Женя, Муся, Галя. Витя говорит им, раздевая их: «Ну, что вы, не одни: У меня там Ромка с радиолой возится» — «Ромка? Назиров? — (Женя нарочно говорит громко абы слышал я). — Ну, знаешь, Герка, это просто подлость!»

Женька ставила условие, чтобы меня не было на вечере. Ребята не пожелали ей подчиняться. Она сделала вид, что страшно разгневана.

Добрых полтора часа мы обменивались сарказмами и ломали копыя. Ребята с улыбкой наблюдали эту дуэль. Это было забавное зрелище (и слушалище). Попутно я острил и вообще, на иные темы. Удобную мишень для насмешек представлял довольно красивый, но зверски глупый и самоуверенный враль чернокудрый хохол Баррик Иващенко. Он в связи с какой-то девочкой помянул, что возымел в результате «знакомства» с ней синяк под глазом. Я говорю: «У Бальзака есть роман «Невзгоды супружеской жизни»» Женька начинает язвить своим серебристым голоском, Галя ей подпевает своим бархатным. Я с достоинством отпарировал их насмешечки quant a Balzac, тогда Женя задала резонный вопрос: «В связи с чем ты вспомнил это?» Я: «В связи с гарькиным синяком.» Тут-то до них дошло: хохот громовой. Я уже не помню, как, с чего — мы начали разговаривать с Женичкой. Но мы с ней говорили, разбирали пластинки. Я сделался ручным и очень вежливым: «безукоризненно нежным — не мужчина, а облако в штанах.» С Женей мы перестали резаться, говорили неплохо. Я раскопал для них интересные пластинки: «Mickey Mouse» и фокс «Oh! Oh! Oh!» («Охохо!»), зверски смешной, он понравился Гале.

У меня в этом месте туманное пятно в памяти. Не помню мелких деталей переходного периода. Помню во время одного tango Витька толкает меня в бок. Два-три слова уговоров

и я решаюсь: подхожу к Женке. По её лицу пролетела изумительная улыбка (она очень славно улыбается и смеётся): лукавство, внезапная радость, торжество, веселье.

Как с ней хорошо танцевать!.. Но что я! Я же забыл, это было уже после выпивки.

На столе было много разного добра: в стеклянном конусе с остроконечной затычкой чернело «красное» вино градусов в 17 (для девочек); в более нормального вида графине была жёлтая яблочная настойка (20 градусов), для нас. Она оказалась сладенькой и слабенькой. Я сидел между Женей и Галей, но не боком к ним, а лицом (на узкой стороне стола). Разговаривая с Женкой, я под столом приложил колено к Галькиной ноге. Поддержала и через 2 минуты убрала — хохма! С Женей мы очень добродушно, просто, как старые друзья, разговаривали. Она немножко выпила, покраснелась и стала ещё лучше. В минуту злости я писал, что у неё плохие зубы — да нет же, оказывается — ничего. И косы средней хорошесть, а насчёт косоного глаза — не замечаю этого! Нет, не заметил. Во всяком случае вчера она была изумительно хороша.

Пили за здоровье девочек: я подчёркнуто пью до последней капли. Герка обращает на это их внимание. . .

И были танцы вновь. Я, как написал выше, пригласил Женю. Боже! Как хороша. Улыбка, но встала, мгновенно сделалась серьёзной, и мы пошли. Я взял её за талию потеснее; запах её духов налетал волнами, высокая грудь по временам касалась моей, ноги касались моих ног, и лёгкие волосы проходили по моему лбу.

Паненка Евгения, *dusze moja! Stonko moje!*

Какая фигура, ноги! Золото моё! Тьфу, к чорту! Какая дрянь липнет на язык. Я ж совсем не то хотел сказать. . .

Женя. . . Сердце. . .

Я танцевал и с Галей, и с Мусей. Мусю я не прижимал совсем, я держался почтительно. Этой девочке нужно поклоняться, это не Женя, не Галя.

Я не виню Женку. У неё есть темперамент, а она держит себя хорошо, и это ставит её недостижимо высоко над такими, как Валя Ищенко. У этой тонконогой птички Вали нет темперамента, а есть уже реальные любовные приключения. Да что там секретничать! Дневник не для чтения, раньше 2.000 года напечатан не будет, можно не секретничать: В. И. не девочка. И не девочка гнуснейшим образом: сама снимала одежду с пьяньегого. Но довольно!

Женька честная, огненно весёлая, искренне жизнерадостная. Её красота жива, изменчива, подвижна. Я танцевал с ней, её кудрявая головка сонно клонилась уж на гибкой шее; шея (*la gorge*) — белая, нежная; невинное горло с жилкой. . . Дьявол! Почему такие избытые слова и банальные сравнения лезут в голову? В воротнике виден верхний вырез тела, маленький кусочек.

За кофе Женя уже очень хотела спать; расслабленная, нежно румяная, она стала слаба на смех; вино кружило ей голову; её залихватый детский смех вызывал изумлённое ласковое восхищение во мне. Ей хотелось спать, она походила на ребёнка, которого стараются

расшевелить смехом, который смеётся против воли, не хочет смеяться, но ему весело, и это ещё более смешит его.

После кофе пошли по домам. Галя ночевала у Жени. Мусю мы проводили до дома.

Она рассказала по дороге. Однажды на уроке истории повторяли курс 8-го класса. Женя и Элька Гудаева были заняты оживлённым разговором. Анастасия Алексеевна, мать Геры, историчка, говорит: «Гудаева, повтори, о чём мы сейчас говорим!» Элька вскакивает и задорно говорит: «Князь Игорь потерпел поражение, т.к. был слишком самолюбив.» Женька взлетает, красная и гневная: «Врёшь!» Девчонки во всём классе раздражаются гомерическим хохотом.

Нет, Женька — это не Эльвиретта, Женька — это радость, Эльвира — это просто симпатичная и тёплая самка, не слишком женственная даже, так!

Женя. Это другое.

Только что сообщило радио: позавчера умер после долгой болезни Максим Максимович Литвинов, знаменитый большевик из славной плеяды первых дипломатов-коммунистов оставшихся в живых. При нём были установлены дипломатические отношения со Штатами. Он был наркомом иностр. дел.

Вечером. Днём пошёл я в город. Встретил Галю с Женей. Галя ещё только возвращалась домой после вчерашнего: они спали до полдвенадцатого, к 12 побежали в театр, я их встретил в пятом часу. Галькино лицо было желтовато. Я дошел с Женькой до её дома. Через полчаса я узнал от Альки Касимова, что она разругалась с Игорем Кузнецовым, который закатил ей дикую сцену на катке (вот тебе и мямля: лопнуло собачье терпение). Валька Егоров тоже поругался с Галей. На новогоднюю вечеринку 31 дек. у Танюши подруги пришли без кавалеров. Игорь не пришёл; Валька пришёл пьяный и «рисовался своим горем» (по меткому замечанию Аиды, Алькиной девушки, моей дальней родственницы). Дурак изображал перед Галькой немую сцену «с тоски упился», стал пить дальше, его вырвало. Идиоты! В третьем часу Галя и Женя ушли домой, Алька проводил Аиду и вернулся: в доме Тани было дикое . . . дство! Я не говорю, что они занимались физическим развратом, но то, что они делали, хуже: ложились с девчонками в постели (правда, одетые), целовались до одурения, обжимались и др. Я не холоден, но в здравом сознании не променяю поцелуя Женьки Гетнер на целую ночь с Валькой Ищенко, будь она в платье a la Venus de Medicis и готова подчиниться любым моим повелениям. Начисто мне такая роскошь! Слаще раз обнять честную девушку, чем сделать женщиной такую, как Валька.

А ргоров, говорят, Таня Ширшикова всё же не далась Вовику. Это было бы с её стороны изумительно умно. Не знаю. Но в невинности Вальки я сомневаюсь.

4 января. Вчера был у нас бал-маскарад. Я танцевал с Аллой Елагиной, Эльвиреттой, Полей, один раз с Элькой Гудаевой, с Мусей Ивановской, с Галей Козьминых (очень немного), с Галей Токаревой, с Лялей Еникеевой, с Лялей из 10 «б», с Эрой (троюродной сестрой), с Тамарой Лукиной. . . Уф, кажется, всё!

Эльвирка говорит: «Ты очень прогрессируешь.» Объявила мне, что я прекрасно танцую. Да! Я ещё сначала прошёлся с Танюшей, которая вчера была «на большой». Словом, я вчера танцевал ударно с девчатами, больше всех с Эльвиркой, заставляя острое и художавое лицо Толи покрываться багряными пятнами (ревнив, дурачок! в наш-то век, время полного равноправия полов и свободы выбора). Вчера было много и колен, и грудей; правый рукав куртки у меня ещё сегодня источал какой-то неясный аромат, так он пропах духами девчонок, клавших руку на моё плечо. А ведь это очень приятно: танцевать с девочкой.

Женька — роман Стендаля. Эльвирка — роман Мопассана.

Муся — возвышенная поэма, исполненная в простой и милой форме.

И всё это очень неплохие девчата. Но всё же я предпочту Стендаля Мопассану.

А сегодня у меня был тяжёлый день. Меня вызывали на комиссию. Близорукость — 8,5; «Н. Г» — «не годен», во всех случаях; исключают с учёта. В этой пометке тяжёлый и унижительный смысл. Не годен!

Одно утешение: если будет большая война, меня не оставят в тылу. Ведь и у нас была в 1943г. Довольно-таки тотальная мобилизация. Брала и близоруких: я знаю, что так погиб на войне журналист Калинович, с которым мама была знакома.

А всё-таки для общечеловеческого дела, которое делает наш народ и партия большевиков, я очень и очень годен. Я это докажу.

7-го (января). Понед. Вчера был в кино с Виреттой. У кассы встретил Галю и Женю. Эх, Женя!

9-го (января). Вчера (и отчасти сегодня — до половины второго ночи) был бал-маскарад в Оперном. Посмотрел балет «Лебединое озеро». Танцевал. С девчонками — ни разу. Учился танцевать танго Шурка Охотников из нашего класса: я его таскал. Очень по-хорошему разговаривал с Галей и Женей. С Женей мы разговаривали, стоя на уровне двух дециметров. Шутил — смеялась. Ушли они рано, меньше часа. Провожал их Валька Егоров, к-рый опять сблизился с Галькой (чуть не в сотый раз).

Да, наконец, до меня дошло: Виретта — предмет любви Оскара Ильёсова, ему помогает Толька Мельников. Женька? Что-то никто в неё не влюбляется. Игоря давно не видно. Герки вчера не было на балу.

19-го января. Суббота.

Оказывается, Кейзи Джонс — историческое лицо. Хозяева поставили ему памятник. Ну, рабочие тоже воздвигли ему памятник, только нерукотворный.

Не так давно наши сбили в Корею американца, летевшего на Китай (они вновь и вновь бомбят Китай), нашли карты китайских провинций и наших пограничных областей. Ниш-тец!

За 1951г. авиапром-сть США расширилась на 67 %.

На предприятиях, выпускающих текстиль, готовую одежду и автомобили массами увольняют рабочих.

В автомобильной промышленности 140.000 рабочих из них 120.000 в Детройте. В октябре прошлого (1951) года в США было 1. 616.000 безработных (по официальным данным); всех безработных и занятых от 1 (одного) часа до 23 часов в неделю по официальным данным 12 миллионов. И те, и другие голодают. Прибыли монополий неуклонно растут, достигая «звёздных» цифр. Этой механикой заправляет долговязый Чарли Вильсон, добившийся у конгресса 77 с лишком миллиардов (долларов) на военные цели.

Они уже разработали военные планы. Базы построены, самолёты ждут на аэродромах приказа, горючее готово, бомб сколько угодно. «Пушки не любят молчать» Чем это кончится?

И долго они там в Штатах будут терпеть эту волюнку?

20 января. Воскресенье. Был сегодня у Эли Гудаевой (вместе с Витькой и Геркой). Она сидит на одной парте с Евгенией Владимировной Гетнер. Элька показывала нам карточки; было лишнее женькино фото. Она говорит: «Хочешь, бери.» Я сбил разговор на др. темы, а потом потихоньку, полегоньку отправил карточку в карман. Краса! Фото зверски обрезано, но всё же прекрасно — крупный план, красива чертовка. Тоже снимок лагерный.

25 янв. Опять у американского лётчика военные карты наших районов. Нашли карту Пекина (уже во многих раз), Мукдена, района Порт-Артура и Дальнего, Владивостока.

Английский журналист Пейн недавно выпустил в Нью-Йорке книгу «Красная гроза над Азией». «Мы должны осознать всю глубину изменений, происшедших в Азии за истекшие 5 лет: кажется, будто промчались целые столетия революционных бурь.» « В данное время бессмысленно питать надежду, что поток удастся запрудить.»

В 1951г. Уильям З. Фостер написал книгу «Закат мирового капитализма». Её посвящение: «Моему правнуку Джозефу М. Колко, к-рый будет жить в коммунистических Соединённых Штатах.»

Уже не только Азия! Волнения в Марокко, египтяне всерьёз подумывают о разрыве дипотношений с Англией, в Тунисе всеобщая забастовка, отчаянная борьба безоружных против полиции, солдат, военных моряков. В Тунисе кровавые расправы, тюрьмы набиты.

Вот один из величайших результатов Октября: в колониальных странах нарастает «гигантская антифеодальная и антиимпериалистическая революция. (Поспелов)»

Недавно отставной генерал Холдридж написал в провинциальной американск. газете «Ньюс»:

«Война — это бизнес Америки. «Концерн убийств» стал нашим главным предприятием, в к-рое мы вкладываем 100 миллиардов долларов ежегодно. Если бы мы внезапно лишились этого источника прибылей, наша экономика рухнула бы за один день.»

В Штатах началась предвыборная кампания. Кандидаты: ставленник Моргана генерал Эйзенхауэр, «boy» Меллона сенатор Тафт, губернатор Калифорнии Уоррен, реакционный политик Гарольд Стассен, даже Трумэн (в прошлые выборы за него «проголосовали» Дюпоны, Морганы и Рокфеллеры). Трумэна не выберут (а то и не выставят).

31 янв. В Москве умер от рака почек маршал Чойбалсан. Траурный поезд везёт его в Моноголию.

3 февраля. Воскресенье. Завтра мне исполняется 18 лет.

Вчера было сразу три вечера: в третьей, в нашей и в сорок пятой. В нашей и в сорок пятой школе происходила традиционная ежегодная встреча с бывш. выпускниками школы, студентами вузов и втузов. Я толкнул речь у нас, немножко потанцевал, потом мы целой толпой рванули в школу № 45. Там я танцевал с Тамаркой Лукиной: *J'aime mieux aujourd'hui des jeunes filles de la bonne constitution et de grand temperament — ces filles ne craignent pas le toucher de la poitrine du jeun homme a leur poitrine* — Фу, еле добрался до точки! Интересно, верно ли построена фраза?

Галина Константиновна чем-то обижена; она мне подпустила шпильку, крохотную, несмелую, *mais s'est fait*, это была колкость. Но в конце вечера я был вознаграждён: Женька подошла и спросила листочек бумаги и карандаш. Я дал бумагу и пошёл за карандашом, принёс ей карандаш, она: «Спасибо, Рома, я уже нашла.» — Я не маленький, у меня есть какая-то крупица здравого смысла: она очень легко могла достать и бумагу и карандаш у девчат.

Нет, всё же моя персона — величина положительная, выражаясь математически, $ego > 0$; Женичке не так уж безразличен. Эх, романтика! А если она просто хотела поближе рассмотреть мой новый костюм и галстук?

Геруля взял курс на Г. К. К. Он устроил у себя в пятницу вечеринку: он, Женя-Галя-Муся, Гаррик Иващенко, Витька. Там-то он и повёл новый приступ на Галю, танцевал всё с ней. Женя, грустная, сидела и гоняла пластинки на радиоле, а выпавший на её долю Гаррик не мог её развеселить. — Герка говорит, что некто спрашивала почему нет Ромы: дескать, его всегда приглашают. . .

Oh! Quelle martyre voir, parler et se ne pas croire pareil. . . et pourquoi?

5 февраля. Вчера исполнилось 18 лет.

Не повезло: болен есмь. Вчера не пошёл в школу, сегодня тож. Пришли навестить хлопцы: сосед по парте Юр. Дим Поройков. Боря Шендерей (гарный парубок); Нарик Ахмеров принёс фото: я, Саша Танкин, Алине-ана (Нарика мама) и Нарькин папа, встречаем новый год. Фото прилагаю.

Сказывается привычка каждый день встречать на улице Женьку: вот уж два дня мне чего-то не хватает («чего-то?» Ясно, чего!), Не знаю. Смогу ли быть в субботу на вечере. Ах, жалко будет, если не смогу!

В инкабинете читаю по французски *Contes arabes*, “Mille et une nuit”. Редкое издание, перевод Galland’a, дата — MDCCLXXIV. Из коллекции богатого дореволюционного библиофила Пашкова. Там много пашковских книг, преимущественно французских, XVIII века. Я сам видел «*Voyage de jeun Anacharsis*». Я выбрал сказку «*Amours de Prince de Perse Ali ebn Becar et de la belle Chemselnihar la Favorite de Calif.*» скоро я её кончу. Забавная орфография: никаких «аксанов», в *imperfect* окончание глаголов совсем другие, вместо *etait-etoit*, вместо

avait-avoit etc. Глагол “savoir” пишется “scavoir”. Любопытные обороты, стиль галантных придворных романов эпохи (le Prince de Perse n’avoit les yeux que pour elle). Наконец, сама печать: кавычек нет и в помине, но есть запятые, точки, восклицательные знаки (как никак после Альда Мануция). Долго не мог привыкнуть (правда, брался за книгу лишь два раза) к сходному написанию “s” и “f” малых (как теперь в готическом). Например, Шамсельниар пишут: Chemfelnihar. Интересная сказка, любопытная: восточная роскошь, красоты композиции, смешно читать, как “les Amans”, при первом объятии падают в обморок: чисто по арабски. В целом, выпуская длинноты и повторения, сюжет занимателен, действие живо и коллизия драматическая, молодой человек любит в жинку калифа, «de Commandant des Croyans» — это вам не фунт изюма! Возмущает фатализм арабов: всё веряют Аллаху, дураки, а нет, чтоб бороться за своё счастье. Серьёзно!

13 февр. Помаленьку выздоравливаю. В школу ещё не ходил. Больноват. Скучаю. Написанная на конкурс «повесть» заслужила одобрение учительницы: про девочек и мальчиков, про дружбу и любовь! 10-е классы. Уж это я знаю. Ах, мне в жизни с этим не везёт, так пусть везёт моим героям.

18 февр. Сегодня, наконец, вышел в школу. Встретил Женичку; по своему обыкновению в ответ на моё «здрате» слегка шевельнула устами, «усмехаючися». Весело в школе после двухнедельного отсутствия. У Нарика я отмёл нашу карточку за 6/XI—51г. Ох, тоска! Лучше не думать про Женьку. Милая ляшка, загубила ты меня.

21 февр. Четверг. Смехотворно! Один из наших ребят поймал как-то незаглушенный «Голос Америки». «Передаём правдивые известия из Кореи.» И пошли! Такие шутки отрывают: на таком-то фронте окружено и уничтожено полторы тысячи «китайских коммунистов», в Северной Корее «корейские партизаны» активизируют свои действия против «китайских коммунистов», сбито 10 самолётов. Из них 8 оказались советской конструкции. Да, врать они умеют.

29 февраля. Хандра. Давно не видел Женичку. Последние все разы она со мной очень хорошо здороваётся, громко, ясно. Я пропустил уже 2 вечера у нас (во время болезни и 1 после). Скучаю. Вспоминаю, как у Витьки после выпивончика Герка стал фотографировать нас за столом. Я был с правого фланга крайний, рядом слева — Женя. Герка кричит: «Ромка не влезаешь в кадр, тебя только половина видна!» Я поднимаю шум, тесню соседку влево. Женька порозовела, смеётся, захмелевшая и смущённая, один раз даже: «Ой!» — жаль снимки все пропали: идиот Гаррик повесил ленту сушиться над радиатором парового отопления, вся обгорела.

Герка разругался с Галей и Женей, сказал им: «На глупых не обижаются». Ну, дурень! Они не здороваются. Шкодник.

9 марта. Вчера вечер в 45-й школе. Я танцевал: 1 раз с Томкой Лукиной, все остальные танги с Мусей, фоксы с Алькой Глезером. После вечера мы пошли за той толпой 10 «б», к-рой нужно домой идти по ул.Ленина. У аптеки напротив трамкольца их 2росстани»;

мы с А. Г. двинули совершенно внезапно для себя направо, за Женькой и Леной Александрович. Ну, прошлись. Со dalej? Побачимо.

15 марта. Субб. Чёрное дело учинили в корее американцы: начали бактериологическую войну. Подробности гнусные: бомбы заражённые блохами, мушками и т.д. Такие же бомбы сброшены в Сев.-Вост. Китае. Медицинские силы поставлены на ноги. В Корее карантин. Делают прививки населению и бойцам. В Китае та же работа.

Это невероятно подло. Ведь продвигаться в заражённые края американцы не могут. Это просто истребление. Они сами боятся: Аресон уже 2 раза выступал с опровержением наших сообщений. Сволочи!

17 марта. Только что дочитал «Воззрения Жерома Куаньяра». В одной книге два философских романа.

«Харчевню королевы Гусиная лапка» я прочитал ещё вчера. Ещё раньше читал его же новеллы, весёлый Буффальмака, Синяя Борода и пр., «Современная история», «Восстание ангелов», «Боги жаждут». Когда читаю А. Ф., порой испытываю чувство, которое охватывало Горького при чтении флюберовского «Простого сердца». Хочется завизжать от восторга. Прекрасным и добрым мудрецом представляется Анатолий Франс, его языческая манера письма неподражаемо своеобразна. Бальзак глубже Анатолия Франса, он мыслитель и гладиатор, но Анатолий Франс, погружённый в мудрое созерцание из своего сада Эпикура, обаятелен, тонок и прекрасен, в его книгах — волшебный аромат благовонных курений — или деликатнейших женских духов. Заблуждения его ужасающи, он доходит в образе Жерома Куаньяра до «нежного презрения» к людям («Нужно уважать человека, не унижать его жалостью... Человек! это звучит гордо.»), местами пессимизм этого эпикурейца из библиотеки сезского епископа способен вызывать в нас отвращение, но книга полка противоречий, и мне кажется, мудрое созерцание, спокойное невмешательство в жизнь — это самообман и аббата Куаньяра, и Анатолия Франса. В глубине души они любят людей (иначе зачем жить? ведь они философы, они могут сделать последние выводы), они даже уважают людей, и когда эта их внутренняя любовь вырывается наружу, они прекрасны. Хорош конец «Воззрений». «Харчевня королевы Педок» — очень своеобразный, но совершенно реалистичный роман, картинка нравов и идей века Людовика Возлюбленного.

А язык! А слог! Как здорово! Ну, хотя бы вот: «Поднявшись по каменной лестнице в первый этаж, мы вошли в гостиную, где господин д*Астараж сидел за письменным столом, перед ярко пылавшим огнём камина, среди расставленных вдоль стен египетских гробов в форме человеческих тел, из-под покровов к-рых, расписанных священными изображениями, глядели золотые лики с продолговатыми блестящими глазами.»

А как пишет женщин! Нежно и насмешливо в одно и то же время, он их высмеивает и тут же прощает!

23 марта. Воскр. Первый день весенних каникул. Дует южный ветер, буйный и хмельной. Близок час решающего штурма: гос. экзаменов. Весна мешает. Весенние чувства.

Вспоминаю Виретту, думаю про Женю, даже про Эльку Гудаеву. Сны, чорт возьми! соответствующие снятся.

26 марта. Вчера вечером был с Гебой у Эльки. Пели песни, шкодничали, веселились. Хорошо!

Женю я после того вечера не видел.

В штате Мэриленд, близ г. Фредерика, в Кэмп Дэтрик работает сейчас свыше 4.000 бактериологов. Эта лаборатория существует с начала 2-й мировой войны.

28 марта. Пятница. Вчера шли мы с Гебой и Витькой по ул. Октябрьская, навстречу по др. стороне шли Галя и Женя.

Вчера и позавчера я танцевал с Эльвиреттой. В среду у Герки, вчера у Витьки. Шкодничали много. Я давно не видел её и соскучился. Танцевал, и к моей груди придавливались её две мягкие груди. Она не из стеснительных, я хочу сказать — не из стесняющихся. Вечером в среду она пришла к Гебе в красной кофточке, руки голые по локоть; на красивой её, довольно тонкой руке — лёгкий пушок и тёмная родинка. У Витьки она была в чёрном платье с кружевным воротничком, что мне напомнило 10 ноября. Я с ней больше танцевал, чем у Герки, но обстановка напоминала о другом: завели «Любушку» — и я вспомнил, как танцевал под неё с Женей; Эльвирка берёт альбом — вспоминаю, как смотрел его с Женькой.

Достал галькину курточку, правда, плохую.

30 марта. Вчера был вечер для старших классов в Опере. Народу было несметно. Оперный театр сделал полный сбор, все ярусы были унизаны головами и зрительными стёклами. Я сидел в десятом ряду партера, в очках своих и новом костюме, рядом с Гебой. Сзади сидела Таня Ш. и прочие девочки (некрые). Эльвиры не было, др-их было много. Витька с милой Мусей, Женичка, Галька, Томка Лукина, Нэлли Пугачевская, Муза (ничего прежнего не осталось, мещанский ангелочек а la Greuze), Римма Царегородцева (довольно привлекательная брюнетка, но грубый хриповатый голос), Фая-Алла-Нэля Якупова, Галя Нестерова, Ляля Еникеева, и др. и др.

Я посмотрел «Чио-Чио-Сан», причём «Батерфляй» была Ландау, почтенная и тяжело-весная матрона. Затем начались танцы. В зале было тесно и душно, было множество людей, много знакомых. Я станцевал с Галей Козьминых длинное танго: она девочка, недурна, как будто неплохо сложена, от неё хорошо пахнет, чего ж! С ней я не чувствую ни малейшего трепета или волнения, прямо сказать, с ней я скотина. Благоговений никаких, я крепко держу её, но-вежливо: хоть колени в непосредственной близости, но зато я оберегал её от толчков. Её волосы всё время проходили по моему лицу; грудь её крепче, чем у Эльвиретты. — Женька была прелестна, в жаре покраснелась, румяная, стройная, смеялась дьявольски: изумительно жизнерадостно, каким-то особым раскрытием рта. Саша Панкин работал за Женичкой. грубовато несколько, по своей привычке несколько слащаво и топорно, наконец-то он решился! Нет, у него совершенно никакого такта и вкуса к девочкам, в качестве блонда он холодноват. Я перекинулся с Женей несколькими словами и создал

впечатление у неё, что покровительствую Саше в работе за ней. Когда Галя и Женя пошли домой (Галька у Женки опять ночевала), с ними отправились Оскар и Сашка. Мы с Геркой пошли сзади, остановили Сашку и говорим: так и так, будешь против, если мы пойдём с вами? Он: то да сё, мне всё равно.- Всё равно, — значит, не хочешь. Иди, догоняй.

Там, на танцах я заметил дьявольски прекрасную девушку лет двадцати с малым: стройная; прелестное лицо со вздёрнутым слегка носом, большие глаза, русые волосы; жёлтая блузочка, чёрная юбка; красивые ноги. Девушка эта казалась печальной; она очень грациозна и балованна; но мне нравятся балованные девушки. Она состоит в каком-то из многих наших институтов. Кто она? Она третья в моей жизни вызывает такой интерес.

1 апр. Казнили Никоса Белоянниса с товарищами. Расстреляли ночью, украдкой, при свете прожекторов, король отклонил просьбу о помиловании. Какие сволочи! Белояннис был национальный герой, революционер, его мученическая кончина ставит его наравне с Эрнстом Тельманом, Жюльеном Ляо, Арсо Ивановичем. В Греции сейчас царит белый террор, господство американцев, кровь, кровь; революция временно задавлена, но эти годы напоминают столыпинскую реакцию за к-рой последовал у нас новый подъём и революция.

Новое снижение цен. Это для того, чтобы «ударить по мозгам» всем гостям, съезжающим на МЭС (Муждунар. Эконом. Сопещание) в Москве. Ничего! Государство ничего не потеряет: Население выигрывает 23 миллиарда? Если грянет час последнего боя, мы отдадим государству 123 миллиарда! Ничего не пожалеем: кому жалеть? На нашу же пользу.

10 апреля. Получил позавчера письмо (ответное) от Дюэки Трофимука из Москвы. Послезавтра, в субботу, литер. вечер, я буду читать 2 главы из своего гениального произведения «Ребята из десятого «Г» класса». Это будет первая повесть из эпопеи «Счастливые» — о наших людях, о мне, о товарищах, о девчонках, о всех. Всё, что увижу, соберу в книгу.

Раньше, чем через 15 лет не брошу. Есть ещё в запасе роман из Французск. революции. Будет и его время. Писать я буду: я дорого заплатил за это право.

12 апр. Прочёл с успехом 2 главы. Идиотаж получился: дешёвые эффекты развеселили публику (111 и 43 школа, etc.). Впрочем, ладно. Очень шибко хорошо меня премировали, даже не ожидал. Дали первую награду, 3 книги, в числе их Анатоль Франс, «Остров пингинов». Я танцевал с Галей Козьминых, разок с Томкой Лукиной.

15 апр. Вт. Зверски скучаю по девочкам: весна ведь. Правда, весна своеобразная: сейчас ещё лежит. . .

КУДА: БАССР г.Уфа

улица Земцова 14 корп 2 кв 3

КОМУ: Назирову Р. Г.

Адрес отправителя: Москва 59

Бережки 5 кв 99 Трофимук А.

Здравствуй, Ромэн!

Получил твоё письмо 2 марта и очень обрадовался.

Буду прямо и неукоснительно отвечать на твои вопросы. На медаль пока ещё тяну, что будет не знаю. «Медалистов» в твоём понятии у нас много: только в нашем классе человек пять, а классов два. Что касается культуры, то это ты зря на нас клеветашь. Если и есть класс на свете, где тебе могут оторвать голову или на перемене залепить физиономию снегом, то это наш 10 «б». Вся перемена проходит в бегах, драках и кидании снегом (окно открыто и каждый день выпадает снег). Все эти «невинные» шалости покрываются воинственными криками, а в последнее время в моду вошёл крик Тарзана.

Насчёт танцев: я сам не танцую, но в классе почти все ребята танцуют и многие даже «гоняют стиль». Ты, наверное, даже не знаешь что это такое.. Для иллюстрации могу только сказать, что похоже на «танец» из «Петера», только ещё похуже. Боксом я не занимаюсь; а втянули меня в баскетбол и волейбол. Уже начинаю разыгрываться. В классе у нас есть 3 «мастера» которые играют на первенстве Москвы.

А лет-то мне вдарило 17 во марте месяце.

В Москве дела идут ничего себе, только напало на неё 3 эпидемии: вирусный грипп (все повально болеют, кашляют и чихают), капрон с чёрной пяткой (девки с ума сходят) и кинокартина «Тарзан» (и девки и недевки сходят с ума; мужики помалкивают, но тоже ходят).

Про «Тарзана» говорит вся Москва и даже в нашем классе есть свой Тарзан и своя Чита, а лаборантку по физике называем Джэн.

Народ у нас в классе ничего, теперь уже привык: буйные ребята. Я у них вроде тормоза: уговариваю, когда уже распустятся очень.

Ещё в том году, например, чуть не взорвали учителя: под столом бомбу положили, а в этом году отличились тем, что сломали 6 стульев и 1 стол.

Единственное наше желание — попасть в физкультурный зал: мы там играем в волейбол и баскетбол. Если бы дали волю, то не выходили бы оттуда по целым дням; но, к счастью, выгоняют, а то недавно мы играли 7 часов, так одного почти за ноги выносили. Вообще же живём весело: все «шалости» сходят, ибо мы — первые выпускники. Правда в последнее время ввели жёсткие меры: в школу пускают в промежуток между 2.00 и 2.17, классы запирают и заставляют делать зарядку. Тем кто опаздывает на физкультурную зарядку, делают идейную.

В этом году выпало небывалое количество снега: не успевают убирать, хотя снегоочистка очень серьёзно механизирована.

Да, чуть не забыл! В нашей школе оборудовали мы радиоузел. Теперь в отместку за это (мы здорово трепали администрацию и родкомитет — деньги были нужны) заставляют нас делать нудную зарядку и передают школьные новости, как то: вчера опоздали.. вчера плохо дежурил класс.. и т.д. Лето я провёл хорошо, даже попал в Крым. На это лето, если получу что-нибудь, поеду в Уфу.

Ты, что же на английский перешёл??

Ну, пока. Будь здоров.

Подпись: АТрофимук (гожусь в бюрократы??).

P.S. Напиши об учителях, интересно сравнить. Одну карточку передай, пожалуйста. Эрику Левину, и пусть он мне пишет.

Virette Berelavska

... снег, небо покрыто тучами трупного цвета. Но я всё больше думаю о них: Эльвира, Эля, Женя, Галя, Муся.

Номо sum: humani nihil a me alienum puto. Люблю девчат. На память приходит новый год у Витьки. Герка вздумал снять нас с бокалами в руках. Я с самого края, а слева — Женя. Герка кричит: «Ромка, от тебя только половина входит в кадр.» — И я усердно втискиваюсь в кадр. Ах, Женька! Девочка на о-кэй!

16 апреля. Солнце сияет. Наконец-то ленивица взялась за дело. Вчера я прошёлся несколько шагов с Женичкой. Ах, Женичка, stonko moje! Женя. Женька.

18 апр. Пятница. Погода переменялась: идёт дождь. Первый весенний дождь, он прикончит остатки снега. Со дня на день вскроется Белая.

Неласкова моя восемнадцатая весна. Не слышно птиц, не видно зелени, ни цветов. Грязь и вода, а вверху небо, серое, как залёженная перина. Также хмуровата и моя личная весна. Грёзы, думы — за школьной партией думаю о девочках. Наяву вижу белые ноги в зелёной траве, колени, выглядывающие из-под юбки, чувствую мягкие руки и прохладные волосы.

А что на деле? Лишь приветствие при встрече на улице и настороженно-любопытный взгляд искоса голубых знакомых глаз. Чорт возьми! Сколько невысказанной ласки впусте теснится в бедной груди! Но не буду я изменяться по мелочи: Цезарь или ничто, либо я женюсь по любви, возьму девчонку, как Эльвира или Женя, либо останусь суров и чист, а никаких других удовольствий я не хочу. «Счастья никогда не бывает вне законов».

20 апр. Воскресенье. Опять идёт снег. Уфа в грязной снежной каше. Весна по-уфимски.

Поразительно резко меняется погода. Ещё утром было ясное небо и светило солнце, сейчас уж темно и мрачно.

В первом часу дня на Ленина я видел ту красавицу-студентку, которую заметил ещё на вечерне 29 марта в Опере. Очень стройная; походка королевы. Я обогнал её и пошёл в трёх шагах справа — спереди, поглядывая вбок-назад; но в какой-то момент она ускочила в магазин, и я её потерял.

23 апр. Среда. Был у Эльвиры. Добыл маленькое фото её, старое, правда, но она на нём очень хороша.

Красивая она всё же девушка.

26 апреля. Сегодня на ул. Ленина я видел ту красивую девушку — рослая, стройная, в красной шапочке, без пальто. У неё длинные ноги, но мне такие нравятся; юбка её была короткая, я любовался её упругими круглыми ногами в чулках телесного цвета. Она очень хороша.

Был прекрасный день. Впервые я пошёл в школу без пальто. Я встретил Ромэна Юсупова, мы с ним долго гуляли. Он влюбился в девочку из 45-й школы, и я вижу очень

наглядно, как он переживает все те стадии, которые я прошёл в зиму девятого класса. Эх, Эльвира, моя первая любовь! У меня навсегда останется от неё лучшее воспоминание.

29-го вечер в нашей школе. 30-го в 45-й shk. За последнее время я перечитывал Гоголя, прочёл «Остров пингвинов», раскопал один старый сборник былин, прочёл «Страдания молодого Вертера» (замечательная книга, я почувствовал дух эпохи), перечитал «Фауста», прочёл у Нарика мимоходом «На всякого мудреца довольно простоты», сейчас читаю новую «Молодую гвардию». Молодчина Фадеев! Не считая Шолохова, лучший наш писатель. Есть страницы совершенной красоты! Тянет перечитать «Пармскую обитель». Что-то во мне зреет (так сказать, творческая беременность по И. Эренбургу). Никто не показал ещё сколько-нибудь удовлетворительно нашего человека в любви. Нет типов, скажите? Так дайте романтический идеал! Ведь мы романтики, социалистические реалисты.

Тов. Илья Эренбург, ей-богу, я беременный!

27 апр. Воскр. Славный день. Солнце, ветер, тучи. Утром я пошёл смотреть эстафету на приз «Ленинца». Наша школа потеряла прошлогодний кубок. Бегали Галя и Эльвира. Потом пошёл я к Герке. Он взял «Зоркий», и мы пошли по девчат. Эльвира и Эля дома не случились. Пошли к Жене.

Она вышла в простеньком домашнем синем платье, в тапочках на босу ногу, сильно конфузилась своего вида. У неё идёт большая предмайск. Уборка. Мы велели ей переодеться и вытащили из дома. Пошли в сквер Маяковского и начали фотографироваться: Я с Женькой, я отдельно, Женька отдельно. Потом я разок чикнул Герку с Женькой.

Вернувшись к дому Женьки, мы долго разговаривали с ней. Она всё требовала и просила у меня повесть.

Идучи с Геркой ещё к Женьке, я встретил Ромэна Юсупова с его девочкой, пожал ему руку и бросил на неё острый взгляд. Хорошенькая.

Опять видел красивую девушку: сегодня она была в сером костюме.

30 апреля. Хороший день. Завтра 1-е мая.

Ну, и дела!

Сам от себя не ждал этакой прыти.

В понедельник, позавчера, я перед уроками посетил парикмахерскую. Ну, как всегда — полубокс, прямые височки. Сдуру даже позволил себя опрыскать тройным одеколоном. Пошёл в школу, положил в парту книги и вышел на Октябрьскую улицу навстречу Женьке. Встретил, пошёл в обратном направлении с ней. Прямо говорю ей: «вышел тебя встречать.» Не часто попадается ей такое прямодушие. И я предложил ей прийти 2-го мая с Галей ко мне: читать мою повестикку. Она готова была согласиться.

В тот же день после уроков я пошёл к Геруле. У него хаотический кавардак — уборка. Не сегодня — завтра приезжает (если ещё не приехал) его старший брат, который служит в Тихоокеанском флоте по радиолокации.

Вчера был вечер в нашей школе. Я сидел бок-о-бок с Элей Гудаевой. Касаясь по временам её упругого бедра. Когда начались танцы, я танцевал с Галей, разок с Женей, с Элей,

Мусей, Эрой, Ферой, Лялей Еникеевой. Жаль, не было Эльвиретты. Во время танцев я спросил решение у Гали и Жени. Мнутся. Это влияние Гали: хочет набить цену. Не уступлю. Вчера Женька была прелесть: румяная, обольстительно светлая и весёлая, косы не заплетённые, а закрученные в спиральные трубочки: одна спереди, другая — сзади. Мы с ней шутили и чувствовали себя славно. Сашка Танкин был мрачен.

Старая сволота, мой заклятый враг Данька Ерёмин нарвался-таки на меня: я чуть не дал ему в ухо посреди зала, вышел в коридор с ним и поговорил. Как я и предполагал, он оказался таким же «за...ем», как прежде (выражение одного из наших ребят Николая Цыбаева, которого я совсем недавно рекомендовал в комсомол).

Когда я вернулся, играли танго «О любви не говори». Я танцевал, и когда рядом танцевала Женья, она пропела мне вместе с Клавдией Шульженко (эта певица, кажется, записана на той пластинке), многозначительно и весело улыбаясь: «О любви не говори, умей владеть собой.»

1 мая. Раннее утро. Солнце проникает в комнату. Мать и сестра ещё спят. Сейчас уйду на демонстрацию. Ворочусь — всё запишу о вчерашнем вечере. Хорошо!

Вернулся с демонстрации. Прошло 6 часов. Город залит праздничной толпой. Краса!

Вчера на вечере в 45-й СЖШ я танцевал с Женей, и не раз. Она передала мне их решение, несомненно изобретённое Галей: Прийдут к нам, если я соглашусь на ещё одну Галю и Лялю.

Я ей ответил, что хотел бы вчетверо меньше гостей. Я и гальку терплю только ради Жени, а тут ещё... Видите ли, «неудобно». А Женья была прелесть. Приветливые глаза, алый румянец, пышные волосы, белая нежная шейка, а фигура у неё просто изумительная! Всего в меру, но (да простит мне Аллах дерзновенную мысль) особенно бросается в глаза девственность этого тела, так красиво обрисованного белым платьем. У неё гибкие нежные руки, кисти маленькие. Она носит туфли 35-го размера.

Словом, я всё ей открыл, не сказав ни одного слова признания. Она торжествовала. Титов и Дьячук задались целью отнять её на все танцы, но я всё же ловчился и танцевал с ней. Соприкасаясь с её ногами под белым платьем, я становился крепким, как железо. В то же время меня обуяла странная и пронзительная тоска, я хотел, чтобы кто-нибудь задел, оскорбил меня. Ух, с какой злобой дрался бы я! Каждый мой взгляд стоил целой речи. Мрачный и разгорячённый, я молча танцевал, изредка взглядывая на неё. Ребята из др. десятых классов нашей школы начали относиться ко мне нес-ко настороженно. Плевать я на них хотел! Дьячук — хороший парень, а прочие...

Провожал Женю я. Я дошёл с ней до её дома: её уже пошатывало, так ей хотелось спать. Мешала Лена Александрович и её старшая сестра. Ах, Женья! Я сказал невнятно насчёт того, что очень жаль, что они с Галей, etc.

По дороге попадалось очень много пьяных, и я всё время становился между ними и теми тремя. С боку от них шёл Юрка Веницкий, я взял его за компанию. После этого тоска смягчилась, но осталась грусть.

Сегодня Нарька чикнул Женю, у меня прибудет фотокарточек.

Нужно известить Гебу, что сходка 2 мая, вероятно, не состоится.

3 мая. И не состоялась.

Вчера я был у Эльвиры, мы с ней держимся, как старые друзья. Зловредные девчонки Галька Нестерова и Галька Еникеева такие шпильки подпускали, что я в конце концов пригрозил им страшной мезью. От Эльвиры я пошёл по городу. Повстречал подвыпившего Фиму с Люсей, потом не вполне протрезвившегося Геру, встречал и Лёвку Митюгова, и Витьку, и многих наших ребят. Под конец встретил Женю и Галю, у них билеты в кино. Постоял с ними немного, поговорил, грустно и нежно. Помешали Эльвирка и её девчонки. Я попрощался, они пошли в др. сторону. Пусть только попробуют что-нибудь наболтать про меня. Я с ними расправлюсь.

Да, ещё: я принял решение объединить все свои личные фото в один конвертик.

5 мая. Плохая погода, дождь. На столе тонко пахнет букет подснежников в вазе, недопитой чашке чаю благоухают ломтики лимона. Топится печь. Мне смутно и нехорошо на душе, словно я где-то что-то сфальшивил, а в чём — не пойму.

С субботу (3-го) я читал повестишку девчонкам у Лены Александрович. На Женю произвело нек-рое впечатление. После этого прогулялись с песнями по улицам. Проводив последнюю девочку (Лену Александрович), мы, возвращаясь мимо дома Жени, пропели под окнами её: «Очей прелестных огонь я обожаю etc.» Вчера, с Гебой, Витей и Гарькой Иващенко я впервые побывал у Жени дома. Она встретила нас в своём домашнем платье, по локоть оголёнными руками, босоногая. Хорошие ноги у неё, хорошее тело; хочется одеть его в самые драгоценные ткани и меха, в бархат, шёлк, соболя и чернобурых лисиц. Чтобы золото и бесценные камни украшали её руки, и ноги, и шею; и чтобы редчайшие цветы благоухали в её волосах.

Словом, неохота больше писать. Гарька Иващенко шутит глупо. Я ему, вероятно, набью морду.

Люблю Женю.

7 мая. Целая куча фотокарточек последнего улова. Много жениных. Милая девочка. Положу конверт с карточками на этой странице. — Флобер писал, что есть только одно существительное для обозначения предмета, одно прилагательное для его определения, один глагол для выражения его деятельности. Это надо запомнить. Никто не писал так чисто и красиво, как Флобер или Анатоль Франс, но в своей творческой силе они далеко уступают Льву Толстому и Михаилу Шолохову.

9 мая. Ну и ну! Выпал снег. Крыши белы, земля скрылась под ковром снега. Дохнуло зимним хладом. Ну, и дела!

На место Эйзенхауэра назначен Риджуэй.

15 мая. Учебный год кончился. Во вторник — первый экзамен. Начинается страда. По химии — годовая тройка. После нескольких дней снега, мороси, грязи, слякоти вдруг

грянула гроза и затем засияло солнце. Сегодня температура достигла 20(градусов); знойно по-летнему, хотя деревья ещё не зазеленели. Лето наступило почти без перехода.

Лето — знойное, тяготящее.

Вчера у Муси был день рождения. Из ребят пригласили Витьку, Гебу, Гаррику, Нарьку Ахмерова, Эдьку Батыева, и — Игоря Кузнецова. Девчонки хотели помирить его с Женей, она этого радостно ожидала, но когда пиршество окончилось, он вдруг поспешил уйти, чем глубоко оскорбил Женю: впрочем, она не подала вида.

Я почувствовал себя обиженным, узнав, что у Муси были и «Гарриман», и Нарик, и Эдик, а меня пригласить не догадалась. Как это ни смешно, я обиделся. Но важнее другое.

Я был позавчера у Женьки и сказал ей: «Тебя ещё никто не приглашал на наш выпускной вечер?» Она говорит — нет. Усмехается догадливо, из ответов её я (вероятно, слишком опрометчиво) заключаю, что она предпочла бы какое-нибудь другое предложение, т.е. Приглашение от кого — н. другого. Мнительен есмь, и, вспыхнув, сразу выкладываю: «Пождёшь, когда кто-нибудь почище найдётся?»

Сегодня, мне кажется, она не ответила на моё «здрате». Благо, девчат было много, в общем «хоре» не слышно. Во мне снова заговорила мнительная мучительница — гордость, столь свойственная моему характеру.

16 мая. Сейчас ушла от нас пожилая женщина в белом халате с добрыми глазами. Её посещение навело меня на мысль об одной особенности нашего времени. Американцы измышляют новые способы истребления людей, посевов, скота. Мы боремся против этого.

Вот уже третий год на обложке школьных дневников печатают сзади изображение колорадского жука, его яйцекладки, личинки и куколки на фоне изъеденной картофельной ботвы и надпись: «Школьники и пионеры! Выявляйте колорадского жука!» Ниже мелким шрифтом: «Колорадский жук — опасный вредитель посевов картофеля.» Дальше крупно: «Жук — жёлтого цвета с десятью чёрными полосками на надкрыльях; яички оранжевого цвета; личинки яркокрасного и куколки светлооранжевого цвета.» И т.д. Очень жизненное мероприятие: Зап. Европа, включая Дойче Демократише Републик, изъедена жуком, прожорливым, плодовитым и хорошо летающим американцем.

Наши учёные открыли вещество, смертельное для мышей, крыс и грызунов — переносчиков заразы, но безвредное для людей. Борьба с невидимым врагом входит в быт нашей страны. В школе, на уроках, трижды приходил врач и давал нам таблетку против дезинтерии, три таблетки.

Водопровод фильтрует и хлорирует воду, санитары являются на дом и посыпают хлорной известью отхожие места, самолёты противомалиарийной станции несколько раз в лето опыляют водоёмы (для борьбы с комарами). Сегодня эта женщина проверяла наши глаза. Партия и правительство постановили уничтожить трахому, как раньше уничтожили натуральную оспу. Проверить поголовно всё население, учесть всех больных и взять на лечение,

изолировав от окружающих. Для выполнения этой задачи каждый медработник (даже зубные врачи) получил нагрузку на известное число дворов.

Ну, что такое 4.500 «человек», работающих в Кемп-Детрике? Чтобы парализовать их усилия, мы выставим в 250 раз большую армию, это по самым умеренным расчётам, я разумею, армию врачей.

17 мая. Суббота. Ночь.

Я решил. Я буду писать. Всё о том же.

«Всё это старая сказка,

Но вечно она нова.»

Будут передавать на бумаге то, что навевает музыка красивых вальсов, аромат майских ночей, сияние солнца и попоты цветов. Словом, о любви. Первые поцелуи, клятвы, свидания, робость, стыд, нежность, страсть и восторг, слёзы, разлука, письма, ревность, обиды, примирения; и как много людям даёт любовь! В общем, я тех же взглядов, что Горький, но скажу новое слово.

Мне кажется, мы что-нибудь будем!

Только не падать духом в беде.

Свою повестикку я всё перерабатываю.

20 мая. Отмахнулся. Один есть. Написал сочинение. Вчера была «чёрная буря» (башкирский самум). Первый раз в жизни. Страшная штука: глубоко серого цвета неба, вокруг солнца получился бледный круг от рассеивания лучей в летящей пыли и песке. Резкий и сильный ветер дышал зноем, всё засыпал мелким чёрным прахом; грохотало и плясало листовое железо на крышах. Сначала я думал, что собираются грозовые тучи, и дивился ветру, но то были тучи пыли. Сегодня тихая знойная погода, небо синее. Keine lift von keiner seite! Ни дыханья ниоткуда! Чирикают птицы, деревца стоят в насквозь просвечивающем зелёном пуху. Город лишён воды: водопроводчики прочищают фильтры. Работают только уличные водоразборные колонки.

21 мая. Прекрасная погода. Солнце. Но переменчиво: то находят тучки, умолкают птицы, падает неск-ко капель, то вновь всё проясняется, зной, печёт голову, аж становятся горячими мои тёмные волосы; то веет лёгкий, как поцелуй, ветерок. Май переходит в «расплавленное» лето, и весенняя романтическая влюблённость сменяется знойной летней страстью. Люди ищут любви, глаза оглядываются, и губы ждут; Мелькают неприятной, режущей глаз обнажённые руки и ноги девушек. Но, хотя тело порою испытывает физическое страдание от подавляемого желания, люди ждут, и ищут, и крепятся, ибо они — люди. Зато как хорошо любить в эту пору! Сегодня раскрылись вчера ещё свёрнутые листочки деревьев, позавчера вылезшие из почек — всё зазеленело, зашумело, закудрявилось. Эх, сейчас бы в саду, на первой травке, в прозрачной майской тени деревьев, подстелив что-нибудь мягкое, обниматься и целоваться с какой-нибудь тугогрудой дивчиной, у которой косы в траве волочатся! — Э, нет! Шалишь, браток, потерпи, молод, зелен, тебе ещё только восемнадцать лет. Жениться прежде, чем кончишь вуз, — глупо, а без законного брака кто ж тебе даст? Мне не нужно

любви за двадцать пять рублей, да и грязное это дело, не для молодых. Молодым нужно уметь любить, а у нас год от года разучиваются. Да и как не разучиться?

Классика далековата нынешнему читателю, а своего наши писатели не пишут. Вот, погодите, уж я сдам все экзамены благополучно, так примусь.

В тот же день **21 мая** вечером. 11 часов.

Вдребезги разбились прекрасные волшебные мечтания! Я слетел с небес и упал на землю, причём пребольно ушибся. Путник, пролей слезу. Под этим камнем лежит романтик, убитый пошлостью общих мнений! — (Ну и фраза, чорт возьми, ну и самолюбование же!)

Попросту говоря, случилось то, чего я побаивался, и в глубине души предвидел. Элька Гудаева сказала Герке, выражая мнение девчат: «Конечно, Женька не согласится на ромкино предложение. Её даже удивила эта смелость.» От себя она добавила, явно выражая мнение девчат, что ей это даже смешно. Мне показали на место. Сейчас я знаю Женьку. Я не был ей безынтересен. Она действует под страхом осмеяния Гали, Эли и прочих. Да и в самом деле, что такое я в презане? Неимпозантная фигура, что и говорить. Худой узкоплечий малый в очках, довольно забавный. Хохмач, который посмел дать понять, что любит. О-кей, решено, я спрячу сердце в сундук; посмеяться над врагами у меня не хватит сил и подлости, но я стану холодным и сильным. Я попытался открыть слепым «золотые россыпи» своей души, но слепые слепы. Глупо было бы гневаться, но нужно их проучить — для их же пользы. Я это припомню: Галю и Элю я накажу. Женю вознагражу великодушным безразличием. Мы чем-то будем.

24 мая. Субб. Сдал на 5 устную литературу.

26 мая. Всё то же. Девчонки забываются очень трудно. Вчера мы с Герой немного проводили Эльвиру. Я немного потешился над нею; мои шутки были подогреты стаканом вермута и 100 граммами «водяры». Гали и Жени не было, ну и чорт с ними.

29 мая. Сдал во вторник письменную математику.

Мир всё ещё захвачен грандиозной дипломатической битвой, развернувшейся вокруг вопроса о судьбе Германии. Животрепещущий интерес возбуждает кровавая история на острове Кочжедо; это мирное географическое название стало синонимом Бухенвальда, Дахау, Освенцима, Майданека. Разоблачения, сделанные в связи с бунтом военнопленных, потрясли весь мир.

Во Франции началось наступление реакции. Только недавно пришло сообщение об аресте Андрэ Стиля. Лауреата Сталинской премии, автора романа «Первый удар». Сегодня сообщили, что ночью взят Жак Дюкло. Связь этих арестов с назначением Риджуэя в европейскую сатрапию несомненна. Мы, жители великой страны, заканчивая одно из величайших в мире мирных строителей, смотрим вокруг большими и внимательными глазами. Ошибки 1941г. не повторятся, мы готовы в любой момент раздавить врага.

2 июня. Интересное замечание вычитал я из Мюссе: Квинтилиан сказал, что фраза, перегруженная прилагательными, подобна армии, в к-рой за каждым воином следует слуга.

А пронос, я вспомнил, как Чехов посоветовал молодому писателю расписывавшему жалкий облик просительницы: «Достаточно сказать, что дама была в рыжей тальме.»

Вот так надо писать! Алексей Толстой учил молодых, что основа письма — глагол, подразумевающий действие, состояние, жест. Проза должна быть сжата, лаконична — знает каждый соплик. Но у великого реалиста-романтика Максима Горького мы нередко читаем многословные описания, обилие эпитетов, красочность. Ещё более свойственно это моему любимому Бальзаку. Значит ли это, что должно следовать их стилю и языку? Нет. Стендаль, Флобер, Франс, Толстой, Чехов — вот учителя в смысле формы (конечно, и в кое-чём ином).

Я наметил сделать из своей забавы, повесть в 29 глав, два плана: дружба (школа), и любовь (Нина). Усиливаю политический момент: ведь действие идёт в то время, как в Корее льётся кровь.

7 июня. Волго-Дон вступил в строй. Вот и ещё шаг к коммунизму.

9 июня. Тридцать третий год призывают в армию.

Три дня шли жестокие ливни, сейчас наступило лето; синее небо в облаках, поют петухи, гавкают собаки, кудахчут куры, где-то играет радио, почирикают птицы. Зелень стала густой и пышной, на некоторых деревьях приобрела уже тёмный оттенок. Где-то погромыхивает молоток плотника; в отдалении проедет грузовик, и снова сельская симфония: петухи, собаки, детские голоса, птахи, приглушённое радио. Но сегодня холодно. Редко набегаёт ветерок, и деревья зябко встряхивают ветвями. Я готовлюсь к экзамену по истории.

В субботу я говорил с Элей Гудаевой. Всё узнал. Женя сказала ей, смеясь, что Ромка её «приглашал», а она — «конечно, отказала.» Нет к ней пути. Трагедия. Ладно. Припомним.

14 июня. Суббота. Сдал историю на пять (позавчера). Давно не видел Женю. Сегодня выйду в город, есть дела, есть забавы.

17 июня. Вчера, после экзамена по физике, встретил Женю. Она невероятно прелестна, её тонкий голос очаровывает ребят, но у неё немного плохо со стороны головы. Нет, она умненькая девочка, но elle a mauvais gout. Это крупный недостаток. Однако, как я отвратителен: прежде, в моменты счастливые, я не искал в ней недостатков.

А в Америке бастуют металлурги. Шестьсот пятьдесят тысяч. С жёнами и детьми верных два миллиона.

20 июня. Итак, я кончил школу. Вчера сдал последний экзамен (deutsch). Великий момент прошёл незаметно. Поздравления друзей. Один младший товарищ (9-классник) после моего ликующ. сообщения спросил: «Ром, ты мне золотничков для велосипеда достать не можешь?»

Сегодня сдавала химию Женя. У неё ангина, горло перевязано, темп. 39(градусов); я встретил её, когда она шла на экзамен; в руке её был наш толстенный учебник химии, в него были вложены конспекты. Я усмехнулся, она разозлилась и не поздоровалась.

Появляется апатия.

До боли мила и желанна, но слишком уж я жалок и смешон. Видно, без хороших плеч и толстых бицепсов и в самом деле не проживёшь. Попытаюсь завести то и другое и тогда плюну на девчат.

23 июня. Вчера я разговаривал с одним нашим парнем, который в 1947 году побывал в Вене и Будапеште. Рассказывал много интересного. Как американцы ведут себя в Вене. Там проход по всем четырём зонам свободный (был тогда), он много видел. Американцы проходят в своей ловко пригнанной спортивного типа форме, шотландские гвардейцы — двухметровые гиганты в своей национальной форме, юбочка, не закрывающая колен. На широченной груди болтается «как игрушка», автомат. Американцы бесчинствуют. В крупнейшем отеле Вены сидят офицеры в окнах каких-то этажей, в трусах и порой без рубашки, едят, пьют, орут, свесив над улицей голые ноги и кидая вниз огрызки, корки. Американцы затевают драки, пьянствуют. Но всё утихает, когда в Вену приходят матросы Дунайской флотилии. Это наши в конце войны перекинули на автомобилях катера в Дунай, позже корабли прошли в устье Дуная; Дунайская флотилия много сделала, очень много в штурмах 1945 г.; вообще — наша морская пехота — сила. Итак, продолжаю. Матросы Дунайской флотилии идут в Вену, сильный, красивые, на бедре у них прикреплен и бьёт по ногам огромный маузер. При виде их всё американское, английское, французское разбегается; входя в бар, моряк делает жест рукой: убирайтесь! Все убираются. Если пьяный заартачится, рывок, удар — и упрямец летит через два столика. Полиция? Матросы не признают австрийской полиции, с ней та же расправа. Тут является наш патруль и забирает ребят на гауптвахту. Идёт матрос по городу, все расступаются перед ним. Вена сильно разрушена. Развалины в каждом квартале: американцы бомбили бесприцельно, с большой высоты. Бомбили странно: надо было разрушить большой важный мост через Дунай. Было нечётное число налётов; вокруг моста всё в руинах, но сам мост и пространство в радиусе — 100 метров нетронуты, даже асфальт целёхонек. А в день, когда наши были уже почти в Вене, американцы бомбили наши позиции, якобы по незнанию. В ответ наши ударили из всех родов оружия, двух американцев сбили.

Выстрелы с чердаков, нападения фашистов на наших часовых, прочёсы, которые наши делали в первые дни, и которые дали улов в несколько тысяч гитлеровцев (их тут же ставили к стенке), драки наших ребятишек (тогда ещё разрешали жить там семьям офицеров) с австрияками-мальчишками и прочее.

Как-то со стороны, по газетам не представляешь себе этой жизни: минёры с миноискателями в развалинах, для восстановления из руин одного дома берут кирпич из руин другого, находят забытый в развалинах сейф, разрезают автогенном: документы, ценности. Товарищ мой в брошенной библиотеке дома, где он жил, нашёл несколько «Mein Kampf» в разных переплётках и «целую библию» порнографических фотографий, которые собирал или фабриковал сам бывший хозяин дома.

26 июня. Мой уфимский дневник подходит к концу. Сегодня в шестом часу утра кончился наш выпускной вечер. Хорошо было, ей-богу! Жени не было, и я немного увлёкся одной девочкой из 3-й школы, Инной Феоктистовой. Много танцевал с ней.

Я взрослою очень быстро. Чувствую сам. Сегодня днём я забрал документы, личное дело, аттестат зрелости (две тройки, четыре четвёрки и восемь пятёрок). Впереди горестная разлука с родным милым городом, с любовями, надеждами, привязанностями; в Ленинграде жестокий конкурсный экзамен.

27 июня. Кончился вечер в 3-й школе. Я проводил Инну Феоктистову, взял её адрес: ул. Цурюпа, 37, кв. 4. Эта девочка около моего роста, физически развитая, с хорошей грудью, крепкими ногами, в меру полными бёдрами, очень приятным симпатичным лицом (чисто русский тип, слегка вздёрнутый нос, выпуклые скулы, красивый полный рот). У неё русые волосы, крупные живые глаза неясного изумрудного цвета, выразительные брови, женственная улыбка, осанка, повадка. Ко мне она отнеслась с интересом (любопытство?). Хорошо было. Хорошо.

Сходил на Белую, искупался. Уж много дней стоят страшные жары.

Я открыл целую новую область в жизни города: ранний утренний час. Очень хорошо и красиво светает над городом, и радостно-печально наблюдать волшебные, почти нереальные краски утренней зари после бессонной ночи с весельем, девочками, песнями, танцами.

Впечатление от этих трёх вечеров я суммирую в главе «Выпускной вечер» моей повести. Третий вечер — сегодня в сорок пятой. Увижу Женю, Галю, Эльвиру, последнюю я не видел уже очень давно.

Бедняжка, она надеялась на медаль.

Утро 28 июня. Я пришёл с вечера в 45-й школе.

Это было очень тяжело. Так тяжело, что нельзя передать на бумаге, ибо получится неискренне.

Женя была прекрасна. В своём белом платье и красных туфельках с косами, закрученными в трубочки, она меня с ума сводила. Это было замечательное испытание воли: она явно ожидала от меня действий в моём энергичном стиле, но я не подходил, не приглашал и сам не заговаривал. Два раза она заговаривала со мной завлекательно, называла по имени, но я сделал, как хотел, и горд этим. Никаких уступок красоте, никаких компромиссов с совестью. Женя после вечера почти час гуляла с Оскаром Ильясовым, разозлённая и разочарованная. Ни я, ни Игорь к ней (не) подходили. Это главное: горько, да честно!

29 июня. Билеты на 4 июля заказаны. Вчера (в субботу) я вышел вечером в город с Оскаром Ильясовым. Встретили Женю; я шёл с другой стороны, нежели она; прогуливались с ней довольно долго. Опять я выдерживал своё решение: не подходить первому, не заговаривать первому, не предпринимать никаких шагов на сближение. Aut Caesar, aut nihil. Я ей не пара, так? Ну, так нечего закидывать мелкие приманки, незачем пытаться удерживать в поклонниках. Всё или ничего. Приглашение на вечер её рассмешило, а я не хочу быть смешным. Я тоже имею какое-то самолюбие. Женя не понимает, хочет втянуть меня

в разговор, я любезно отвечал и пошучивал как посторонний, а в своё время её присутствие пьянило меня, и одушевляло на самую пылкую и остроумную беседу. Это явно досаждало ей.

Женя очень мила и прелестна. Это совершеннейший образец девической красоты; она стройна, у неё только слегка выпуклые бёдра, маленькие груди, нежные маленькие руки с тонкими пальцами, длинные сильные ноги. В её облике есть что-то мальчишеское и вместе с тем неуловимо женское; Она забавно хныкает, соблазнительно бранится своим тоненьким голоском. Её лицо очень красиво.

Иное дело Эльвира, к которой мы тоже заходили. Она уже сложившаяся женщина, холодная, циничная, не вызывающая особых вожделений, трезвая, не способная увлекаться и увлекать. Она хороший товарищ и порою симпатична. Это — полюс, противоположный Женичке.

Инна Феоктистова — мягкая женственная натура; проста, без претензий, но и без холодного цинизма, не слишком умна, но приятна. Она возбуждает интерес и не только физический.

Но всё же Женя мне милей. Инна была бы хорошей женой, Женя — прелестной подружкой. Но увы, этого не дано. Так не желают судьбы.

Эльвира уезжает в среду в Москву.

Г(о)рький: «Любят — так уж тут не до царей.»

Молодость прекрасна и мгновенна, ей на смену идёт плодovitая зрелость.

1952 год

6 ноября. Итак, я почувствовал себя, наконец, прочно осевшим в гнезде. Весь круг моих ребят распался. Я нашёл лишь Герулю, Витю, сегодня встретил Гарика. Эльвира в Москве. Женя в мединституте, здесь, я встретил её как-то на улице. Она занимается баскетболом под руководством одного медика третьего курса. Моя физиомордия покрылась крупными красными прыщами, к[ото]рые внушают мне отвращение к зеркалам. Настроен я также не в пользу любвей и увлечений. Но всё это ерунда! Что ж я пишу. . .

Сегодня первый день мама лежит дома, вчера привезли её из первой совбольницы, где она провела неделю с переломом большой берцовой кости левой ноги.

Гипсовую повязку снимут 15 декабря.

Все мои планы на ближайшее будущее разлетелись в пыль.

Теперь я надеюсь лишь на выдвижение «Рауениг!» — как сказала Растиньяк. Путь awenu d'esptit не гладок и тернист, но, как сказал Марк Твэн, нет зрелища печальнее, чем молодой пессимист или старый оптимист.

Много читаю.

Кончаю «Education sentimentale» на французском языке. Прочёл первую треть Лесажевского «Жиль Бласа». Прочёл книжечку стихов Брюсова «Избранное» Есенина и вот читаю Эмиля Верхана; в Ленинграде читывал Гейне и Блока. Ни Блок, ни Есенин, ни тем

более холодный и вымученный Брюсов не трогают меня. Я люблю Гейне и мне нравится Верхарн.

Интересно, за кого проголосовал 4-го числа «средний американец»? Мы все уверены, что выберут Эйзенхауэра. Но что дальше? Нападать на нас — безумие. В военном отношении мы сильнее всех в мире. Морганы, Ламонты, Дюпоны, Рокфеллеры, Вильсоны, Гарриманы, Меллоны не так глупы. Следует сделать вывод, что мы сохраним мир на своих границах, но наши соседи могут быть втянуты в кровавые конфликты.

Говорят, в Корее увязли лучшие войска Америки.

8 ноября. Избран Эйзенхауэр. Интересно, что предпримет этот идиот?

Праздники я провёл недурно; правда, в демонстрации не участвовал впервые за последние 6–7 лет. Вчера был на вечере молодёжи в Опере и, когда немного выпил водочки и спотыкача, вдруг так захотелось Женю, что я не выдержал и немного растрепался. Сашке Рубенко и Фимке Бугаю. Немного. Но Женю я очень хотел! Алкоголь — страшное дело. Сегодня узнал, что третьекурсник Герка Зубченко из Мединститута имеет узаконенную подругу, а за Женей ухаживает какой-то медичок из её группы.

А сегодня я зашёл к Поле, бывшей эльвиркиной подруге, взять её адрес, и вспомнил Эльвирку. Как ведётся у мецанок, у зеркала Поли между прозрачным стеклом и зеркалом вправлены две фотокарточки с Эльвиркой. — Ой! Как у меня сжалось сердце.

Эльвира!

Сердце моё!

Добрая толстوشка, ленивая голубоглазая Венера с маленькими коленками, пышнотелая, простодушная и хитрая. . .

Я взял у Поли адрес и фото — чтобы переснять. Глядя на её фото, я хочу кричать от сладостной тоски. Быть бы с нею рядом, ласкать её взглядом, держать её руку, говорить с ней о любви. . . Напрасно я всегда переживал в разговорах с ней лёгкий шуточный тон, ведь не то я хотел ей говорить.

Эльвира. . .

Далеко. Жаль. Милая.

10 ноября. Когда, черт возьми, утихомирится сердце? Немножко стыдно перечитывать позавчерашние строки, но Эльвиретта и в самом деле прелесть на этом фото.

Адрес Эльвиры: г Москва, Лефортовский вал, 7а, корп. 1, кв. 56.

Адрес Юрки Селезнёва: г. Москва, ул. Житная, д. 11, кв. 6. Писать нужно: Москва, 49, до востребования, Ю. Н. Селезнёву.

Маме плохо спать ночью.

9 декабря. Вторник. Уважать людей только а их знания — верх глупости. Поэтому уважающие себя люди всегда стараются ничем, кроме творчества, не проявлять своих знаний. Знания обретаются лишь для труда; иначе они не нужны, они — потерянное время; знания без труда — мука. Нет никого счастливее глупого бездельника — и нет ничего отвратительнее.

«Лишних людей», уважают за то, что они пытались что-то делать. Узнавать лишнее — безумная расточительность сил и молодости.

25 декабря. Мама всё ещё бюллетенит. Гипс снял, ходит на костылях.

Видел французский фильм «Опасное сходство», по драме Гюго «Рюи Блаз». Режиссёр — Пьер Бийон, донна Сезара де Базана и Рюи Блаза играет Жан Марэ: великолепно играет, особенно — донна Сезара. Хорошо играет артист, исполняющий роль Саллюстия де Базана. Лучше всего получились жанровые сцены (разбойничий притон, бегство донна Сезара (Зафари) из церкви). Есть элементы натурализма (раздевание разбойниками слуги; плечики королевы). Силён конец.

Но вот сегодня я дочитал «Манон Леско». Бесхитростная и правдивая история; несмотря на витиеватый язык, всё это очень честно и правдиво. Аббат Прево — первый реалист в современном романе: «Дон-Кихот» играет самостоятельную роль. Аббат Прево умел писать безыскусственно, как есть жизнь. Эпоха Людовика XV, молодого Вольтера, политическое затишье, в котором рождались великие идеи Просвещения — быт предстаёт перед нами с необыкновенной чёткостью. Вот что писал о нём Анатоль Франс: «Ему редко удавался такой простой рассказ: то была “История кавалера де Гриё и Манон Леско”. Любовь Манон длится всю жизнь, и она остаётся верной только неделю. Ей нужны тряпки и ужины; она живёт наслаждением; она остаётся очаровательной даже в повозке, которая её отвозит в Приют; как её не любить! Этот юный кавалер, который из-за неё становится шулером и прячет карты в манжеты, внушает истинную жалость. Эти двое детей, конечно, бездельники; но подождите, пока жизнь как следует их помнёт, пока они станут действительно несчастными, и тогда вы увидите их величественными. Одна и та же любовь создаёт героев и подлецов. Когда смерть в пустыне настигнет прекрасную Манон, когда у неё останутся только воспоминания, эти воспоминания будут исполнены прелести и умиления. Многие, закрывая книгу, скажут: “О Манон, как бы я любил тебя, если бы ты была жива!” Всё естественно, всё подлинно, всё справедливо в этой маленькой книге. Когда Прево самым простым способом создал это чудо искусства, он написал в виде предисловия две странички морального рассуждения. Это нечто вроде косынки, накинутой на плечи Манон. В этом маленьком отрывке он льстит себя надеждой, что ему удалось написать произведение, полезное в нравственном смысле. Я бы очень хотел этого. Но, мой милый аббат, эти прекрасные мысли появились у вас после того, как книга была окончена! Работая пером, вы были вдохновлены только воспоминаниями о первой страсти. Точно так же греческий романист, увидев в священном лесу намф, рассказал историю любви».

Почему мы не умеем писать, как Прево: трогательно и просто? Потому что нас отделяют от него сотни поколений с измочаленными нервами, жестокие войны и революции, чувствительный Жан-Жак, мелодрамы Пиксерикура, Байрон, Леопарди, Гюго и куча более дешёвых романтиков с их трескучими эффектами, потом Эрнст-Теодор-Амедей Гофман и немецкая чертовщина, а там — тьма тьмущая формалистов, натуралистов, вертижинистов... истов... истов. Они все кое-что сделали, они глубоко закопались в человеческую

душу и научились красно говорить. Но они испортили вкус наш, отучили нас от простого языка и правдивой манеры «напыщенного» аббата Прево.

Достоинства прозы заключаются в простоте и лаконизме. Поэты испортили прозу.

Писать просто учил Лев Толстой; он только слишком вдавался в подробности.

Мой любимый Бальзак — типичный антипод стилю Прево. Очень умный Чехов верно говорил, что нужно брать куски из жизни; он ослаблял сюжетную линию и требовал, чтобы в пятом акте не было ни выстрелов, ни свадебных шампанских бокалов. К чорту развязку. В большинстве жизней развязки не бывает: они остаются недописанными. Так и писать надо. У Драйзера Купервуд тоже умер недописанным: это правдивый, жизненный конец. Вот и у Прево: жизнь Манон пресеклась внезапно и нещадно, без романтической «развязки», а жизнь де Гриё он не дописывает сам — и это правда.

Пушкин очень умно поступил, показал себя истинным гением, когда оставил роман Евгения недописанным: ведь этот кусок жизни можно продолжать без конца. Резко высеченные, гравированные сюжеты хороши только для небольших новелл; хороши они были для Гомера, но это чересчур старо для подражания. Мою мысль подтверждает народный эпос, фольклор: обычно богатырь не гибнет, а засыпает (Фридрих в Кифгойзере, Давид Сасунский, Чапаев) или скрывается, как Стенька, до своего часу.

Долой развязку! Пишем без конца. Важен дух, а не сюжет. Даёшь эпопею!

Надо кончать бесконечностью! Развязкой должна быть завязка. Каждый конец должен представлять собой зародыш нового сюжета. У Шекспира над трупами Ромео и Джульетты водворяется мир в Вероне, а голова Макбета украшает триумф справедливости и служит залогом будущего счастья. Конец — это может быть затишье, но ведь жизнь-то не кончается.

Так-то.

Из дневника 1953 года

Р. Г. Назиров

1 января. По-московски ещё осталось несколько минут 1952 года. Я дома. Скучно, бесцветно встречаю я новый год. Никто меня не приглашал, никуда я не попал. Чорт с ними, плевать! Не знаю, устраивает ли что-нибудь Витька Торопчин. Он не приглашал меня на свой день рождения, где была Женя; может быть, он сейчас веселится.

Я довольно твёрдо держу зарок, данный себе: честное уважаемое слово, что не буду первый начинать с Женей, не буду искать, первый идти навстречу, не буду ничего предпринимать. Иногда тоска берёт страшная: Эльвира и Женя. В конце ноября (или начале декабря), выпивши по случаю прихода к маме в гости кучи сослуживцев, я в сильном возбуждении, не выдержав борьбы характера с любовной мукой, ударился на улицу Октябрьской революции. Я не знал, о чём буду говорить, но мне нужно было увидеть. К счастью, её не было дома, были только мать и тётка. Я поговорил с ней, они даже не заметили моего состояния.

«С новым годом, дорогие друзья! С новым счастьем!» — говорит по радио Левитан. Пробыли куранты. В Москве и Ленинграде осушаются бокалы.

Кончился прекрасный в начале и скверный в конце год. Я увидел в 1952 г. Москву и Ленинград, кончил школу, любил Женю, не был принят в институт. Я написал в октябре-декабре вчерне маленькую вещицу, которую я назвал «Продавщица». Вечером 30 декабря и утром 31-го я написал рассказик «Загородная прогулка», стилизация под культурного рабочего. Я начинаю приучаться составлять композиции, единые произведения. Вот уже два отдельных произведения, доведённые полностью до конца. Повесть школьного конкурса я не считаю.

Ох, когда исполнятся мои мечты? Будет ли что-нибудь моё напечатано в этом 1953 году? Посмотрим.

Внезапные мысли. У меня мещанская слабость сравнивать себя с великими, со славными.

Сервантес владел шпагой не хуже, чем пером, это так; он даже потерял руку в сражении при Лепанто. Томас Майн-Рид был капитаном кавалерии. Стенняк-Кравчинский, автор «Карьеры нигилиста», убил кинжалом сатрапа. Это были люди, писавшие о себе.

Но были другие. Великий Бальзак, автор возвышенных и умных книг, напоминал половинку пикового туза, семейство Eweliny ze Rzewuskich Gańskoy называло его насмешливо герцогом «бильбоке». Во Франции бильбоке — шарик для детской игры. Но Бальзак был великий человек, пусть толстяк, qu'importe?

Эмиль Верхарн, поэт противоречивых настроений, в основе своей здоровый человек, но отравленный тлетворными веяниями времени, поразил меня обликом буквоеда — нота-

риуса со своим пенсне, пос[. . .] его неистово жизнерадостных и буйных гимнов фламандской силе и грубой красотой.

Артур Конан-Дойль, автор «Шерлок Холмса», был слабый и болезненный человек. Его герои — сильные и независимые люди, а он сам умер, кажется, от разрыва сердца, не успевши вылезть из винного погреба своего дома.

Можно ли быть творцом больших произведений и великим певцом жизни, оставаясь таким щедушным и жалким подросточком, как я? Постольку поскольку я, такой, смогу участвовать в жизни. Как насмех, я влюбчив и чувствен. Ни Жени, ни Эльвиры — горе мне. По ночам начинают грезиться красные сны: к чести моей, в них не фигурируют ни Женя, ни Эльвира. Героиня этих отвратительных грёз — презренная Элька, которая уж не стесняется показывать знакомым ребятам наипохабнейшие стихи, впрочем, без цензурных выражений («Монолог замужней женщины» или как он называется).

2 января. О гнусно! Напился вчера у Витьки на пари, и меня рвало на глазах троих девчат. Неохота писать. Какая мерзость!

И всё же я в этом не виноват. Ну, конечно, идиотское мальчишеское самолюбие, витькины насмешечки, но не в том дело: очень скучна, черна, тосклива жизнь моя в Уфе. Я только сейчас осознал, какой удар в морду нанесла мне жизнь. Нужно собраться с силами и дать сдачи, а я напиваюсь с каким-то. . .

Нет, неправда, пил я один и зла на Витьку всё же не имею. Муся держала себя исключительно благородно Элька — дрянь, я назвал её в глаза свиньёй.

4 января. Сказано: «Кроткие наследят землю». Ложь. Землю унаследуют сильные и непримиримые люди, которые вытравят в сердцах своих жалость, к тому, что должно быть уничтожено. Но они будут горды и неподкупны; честные и чистые люди — соль земли, ибо в них есть сила.

Чтобы быть сильным, нужно быть чистым. «Сильны лишь целомудренные люди» (Э. Золя, «Покорение Плассана»). Чтобы быть чистым, нужно трудиться. «Праздная жизнь не может быть чистой». (Чехов). Ergo: Только труд даёт силу.

А я хочу быть сильным и независимым человеком. Все разговоры о судьбе и удаче — ложь Каждый человек — кузнец своего счастья.

Праздная жизнь не может быть чистой.

7 января. Сегодня во сне видел Женю. Более того: танцевал, кажется, говорил. Может быть, сидел рядом: помню ощущение горячего упругого бедра. Муть!

10 января. Только что вернулся из кино, смотрел «Молодого Карузо». Наконец, это смешно: у нас есть Маленков и социалистическая эстетика, а наше кино беспомощно барахтается в красках и формах. В то же время эти итальянские режиссёры создают фильмы буквально по Маленкову, по нашим эстетическим принципам, вплоть до понятия типичного. Замечательные актёры, особенно мальчик Энрико и его друг. Хорош синьор Пробошидо (или как там его). Италию видишь, как живую. Неаполитанцы с их музыкальностью, сорочьей болтовнёй, обезьяньей жестикуляцией и единодушной ненавистью к налоговым

инспекторам. Страшная чёрная тень католической сутаны осеняет весь фильм: имя Мадонны, крестные знамения, молитвы перед сном. Какая могучая невидимая власть религии над этой страной! Фильм высмеивает мелкие суеверия: предосторожности против «джениторе», подкова на счастье, но ни слова, ни жеста против католической церкви, против религии. Видимо, организаторы фильма отнюдь не хотели, чтобы разнесли кинотеатры по щепочкам из возмущённые зрители.

Энрико Карузо (род. 25 февр. 1873 г.) — знаменитый драматический тенор, всемирно известный. За него в фильме поёт артист маланской оперы Ла-Скала, Марио дель Монако.

Стелла, возлюбленная Карузо, хороша только девочкой, в первой части фильма. Потом это двадцатичетырёхлетняя девушка (по-итальянским понятиям старуха) с предельно оголённой грудью. Я не пуританин, но это как-то нарушает образ, ломает впечатление. Изумительно прелестна промелькнувшая скоро девочка-сестра Карузо.

Вообще, фильм классный. Делал его режиссёр Джентильуомо, что значит «милый человек» или что-то в этом роде. Я понимал (благодаря познаниям во фр[анцузском] яз[ыке].) буквально всё (фильм не дублирован). Sua madre buona notte, a rivederci, . . . Si, signora! . . . И всё время: *cantare* = петь. «Рири, паяччо» — «смейся паяц». «Как поживаете?» — «Bene, gratia» = «Хорошо, спасибо». «Даначо» — деньги. «Cantante» = «певец». «Tutti», «Si», «No», «Maestro» и т.д. Всё было ясно.

Я буду знать через пять лет пять языков кроме русского.

13 января. Алексей Николаевич Толстой:

«Марать нужно много, чем больше, тем лучше. Писать без помарок нельзя. Это вздор, — не черкают и не марают только графоманы. Человека должно мучить, если он на странице не найдёт ни одного места, чтобы зачеркнуть и переправить. Никто так не марал рукописей, как Пушкин или Лев Толстой».

«Пиши честно, ясно, просто, величаво».

14 января. Вчера всех поразило переданное по радио известие о раскрытии шайки врачей-вредителей, среди которых — громкие имена (Виноградов, Коган и др.). Залечили Жданова, Щербакова. Большинство связано с американской разведкой через еврейскую националистическую организацию «Джойнт».

А *groros*, говорят, что первый муж Светланы [Аллилуевой] оказался человеком «оттуда»; учились вместе, женились, родили ребёнка, потом его арестовали, шпион. Враги не дремлют. (Теперь она замужем за молодым Ждановым, говорят, талантливый философ). «Революционный держите шаг, неугомонный не дремлет враг». Американцы ассигновали 100 млн долларов на подрывную деятельность среди нас. Это подозрительно мало: безсомнения, есть какие-то секретные фонды, во много раз больше официальных ассигнований.

Говорят, этот Коган приезжал к нам лечить С. И. Кувыкина, нашего промышленного генерала, командующего объединением «Башнефть».

15 января. Прочёл один сильный французский роман, ни автора, ни года издания не знаю. «Sapho», *morurs parisiennes*. Страшная драма, без единой капли крови, но очень

тяжёлая книга. Написана в поздней реалистической манере, нет натуралистических сцен. Время действия — последние годы XIX века. Конец книги — сплошная симфония отчаяния. Франция считалась страной любви, эта книга показывает, что случилось с любовью во Франции ещё полвека назад. Великая, святая любовь умерла во всём мире; в России, стране гигантских культурных контрастов, любовь должна возродиться. Так и будет. Если я проживу ещё 20 лет, я напишу великую книгу.

В этом французском романе финал сжимает сердце тоской: голубое море, глубокое небо, шумный Марсель; Герой романа, Жан Госсен д'Арманди, растоптавший ради Сафо чистую любовь юной девушки, проклятый отцом читает в марсельской гостинице письмо Сафо, где она отказывается уехать с ним в Арику (в Перу). Она действительно, страшно страдала, жизнь выжала её до дна, она больше не в силах дрожать, лелеять и хранить его любовь. Итак, понапрасну разрушена его жизнь. Как трагический рефрен его мыслей, под окном поют арфы. «Addio... addio,» — слышится страстный и тоскующий женский голос. Прощай, жизнь! Прощайте, разбитые надежды, погибшие мечтанья! Он дочитывает письмо: «... Adieu, un baiser, le dernier, dans le sou... , m'ami...»

Мрачная, бесконечная книга. Гибнущая буржуазная цивилизация.

16 января. В Литгазете любопытная статья какого-то Питляра. Совершенно верно требует: скажите, как одет герой, в какой квартире живёт, что ест, какую получает зарплату, как отдыхает, развлекается и т.п. У многих писателей герои пренебрегают едой, не заботятся о здоровье, аскеты, денег не ценят и не считают, мы — мол социалистические. «Хорошо быть богатым, но не рабом богатства» (Мамин-Сибиряк). Социализм не отменил денег и всем воздаёт по труду (не по потребностям, а по труду, быть может, больше, чем нужно). Есть шахтёры, зарабатывающие в месяц до 25.000 рублей. Могут появиться очень крупные трудовые сбережения. Социализм порождает богатых тружеников; при коммунизме все будут богаты, следовательно, понятие «богатства» исчезнет. Пока что некоторое материальное неравенство сохраняется. Но я отвлёкся. Питляр критикует образы женщин, которые не говорят о платьях, о фасонах, о том, как их лучше шить. Он прав: об этом говорят даже девочки в 9-м классе, где учится сестра. «В костюме героя не подчеркивается характерное, индивидуальное, ему одному присущее». Это он верно пишет. Надо учесть.

У Сергея Антонова были интересные мысли насчёт авторской интонации и точки зрения. Рассказ должен быть выдержан в одной точке зрения: автора или героя.

Я всё более собираю силы, нацеливаясь в одну точку — литературный путь. Надо торопиться.

17 января. В «Дневнике» Шкловского замечательное выражение: «Много раз утром, в час, когда ещё нельзя отличить белой нитки от голубой, думал я о счастье». Ну, это мелочь. Однакого, у этих стариков бывали красивые слова. Нет, надо учиться ясно рассказывать. В целом «Дневник» Шкловского страшная чушь: привык по-футуристически выламываться. Прочитал одновременно «Художник» Т. Г. Шевченко: старо, и свежо. Между прочим, сюжет из повести Шевченко как-то напоминает мой сюжет «Продавщица». Но только сю-

жет, не мысль; по мысли ближе к гоголевскому «[Невскому] Проспекту», хотя всё же очень далеко. Скажут — «синтез», т.е. компиляция. Ерунда! Чепуха (рэникса).

«Эстетизм запирает человека, и он летает, как муха внутри пустого графика». (Шкловский).

20 января. Скоро приедет Эльвира, милая добрая тётя Эльвира. У меня сегодня любовное настроение. Девчонка — не главное, не может и не должна быть главным. Но человек должен признаться себе: бывают моменты, когда женщина заслоняет для него всё. Если женщина руководится злою волей, человек гибнет — физически или морально.

21 января. Сегодня в 8 ч. вечера приехали Панкин, Батыев, Майстрюков. Я их ещё не видел. Купил билет на вечер студенч[еской]. молодёжи послезавтра.

Психическое и физическое состояние человека взаимно влияют друг на друга. Тяжело больные люди нравственно борются с болезнью; их воля расходуетя, слабеет в этой борьбе. Человек, совершенно здоровый физически, не поддаётся депрессиям и упадкам. Писателям полезен спорт. Мне необходимо купить гантели. Герка завёл себе гантели по 8 кг каждая. Мне начать бы с двух, трёх килограмм.

Завтра схожу к Саше Панкину, к Вилорику Замятину. Эх, жизнь! Скучно без девчонки в 19 лет. Да, уж до 19 около двух недель. Девятнадцать лет, а так мало сделано. Надо учиться совмещать.

Нужно одеваться, танцевать, гулять, наблюдать, участвовать в повседневной жизни, но не «крутить» просто так. Можно любить, но не сметь увлекаться. С Женей и Эльвирой дело подходит к концу. Это будут прекрасные, но печальные воспоминания. Мне не дано детского счастья. Пусть же будет большое, мужское, человеческое.

Но ах, как надоело жить без коллектива! Если б я эту осень не писал, я бы, наверное, околел от тоски. Теперь иное.

24 января. Приехали Веницкий, Москович, Цыбаев. Съезжается народ. Я виделся со всеми. С Веницким уже был вчера на вечере студенч[еской]. молодёжи. Во время увертюры к «Майской ночи» стоял сильный шум, и Веницкий поведал под этот гул привезённый из Большого театра анекдот: «Тише вы, увертюра!» — «Если я увертюра, то ты сволочь!»

Скоро ли будет Эльвира?

В Опере, во время танцев, видел брюнетку скромной, но замечательно тонкой красоты. Потерял из виду.

30 января. Только что от Эльвиры. Она приехала 27-го. Похудела, стала стройненькая. Не так уж она красива, но попрежнему привлекательна и «притягательна». Чорт! Когда я подходил к двери, сердце страшно билось, я удивился даже. Эльвира, старый товарищ! Так хочется чьей-то ласки и сочувствия, так зверски трудно «быть мужчиной...»

Вечером. — Чорт возьми, это даже смешно: когда Эльвирка вошла, и стала здороваться со мной, и девчонками, у меня аж губы дрожали, я чуял.

Боюсь я за неё. В Москве народ развращённый, циничный. Там её в конец испортят. Там (один из наших рассказывал) в МЭИ (энергетич[еский].) такая сценка: между двумя

москвичками-первокурсницами сидит приезжая провинциалочка, красная от стыда. Москвичи просвещают её и говорят, смеясь: «Мы тебя, тихоня, перевоспитаем!» или что-то вроде. Девчата совсем блатные, рассказывают непристойные анекдоты, при случае могут послать далеко... и это «культурные», «интеллигентные» девчата. Эх, народ пошёл! Невинность? Чистота? Это семиклассницы в деревне; да и то, чистота их относительная: они только проще и честнее, без московских пакостей. Да нет, и в Москве есть ничего девочки, но над ними превалирует влияние развращённых.

2 февраля. В субботу, 31-го, был вечер в нашей школе — встреча с выпускниками. Эльвира ушла на каток, на вечере была очень красива Женя. Я держал себя в руках, не глядел на неё, не заговаривал, ушёл за час до конца. Танцевать не пришлось. Было очень больно. Вчера я узнал, что 30-го у Вити был вечер, там был Гера, Женя с Галькой, Муся, etc. Мне очень тошно из-за моей бездорожной жизни. Нет, лгу. Плохо именно оттого, что нашёл дорогу. И очень трудную.

В Москве, в трамвае, едут девушки-провинциалки с «невинным» мальчиком. Сидящие напротив москвички-девчата вслух обмениваются мнениями: «Эх, и юноша! Ах, какой парень! Красивый, симпатичный, хороший...» Словом, философия московской молодёжи — эпикурейство самого низкого пошиба.

4 февраля. Позавчера был вечер встречи в 45-й школе. С Женей, с Галькой К., с Элькой не здоровался. Кончаю с этими. Эльвира уезжает завтра, завтра и многие наши. Мы с ней уже попрощались, как уходил я с вечера, пожелали всего хорошего, и с тем кончилось всё. Теперь за работу.

5 февраля. Вчера меня прервала тётя Харида. Она мне принесла в подарок (вчера мне стукнуло 19 лет) «Капитал» Карла Маркса, все 3 тома, 1935 год. Я ей очень благодарен. Вчера же я сходил в Оперный театр, на вечер студенческой молодёжи. В прошлый раз (29-го янв[аря].) в Опере я видел замечательную девушку, некрасивую красавицу. У неё неправильное, но очень привлекательное лицо, светлые волосы, как раз того цвета, какой мне нравится; на ней было чёрное платье с вырезом, в котором поднимается полная (в меру полная) белая шея; на шее тонкая цепочка с медальоном; медальон уже находится на груди, чуть розовой, в отличие от шеи. А как она смеётся, отгибая назад голову, лукаво блестя светлыми глазками! Зрелая, полнокровная и спокойно жизнерадостная. Но вчера я видел другую — вероятно, работницу; на студентку не похожа; чёрная юбка, розовая прозрачная рубашка, под которой видны просвечивающие плечи и руки, белая сорочка. Лицо её правильно и довольно красиво, но в общем, не примечательно. Оно выделяется лишь своим удивительным выражением: тревожным, нервным, цепким; у неё беспокойные губы, чуткие ноздри, глаза — ну, какие? трагические. Я бы сказал, глаза античной маски, если бы маски античных актёров имели глаза. Края век у неё покраснели от недавних слёз. Даже когда она смеётся, эти губы и глаза сохраняют трагическое выражение. Она вызывает смешанное чувство интереса, жалости, любви. Она ещё совсем молода, но, видимо, пожила. Если у той жизнерадостной девушки прямой стан и спокойно счастливая походка, то

у этой, в розовом, — нервная и порывистая походка, она держится слегка напряжённо. У неё красивые волосы, но завивка, не люблю; стройные ноги; она чуть-чуть худощава, но тугая грудь двумя острыми холмиками натягивает розовую рубашку; тонкие хорошие руки. И эти беспокойные, взволнованные вопрошающие глаза. Нет, я беден словами, я не могу схватить неуловимо горькое, упрекающее и печальное, но вместе с тем гневное выражение чуть приподнятых бровей, удивлённых складок вдоль лба. — Была очень красивая юная девушка, лет 17, из какого-то техникума; наивные серёжки в ушах, но глаза! Это что-то умопомрачительное. О них надо бы писать поэму, но не умею. Изумрудные? Аквамариновые? При электричестве не разберёшь. Но правда одно: глубокие, думающие, прекрасные. Если такие у маленькой девочки, что будет через 10 лет? Или станут звёздами, или помутнеют, угаснут, померкнут. Всё зависит от жизни.

Но что я пишу о девушках?

Я решил самоустраниться сроком примерно на год. «Работать! — пусть этот славный клич раздастся звоном колокольным» (Вазов). Работать! И пока не добьюсь большого, не надо думать о любви.

6 февраля. Вчера уехали некоторые ребята и Эльвира.

Гюстав Флобер: «Какая чудесная вещь писать, не быть заключённым в себе, но обращаться во всём мире, о котором говоришь. Сегодня, например, я — одновременно мужчина и женщина, любовник и любовница — совершил прогулку верхом в лесу в осеннее послеполюденное время, под жёлтыми листьями, и я был лошадыми, листьями, ветром, произносимыми словами и багряным солнцем, от которого смежались глаза, отягчённые любовью».

11 февраля. Среда. В Уфе стоят светлые морозные деньки. «И скучно, и грустно, и...» позавчера уехали все наш ребята. На вокзале встретил Женю; она провожала Гальку. Зашевелились прежние чувства. Еле удержался от чего-нибудь эдакого...

Теперь надо работать. В «Продавщице» важный недостаток: Друг-резонёр. В 1885 г. Энгельс писал Минне Каутской: «Тенденция должна сама по себе вытекать из положения и действия без того, чтобы на это особо указывалось...»

13 февраля. Читаю Достоевского «Пр[еступление]. и нак[азание].» На Мармеладове «фрак с осыпавшимися пуговицами». Когда он прерывает рассказ в кабаке, у него запрыгал подбородок, но он сдержался. Когда Сонечка в первый раз вышла на панель, в первый раз продалась за 30 целковых, — ой! страшно. Достоевский был сильный парень. Между прочим, я замечаю в нём нечто от «Pauvres parents» Бальзака.

16 февраля. Понед[ельник]. Прочёл «Преступление и наказание». Сила. Достоевским русские могут гордиться. Это очень большой, но и очень честный человек. Он писал с некоторым смещением вправо от критического реализма, но наряду с этим правым смещением было крайне левое обличение. Противоречивая натура. Раскольников и Соня — исключения с исторической точки зрения, но есть и замечательные типы: Катерина Ивановна Мармеладова, живое лицо; Разумихин неплох; Свидригайлов очень верен, это дурной отпрыск от древа лишних людей; Пётр Петрович Лужин, мне захотелось даже избить его, словно

живого, да он и жив ещё; жалкий, но искренний Лебезятников; Авдотья Романовна тоже тип, в маленковском понятии типичности. Что ж, были такие женщины, были и есть, но как их мало!

Но такую книгу кончать евангелием — тоже в своём роде преступление. Мне помнится, жизнь наказала за это Достоевского.

Его нужно изучать и изучать; какой психолог! Как безошибочно правдивы изображения самых клокочущих страстей и бурных вспышек! А самоубийство Свидригайлова, просто и страшно. А как Раскольников дважды входил в участок, чтобы признаться. Всё это жизнь и правда.

Ещё прежде прочёл я «Бедные люди». Его Макар Девушкин — трагическая разновидность гоголевского чиновника, из всех гоголевских повестей, единого типа. Кончающий письмо последний, отчаянный и ненужный вопль насчёт фальбалы — это трагическая вариация шишки под самым носом алжирского бея. Это тоже хорошая книга.

На-днях же я прочёл «Дым» Тургенева: конец хорош, но рассуждения насчёт дыма — глупость. Жизнь человеческая — дым? Человечество — дым? Постойте же, через 100 лет коммунизм полностью воцарится на всей земле и человечество освободит головы и руки, чтобы овладеть вселенной. Весь вопрос в том, успеет ли беспредельный человеческий гений создать себе и резервную площадку для жизни, космическую станцию, к тому времени, когда остынет солнце. Я верю — успеет. Как бесконечна вселенная, так бесконечна борьба людей за жизнь против слепой природы. История ещё не начиналась по-настоящему. Мы — лишь кратковременный эпизод, к[ото]рый через миллион лет совершенно изгладится из памяти земли. Чорт с нами! Привыкает же человек к мысли, что его съедят черви. . .

Но ради всего этого ужаса забвения дайте сладкий миг на земле, хорошие условия для борьбы и если можно-светловолосую девушку с синими глазами.

4 марта. 2-го, ночью, у Сталина произошло кровоизлияние в мозг. Тяжёлое состояние. Что будет? Только бы жил.

14 апреля. Вторник.

За два дня я в каком-то исступлении прочёл «Братья Карамазовы» и «Большие надежды». Обе книги произвели на меня сильное впечатление.

«Братья Карамазовы». Достоевский местами достигает огромной силы. Пленителен образ Грушеньки, что-то в ней было родное и знакомое. Особенно изумительно, когда вдруг в самом Фёдоре Павловиче замечаешь человеческое, сродственное. Но конец плох, скверна идея, невыразимо тяжка история «банной мочалки», в которой протест Илюши казался так нездорово, искривлённо. Из братьев мне ближе всех, кажется, Иван, Митя тоже очень симпатичен; Алёша нравится менее всех. А Грушенька — я её люблю. Но конец плох. Нигде так не сказывается враждебная идеология, как в развязке. Никто не умел так изображать сильные чувства, как Достоевский, никто, даже Толстой — писатель скорее глубоких долгих переживаний.

Диккенса я в середине романа почти полюбил, в конце почти возненавидел. Опять-таки развязка вызвала во мне стон возмущения. Милая, добрая дума, но слабое и безнадежное сердце. Я сейчас всех мерю по Толстому: он — борец, гладиатор, Спартак в сравнении с Диккенсом. Если быя был Диккенс, у меня бы кончалось иначе: Мэгвич кончил бы жизнь где-нибудь в Америке честным человеком, но не буржуа; Пип овладел бы, наконец, Эстеллой, причём её муж умер бы отнюдь не от несчастного случая (или, скорее, просто развод); Джо и Бидди, конечно, созданы друг для друга, прочее соответственно. Главное, несомненно, — Эстелла. В ней гвоздь, в ней фокус. Я всё простил бы Диккенсу, если б он догадался хоть в последних строках женить Пипа на ней. Сейчас ещё посмотрю, не пропустил ли. . . Да, кажется, есть надежда на свадьбу. Но проклятое прекрасодушие Диккенса! Во мне слишком кровь горяча. Я б хотел чего-нибудь реальнее, чем этот еле заметны намёк, полунамёк, иллюзия.

Больше всех в книге мне понравился «злодей» Мэгвич и кузнец Джо. Эстеллу я тоже полюбил, но совсем иначе, нежели Грушеньку. Грушеньке — нежная любовь, Эстелле — свирепая страсть.

Однако, вздор чудовищный. Иду спать.

15 апреля. Вчера, читая Диккенса, я целовал страницы с описанием кандальника на кладбище и маленького Пипа в Мэнор-Хаусе, играющего в карты с прекрасной девочкой или тайком проливающим слёзы, горькие слёзы первой любви. Я чувствовал в герое себя самого.

Я пишу и буду писать. Это моё дело.

20 апреля. Нелегко выполнять принятый мной на 1953 год обет аскетизма. Когда я понюхал букетик подснежников, в моей душе вдруг зароились неясные воспоминания о двух прошлых вёснах. Вчера вечером на ул. Ленина было воскресное гулянье, я видел там помянутую выше девушку из техникума, с серёжками и с чудными глазами. Встретил я и девушку, которую 4 февраля видел в Оперном в первый раз, с покрасневшими веками. Она из пединститута, кажется.

Перечитал «Бегущую по волнам» Грина. Критика, поступила с ним несправедливо. Да, он не реалист, но он не враг нашей идее. Его роман — тоска по прекрасному, экзотическая мечта, мечта о сияющей любви. Мечта эта в обстановке тяжёлого времени, эстетической разрухи и левацких перегибов (а они у нас по сей день изжиты не до конца) приняла неправильные, искажённые формы, как уродливый плод, выращенный в надетой на ветку бутылке. В «Бегущей» есть чудесные места, но жалкий вид имеют лицемерные, неуклюжие попытки отдать дань времени, втиснув в роман антикапиталистические сценки и нотки (капиталисты Гель-Гью). Рабочих — ни-ни. В мире Грина не существует пролетариев. В общем, он, конечно, дурак, но его следует немного пожалеть и понять. С интеллигенцией, если она честна, стоит немного поцацкаться.

23 апреля. Четверг. Эльвирина мать утверждает, что Эльвира ещё не замужем, что она и не думала расписываться, но всё равно, Берлявские летом уезжают в Жданов (Мариуполь), и я навсегда потеряю Эльвиру из вида.

Вчера смотрел в кино «Любовь Яровую» (2 части). Спектакль делает Швандя (молодой артист Игорь Брбачёв), без него это было бы почти ничто (*Presque rien*). В кино была Женя. Я, кажись, и её перерос. Тянусь всё, но надо развиваться и вширь. Балуюсь гантельками.

Весна капает на мозги. «Кровь бродит», как говаривал Пушкин. Все девушки кажутся красивыми, всё соблазняет и манит. Стойко отвергаю.

26 апреля. Воскресенье. Мне грустно. Нет друзей, только товарищи. Плохо без любви, ничто не освещает жизнь. Только сейчас, проходя по улице, услышал я из какого-то раскрытого окна музыку: радиола; играли, видимо, старую пластинку, какое-то сладко-печальное танго. Великолепно вели мелодию струнные инструменты, выделяясь из джаза. Схватило за душу. Когда я пришёл домой, мне захотелось плакать. Нет, я остался совершенно спокоен, но кто-то сказал, что самые тяжёлые слёзы те, которые проливаются в душе. Очень грустно мне, да. Сейчас проходит эстафета на приз газеты «Ленинец»; на улице неподалёку толпа юношей, девушек, подростков. Среди них я видел двух прелестных девочек: они накинули пальто поверх трусов и маек, на ногах спортивные тапочки с носочками. Ух, какие у них чудные ножки! Такие у женщин вообще не бывают, это ноги без единого изгиба, одною волнистой линией. . . ну, это не записывается на бумаге. Но к чему это я пишу? Хотел только сказать, что грустно и хорошо аскетствовать. Может быть, привыкну потом? Очень люблю девчонок, а разговаривать с ними не желаю. Не робость, не конфуз, нет; просто я твёрдо знаю, что непривлекателен, порою смешон (слышал, как смеялись над моей длинной шеей), чересчур тонко сложен, не мужественен. А гордыня велика: «Aut Caesar, aut nihil». Быть просто добрым товарищем надоело: созреваю, не до дружества, мне уж видятся плотские удовольствия, я уж не думаю только поцеловать. . . обнять. . . По временам я гадок сам себе. — Кстати, о гордыне: когда на улице девушки фыркают или хихикают за моей спиной, я сам широко и ласково усмехаюсь, так я их люблю: а в то же время новая капелька крови вытачивается из поцарапанного сердца.

Вчера смотрел комедию «Дон Сезар де Базан». Прелестная штучка; главная роль сыграна неплохо; если бы героиня, уличная танцовщица Гуритана, не визжала бы, как драная кошка, не бегала бы по сцене, как заяц, и не хрипела бы, как старый алкоголик, то получился бы прелестный спектакль и в нашем театре. Но поскольку актриса игравшая героиню, обладала всеми перечисленными достоинствами, то вышло паршивенькое гляделище. Нет, дон Сезар был неплох: бурный, экспансивный, переливающийся всеми цветами радуги чувств — от фонтанирующего веселья и иронии до праведной ярости; всегда благородный, великодушный и храбрый, поэт и бреттёр, защитник слабых и угнетённых, он презирает золото и смеётся над смертью. Глядя на него, можно только сказать: «Много сил растрачивают впустую хорошие и честные люди!» — Вот опять: напрашивается вывод об аскетизме. Видно, мои мысли вертятся вокруг Рахметова.

Прочёл недавно «Творчество» Золя. Его метод мне не нравится: слишком много биологии. Наследственность? Хм. Пожалуй, «gerundium».

Огромное внимание он уделяет половому акту. Справедливо, в человеческой жизни он играет важнейшую роль, но к чему такое укрупнение: он рассматривает в увеличительное стекло сцены физической любви, и это заметно принижает героев. Да он и не стремится показать их великими, что правда, то правда: верх глупости спрашивать с Золя пафос социалистического реализма. Это мы ставим человека на некоторый пьедестал, показываем читателю идеал, к которому должно стремиться.

Дочитываю «Потерянный и возвращённый рай» Джона Мильтона, прозаический перевод П. Каншина (Спб, 1891, издание Губинского). Это был по-моему действительно гениальный поэт. Изумительнейшим образом сочетается в нём гуманизм подлинного революционера с ограниченностью английского буржуа. Это непрерывно складывается в идеях, в построении; даже в забавной попытке сочетать христианство с язычеством, объяснить с помощью библии всю античную мифологию. Поэма прославлена интересной достопримечательностью (между прочим, конечно): ещё до сотворения мира мятежные ангелы сражаются в небесах с воинством Господа при помощи изобретённых ими пушек. Лучшие места поэмы — Адам и Ева в раю, разговор Адама с архангелом.

Вот, хочу кое-что выписать. [выписка из «Потерянного рая» Мильтона]

Браво, Джон Милтон! Для англичанина это очень здóрово: к тому же ведь он пуританин, настоящий кромвелевский пуританин. Смелый человек, что и говорить.

Или вот Ева беседует с Адамом: [выписка из «Потерянного рая» Мильтона]

Сила! Дьявол хорош.

Стальной для первых супругов служит уединённая и благословенная райская куща. [выписка из «Потерянного рая» Милтона]

Ну, хватит. Закрываю и этой записью кончаю дневник зимы 1952–1953 гг. Сколько тяжёлых событий произошло в эту зиму! Сталин умер 5 марта. До сих пор мы ещё не осознали, не привыкли к мысли, что Сталин мёртв. Тяжело.

Моя личная жизнь в эту зиму была очень плоха. Я был одинок, я и сейчас всё ещё одинок.

Но время идёт, исцеляя все боли. Жаль только, что оно отнимает молодость и свежесть. Время властвует над человеком. Ничего более.

13 мая. В нашей жизни намечается перелом. Речь Эйзенхауэра, теперь выступление Черчилля говорят о том, что они намереваются покончить с холодной войной. Впрочем, у них есть в запасе горячая война в Корее и несколько районов напряжённого положения.

Прекрасная весна. Какое небо, воздух! Глянцевые, маслянистые листочки на деревьях, светлая лепечущая зелень. Увеличилось количество хорошеньких женщин, девушек. Зимой их не разглядишь под шубой, ни ног, ни фигуры. Нынче иное. Мелькают в глазах, мельтешат юбки, икры, туфельки, бёдра, руки, осенённые кудрями лбы. Через улицу бойко перебегает девушка — подавшись корпусом вперёд, стройные ноги летят, чуть покачивают-

ся округлые бёдра, вьётся проворный подол, грудь, высокая, литая, не колышется ничуть; и тугая связка кос, подпрыгивая и падая вновь на спину, в такт стремительному бегу бьётся около шеи. Ну, право, что может быть лучше. — Два раза сходил я на телевизионный фильм-спектакль, «Весна в Москве», сыгранный Ленинградским Новым театром. Это спектакль талантов. Все молодые, незнатные, неизвестные, лишь один заслуженный [артист]. Великолепные типы, типичен почти каждый образ: замдиректора института, доцент Здобнов, комендант общежития, девушка-героиня, гардеробщица, студент Яша, студенты-«соловьи», академик Петров. . . Нетипичен только Миша Гаранин, герой. Этот распространённый образ бескорыстного, честного, прямого человека, не сходящего любви ради высокого дома — это из эпохи классицизма. Это «Сид». У нас это звучит порою лживо. В жизни таких ригористов *de facto* не существует. Этот герой родился в чернильнице. Дай бог, чтобы мечта стала явью.

Ах, какая прелесть эта Надя Коврова (актриса Г. Короткевич)! Вот кто даёт людям радость! Такими девушками создаётся счастье. Вторая тоже ничего, можно сидеть рядом, но сравнения никакого. У Короткевич — темперамент, характер, страсть. Хороша. Женская красота неисчерпаема, типы бесконечны. Вспомнить Дину Дурбин, Франческу Галь. . . Много, много есть славных, красивых девушек, но нужно что-то иметь в себе, чтобы они любили. Это «что-то» сущая безделка: цельный характер. Характер основывается на мировоззрении *Ergo*?

Довольно об этом. — Прочёл недавно по-французски Анатоля Франса «*Thais, conte philosophique*», в трёх номерах «*Revue des Deux Mondes*» за 1889 год, — ничего! Бесподобно воскрешает эпоху, хорош в психологии. Сильная идея, очень гуманистическая. Конец очень неплох:

«Он стал так отвратителен, что, проведя рукой по лицу, почувствовал своё безобразие». Да, Анатоля Франса умел сказать.

Читаю в подлиннике Верлена. Перечитывая «*Odes en son honneur*» развожу руками. Ну, что об этом сказать? Действительно, «оды».

Продолжаю заниматься на центральных заочных курсах «Ин-Яз», французское отделение.

Скоро закончу вторую черновую редакцию «Продавицы».

14 мая. Уфа полна амнистированными. Ходят слухи об убийствах, ограблениях, хулиганствах. Среди бела дня очищают квартиры, отнимают часы, велосипеды. Незнакомые люди подходят с вопросом: «Курить есть?» или с требованием: «Отдай деньги!» Золотое время для воров и бандитов. Избили милиционера на базаре днём. Проигрывают людей в карты. Проигрывают человеческую жизнь («игра на жизнь») — убивают первого встречного. Проигрывают девушку — либо доставить в свой притон, либо убить.

Бывает и смешное. На последние сеансы в кино ходят мало: боятся поздно возвращаться. На представление балета «Сынграу торка» («Журавлиная песнь») пришло трое зрителей: пьяный, военный и его девушка. Пьяному море по колено, у офицера наган. Балет шёл при пустом зале.

Или вот: на трамвайной остановке к девушке подходят двое подозрительных парней. «Девушка, сколько времени?» — Она снимает часы: «Берите, только не трогайте меня» — и убегает. Они просто хотели с ней познакомиться: результат был неожиданный. Чтобы вернуть ей часы, они хотели дать объявление в газете.

Третий случай уж просто чудовищный. На ул. Зенцова, около бани, близ телеграфного столба стоят мужчина и девушка. Походят четверо: «Вы муж с женой или кавалер с барышней?» — «Кавалер с барышней». — «Раздевайтесь». — «Как! Что?» — «Снимайте всё». Раздели донага обоих, скатали в ком брюки, юбку, бельё. «Возьмитесь за руки». Те взялись за руки. Хулиганы обвели их вокруг столба, как вокруг аналоя. «Возьмите свои манатки, идите домой». Обвенчали.

В третьей школе в два часа ночи раздели учителя черчения. На его труп остались ручные часы, всё прочее — костюм, деньги — взяли. Город кричал об убийстве. Похоронили торжественно. А недавно я узнал из верного источника, что грабители не тронули его пальцем: медицинская экспертиза установила, что он умер от отравления алкоголем. Спирту перебрал. Его уже раздевали мёртвого либо умирающего. Говорят, был хороший мужик. Осталась вдова, дети.

Облавы, засады; преступников ловят непрерывно, а безобразия пока что не прекращаются сколько-нибудь заметно. В Уфе уже появилось шутовское ходовое словечко: «Жертва амнистии».

Говорят, в других городах творится то же самое. Особенные ужасы рассказывают о железных дорогах. В поездах ездят недавние узники лагерей, входят и выходят, где хотят; билеты? вместо билетов кулак: «понюхай, чем пахнет». Проводников запирают в уборные, режутся в карты, дерутся, выбрасывают друг друга из вагонов на полном ходу поезда. . . Кошмар! Кошмар!

А в общем, жизнь идёт своим чередом и даже весьма неплохо. Солнце какое! Птицы! Соседский мальчик Димка гоняет голубей. Сегодня мне нужно перехватить почтальоншу, когда она придёт: не принесла нам «Правду» за 11 мая! Пойду, посижу на лавочке. Если бы интересная книга была. . .

16 мая. Нет, это не шутка. Убивают, режут. В 11 часов на улицах никого нет. Только гуляют подозрительные кучки пьяных, и хмельные проститутки поют: «И сила женских чар творит в сердцах пожар». Ночью на улицах только молодёжь, хулиганы, бандиты. Простые людишки выходить боятся. Назначено собрание городского партийного актива по вопросу о восстановлении общественного порядка.

19 мая. Совсем забыл записать, что в субботу (16-го [мая]) закончил вторую черновую редакцию «Продавщицы». Отдохну и за зиму попытаюсь написать набело.

19 мая. (Вторник). Весна. В воскресные дни попрежнему огромные толпы людей заполняют улицы. Много хороших девочек. Тихо хожу и смотрю. Вчера ходил «болеть» на волейбольную встречу студентов разных факультетов Сельхозинститута. Я обнаружил, что мне доставляет удовольствие молча сидеть возле незнакомых девушек, смотреть на них

и слушать. Это очень приятное времяпрепровождение: никаких тревог, никаких лук в сердце. Время от времени стрельнет она в тебя контрабандным взглядом, тихо помотришь ей в глаза — всё. Хорошо бы завести себе симпатичную скромную девочку, гулять, дружить, беседовать, но это желание отвращает мысль о необходимости искать, знакомиться, ухаживать. Несколько раз неизбежно ошибёшься, пока что-нибудь найдёшь стоящее.

Сегодня на улице у меня вдруг выпало одно очко и разбилось об асфальт мелкими брызгами. Пишу без очков, ужасно скверное дело. Но всё же я закончил без очков переводы с немецкого для Борьки Матвеевко, моего прежнего товарища по классу. Он студент Авиаинститута, эти переводы ему нужны для экзаменов.

19 мая. Вечером. Не знаю почему, у меня угнетённое состояние. В чём причина? Не разберу. Девчонку, что ли, надо в самом деле? Очень скверное состояние. Нет настоящей тоски, но даже хуже: беспричинная депрессия, не знаешь, что предпринять против неё. Быть может, встану завтра поутру, глянет солнце, посмотрю на молодое зелёное дерево у соседнего окна и почувствую себя счастливым. Нет, вряд ли. Моё печальное настроение не ново и не случайно. Это ноет моё израненное в кровь честолюбие. Это значит, мне нехватает сил. Ведь всё идёт неплохо. Впрочем, не всё. Тревожно у мамы на работе. Мама боится увольнения. Не думаю.

В мире дела делаются. Переговоры в Пакмыньчжоне затухают, генерал Гаррисон без сомнения имеет инструкции их завести в неразрешимый тупик.

Индийский премьер Неру и правительство Канады, а также известный лейборист Эньорин Бивен выразили недовольство (правда, первые двое очень мягко и лишь в отношении переговоров о перемирии в Корее) американской политикой. . .

Грустно мне. Не от всех этих политических дел, конечно, а вообще мне грустно. Нехорошо. Ребята меня ценят, уважают, а я — паршиво себя чувствую. Что-то неладно. Предчувствие? А чорт знает! Очень мне нехорошо, до боли в груди. Чего хочу? Не понимаю.

Мне тяжело от того, что я хорошо познал тщету и суетность большей части девчонок. Скучно с ними. Это ужасно! Да, именно. Рядом с незнакомыми мне интересно молчать, со знакомыми — скучно. Любить хочу и не могу.

Всё время думаю: что сейчас делает Эльвира со своим другом? Ой, как мне скверно! Скоро лягу спать.

Скука — страшна. Скука и грусть — хуже.

20 мая. Англичане называют это *dead blanc*. Это не чёрная меланхолия, нет: я могу улыбаться, разговаривать с друзьями, смеяться, но как только остаюсь один — опускаю голову на руки, и становится очень скверно. Солнце, зелень, сирень цветёт, играют дети, а мне нехорошо. Слишком давно не было в моей жизни никаких, ни малейших радостей. Нельзя жить счастьем своих друзей, к тому же нужно скрывать от них тяжёлое настроение: пытаюсь рассеять твою грусть, они только раздражают и ранят. Чего мне нужно?

Очень неважное состояние. С мамой чуть не поругался. Вчера (да и сегодня) она была со мной несправедлива, а мне тошно было доказывать свою правоту, я не мог с ней говорить.

Сил нехватает жить суровыми удовольствиями однобокой дружбы. Я изо всех сил держусь за своих ребят, но у них нет общего со мной дела. Горько мне вспоминать Ленинград. Только злобная мечта когда-нибудь торжественно наплевать на плечи всех, кто оскорбил меня, иногда развлекает моё воображение.

28 мая. (Четверг.)

Лемешев в Уфе. С ним прибыла и Кудрявцева, из Ленинграда, его жена. «Травиата», «Евгений Онегин», «Чио-Чио-сан». . . Ему, говорят, 6.000 за выступление в опере, ей — 1.000 рублей (это за каждый спектакль). Недурственно. Всего он проведёт у нас 20 дней, если не ошибаюсь. Он Уфой доволен: «Единственный город, где у меня все пуговицы остаются целы». В Москве его буквально затравили поклонницы; группу этих безумных девчат там, говорят, даже судили. Впрочем, и у нас есть ненормальные. Шестнадцатилетняя девушка отправляется в театр с подругами. «Поздно ли вернёшься?» — спрашивает мать. (Девка идёт на Лемешева). «Что вы, мама, как я могу рано вернуться: ведь нам надо его в машину посадить». Но это было более-менее сносно, а в Москве эти поклонницы доводили его до бешенства, так что он говорил шофёру, садясь после спектакля в облепленный ими автомобиль: «Хоть бы ты задавил их парочку!» Здесь, у нас, он рискнул даже съездить на открытие ипподрома. Оказавшись рядом с семейством местного нашего начальства какого-то, Нигматжанова, тоже приехавшим на скачки, Лемешев заглянул под шляпку прелестной семилетней кокетки-нигматжаночки и изрёк: «Смерть молодым башкирам!» Он проиграл на скачках какой-то крупный заклад, а сегодня даже показался в полдень на ул. Ленина, возле Оперного театра. Я без очков, и, наверное, даже не заметил бы, если бы товарищ не толкнул меня, сказав: «Вон идёт Сергей Яковлевич!»

Выступает он с успехом. Говорят, не слишком толстый, скорее приятная полнота; замечательно играет, в роли Ленского так это юношески резво бегают по сцене, несмотря на свой 51-летний возраст. Певец он, конечно, классный, но верхние ноты берёт уж не так, как когда-то. (Кстати, если верить сплетням, его после войны освистали в Италии). Театралы, любители закулисных сплетен, говорят безапелляционно: «Лемешев уже не тот. Лемешев пропил свой голос». Дамы из первых рядов партера со сладострастной дрожью впиваются своими телескопами в длинный красноватый шрам на горле Лемешева: это резала спящего мужа его первая жена!!

Передают, смакуют, как Леокадия Масленникова, его предпоследняя жена, уехала на курорт и больше к нему не вернулась: «Ай, Баку, джэн Баку, ай, гюзель Баку!» — Ушла к Рашиду Бейбутову он выбрал за то, что она, во время его приезда в Ленинград, сумела выделиться из всех оперных див, разодевшихся с предельным шиком, скромной простотой одежды и причёски. Она и сейчас так же скромна.

Мелкие капризики знаменитого тенора: приходит фоторепортёр «Советской Башкирии», Червинский, но Лемешев отказывается вообще сниматься, т.к. он в тот день не в голосе и не в духе. Ему подносили у нас множество огромных букетов, целые кусты сирени, но и хоро-

шие букеты ландышей — он высочайше разгневался на администрацию: «Прекратить эти веники!» Администрация приложила усилия — букеты были упразднены вообще, все.

6 июня. Недавно прочёл «Давида Копперфилда». Честное слово, у Диккенса слишком много слёз, он так слаб!

Позавчера я с Гебой ходил в кино, смотрели «Робин Гуда». Типичный голливудский фильм, неприятные резкие краски. Герой красив и недурно играет. Драки, фехтование, фантастические побеги, скачки, преследования, ночные погони. Дешёвый калифорнийский юмор. Впрочем, есть великолепно снятые сценки. В общем и целом — дрянь. Но дрянь совсем иного рода, чем наша, советская кинодрянь. Наша дрянь — поучительная, резонёрская, добросовестная и скучная; их дрянь — яркая, пёстрая, глупая и лживая. Конечно, наша дрянь лучше и полезнее голливудской, но дрянь есть дрянь.

8 июня. Понедельник. Поговорим немного об Америке.

В мае еженедельный бюллетень «Экономик ноутс» так начинает обзор экономического положения в США:

«Вероятно, никогда ещё в экономической истории США пик промышленной деятельность не сопровождался столь широко распространённым выражением тревоги в коммерческой и финансовой прессе. Кажется, почти всех охватило такое чувство, что бизнес близко подошёл к вершине волны и что впереди его ожидает нелёгкая экономическая погода».

Американская печать отражает тревогу, царящую в деловых кругах. Многие признают, что в далёком будущем неизбежно «падение уровня деловой активности». Множатся признаки того, что бум сходит на нет. С тридцатых годов не было такой широко распространённой тревоги по поводу производства. Журнал «Форчун» признаёт, что перед американской промышленностью вырисовывается лишь одна перспектива — перспектива «спада».

Общая стоимость товарных запасов в промышленности и торговле достигла к концу марта 76,6 млрд. долларов. Промышленность США производит больше того, что требуется рынку при нынешних ценах. В начале января с.г. общая сумма потребительского кредита перевалила за 23,5 млрд. долларов. Преобладающую часть потребительского кредита составляет задолженность населения по закупкам в рассрочку.

Фермеры встревожены снижением цен на сельскохозяйственные продукты. Подсчитано, что за год общий доход фермеров сократится на миллиард долларов. Печать предсказывает, что в текущем году посевы пшеницы могут уменьшиться на 15–20 млн. акров.

Кризис 1948–1949 гг. был прерван корейской войной, которую дельцы называли божьим благословением для Америки. Весь мир захотел покончить с войной в Корее. Это отозвалось и в Америке.

28 мая слухи о возможности заключения перемирия в Корее вызвали падение курса акций на фондовой бирже в пределах от одного до трёх долларов на акцию. Упал курс акций «Бэтликсэм стил корпорейшен», «Крайслер», «Дуглас эйркрафт компани» и других корпораций, наживающихся на гонке вооружений. Упали также цены на зерно на чикагской бирже.

28 мая состоялось собрание Американского института железа и стали, где Бенжамин Фэйрлесс, президент Стальной корпорации Соединённых штатов (U.S. steel corporation), заявил, что в скором времени сталелитейная промышленность окажется перед наличием «излишних производственных мощностей». Больше всего стали потребляет автомобильная промышленность, поэтому вслед за сталелитейным производством признаки перепроизводства появились в автомобильном производстве.

1 июня на бирже снова отмечалось резкое падение курса акций и цен на товары. По подсчётам аген[т]ства Ассошиэйтед Пресс, это падение привело к уменьшению стоимости акций, котирующихся на нью-йоркской бирже, на 1,8 миллиарда долларов. Стоимость акций многих корпораций упала на 1–3 или больше долларов за акцию. При этом наблюдалось падение стоимости акций «Дженерал моторс», «Крейслер», «Бэтликхэм стил корпорейшен», занимающихся военными поставками.

4 июня, после получения сообщений печати, где указывалось, что участники переговоров в Панмыньчжоне, повидимому, приближаются к заключению соглашения, акции многих концернов упали на 2–3 доллара. В один из моментов курс акций концерна Крайслера упал на 2,25 доллара за акцию; курс акций химического концерна Дюпона — на 1,5 доллара; компании «Монсанто кемикл» — на 2,5 доллара; компании «Дженерал электрик» — на 1 доллар; «Амоминиум корпорейшн оф Америка» — на 1,75 доллара. Агентство Ассошиэйтед Пресс заявляет, что 4 июня «волна продажи совпала с сообщениями о том, что перемирие в Корее близко».

Посмотрим, что будет на Уолл-стритс, если перемирие будет в самом деле подписано.

12 июня. Появилось коммюнике: в Панмыньчжоне урегулирован вопрос об обмене военнопленными. Все газеты мира облетело сообщение, что установление перемирия в Корее близко. Это и подобные сообщения вызвали 9 июня, во вторник, необычайно резкое падение курса акций на бирже. 9 июня, в результате этого слэмпа («обвала») общая стоимость акций, зарегистрированных на бирже, снизилась на 2,4 миллиарда долларов, а средний курс акций упал до самого низкого уровня с октября 1952 г.

Стоимость акций многих компаний упала более чем на 2–3 доллара. Акции нефтяной компании «Амерада петролеум» упали более чем на 7,5 доллара за штуку. Железнодорожные акции в среднем снизились примерно на 3,5 долл. за акцию, что, по заявлению агентства Юнайтед Пресс, является самым резким снижением за 7 лет.

Недурно для начала!

18 июня. Пять минут третьего, после полудня. Сегодня в Нью-Йорке, в тюрьме Синг-Синг казнят (если ещё не казнили) на электрическом стуле супругов Джулиуса и Этель Розенберг, осуждённых за «атомный шпионаж». Было много протестов, но американцы не вняли им. Приговор по делу супругов Розенберг был вынесен в марте 1951 года. Дело очень сомнительное: виновность de facto не доказано. Демонстрация протеста, пикетировавшая Белый дом, была крупнейшая в истории.

Наш крейсер «Свердлов» вызвал в Англии огромный интерес. Английская печать уделила ему большое внимание.

Министр обороны США Вильсон объявил о близком подписании перемирия в Корее. Установлена демаркационная линия.

После большой победы левых партий на итальянских выборах коммунистическая партия Италии начала сильно расти.

20 июня. Казнь Розенбергов была отсрочена. Их казнят сегодня в 3 часа по Гринвичу. Эйзенхауэр отклонил их просьбу о помиловании. Защитник Розенбергов в письме к президенту сказал, что дело пахнет обманом и лжесвидетельством.

Крупные события произошли в Берлине. Там провокаторы из западных секций, бывшие фашисты и всяческие классовые враги организовали сильнейшие антиправительственные демонстрации на территории демократического сектора Берлина. Во главе колонн шли американские офицеры. В колоннах было много немецких рабочих (поводом для провокации послужило снижение расценок, но путч продолжался, когда новые расценки были отменены). На улицы вышли русские оккупационные войска. Забастовки и манифестации прекратились, мятежники бежали в Западный Берлин. Они захватили на улице Отто Нюшке, вытащили из автомобиля, увели с собой; американские офицеры делали ему разные гнусные предложения, но он держал себя хорошо. Наш верховный комиссар заявил протест, и Отто Нюшке был возвращён. Одного из главных подстрекателей наши схватили и пристрелили под горячую руку.

В этот же день и час нечто подобное началось и в других городах Восточной Германии. Волнения были быстро подавлены.

Вот тебе и немецкие друзья! Всё-таки тёмный ещё народ.

21 июня. Воскресенье. Розенбергов казнили несмотря на протесты всего мира. Передаются подробности о берлинских беспорядках: во главе колонн мятежников открыто шли американские офицеры в своей униформе; поджигали магазины, срывали красные флаги немецкого рабочего движения. Негодяи стреляли в немецкую народную полицию, в экипажи советских танков, вышедших на улицу, когда было введено осадное положение. Видим остатки гитлеризма, прежнего воинственного духа ещё очень сильны в Германии, несмотря на два поражения в мировых войнах.

Я завтра подам заявление в пединститут. Начал делать утреннюю зарядку своего изобретения (второй день уже). На-днях прочёл по-французски Дидро «Vijoux indiscrets». Забавная книга! Местами я просто «укатывался» со смеху.

В эту весну чудовищно популярна была кубинская песенка «Голубка», исполняемая Клавдией Шульженко. Теперь она уже всем надоела: пластинки с этой песенкой разошлись в огромных количествах, и всюду слышится заучившийся мотив.

22 июня. Пришла газета с подробностями казни Розенбергов. В этих сухих строчках прорывается настоящая жизненная трагедия.

19 июня в 20.00 по нью-йоркскому времени (20 июня в 3.00 по гринвичскому времени) в тюрьме Синг-Синг казнены супруги Розенберг. За полчаса до казни президент Эйзенхауэр отклонил личное прошение Этель Розенберг о помиловании. По мнению президента, письмо г-жи Розенберг «ничего не добавило в данном вопросе». Различные судьи отклонили новые поданные в последнюю минуту прошения защитника Блоха.

Известие о казни вызвало многочисленные демонстрации, состоявшиеся в Лондоне, Париже, Риме, Турине и в других городах. Тысячи людей, участвовавших в борьбе за спасение Розенбергов собрались 19 июня на площади Юнион-сквер в Нью-Йорке, чтобы заявить протест против казни. Перед самой казнью здесь выступил Леон Страус, представитель независимого профсоюза кожевников и меховщиков. «Если они умрут... это будет таким жестоким политическим убийством, какого не знала доселе Америка». — «Если они умрут» (??) — видимо, до последних минут надеялись на чудо, на помилование, на Эйзенхауэра. Страус добавил: «Для чего нужна такая ненависть и жестокость?» Должна ли она заткнуть нам рты, подобно тому, как Гитлеру удалось заткнуть рот германскому народу?»

Розенберги были молоды, у них было двое детей, десяти и шести лет. После Сакко и Ванцетти не было такого подлого убийства. Но Сакко и Ванцетти были, по крайней мере, революционеры, борцы, анархисты, а супруги Розенберг не дали американской буржуазии даже морального основания для расправы. Сакко и Ванцетти, можно сказать, умерли естественной смертью, погибли в бою; Розенберги подло убиты, это невинные маленькие люди, непричастные к революционной борьбе, жертвы чистейшего каннибализма.

25 июня. У нас идут слухи о приготовлении важных экономических преобразований: деньги якобы обменены вновь, и курс рубля ещё более поднимется; цены будут сильно снижены (чуть не на 50 %), и соответственно будет снижена зарплата. Повсюду люди вносят деньги в сберкассы и покупают, покупают, покупают; в промтоварных магазинах идёт оживлённая торговля.

Из Японии пишут, о росте антиамериканских настроений среди всех классов населения. Особенно большим успехом у населения сейчас пользуется фильм «Сироты смешанной крови». Это полудокументальный фильм о родившихся после окончания войны детях американских военнослужащих и японок. Кинофильмы о Хиросиме и атомной бомбардировке также очень популярны. Самый большой успех имеет кинофильм «Башня белых линий». В картине рассказывается о трагической гибели молодых японских школьниц от рук американских солдат во время их вторжения на Окинаву. Как только фильм «Башня белых линий» вышел на экраны Японии, он вызвал большой наплыв зрителей. Японские девушки и женщины плакали на сеансах. Обозреватели газет сурово заявляли, что «американцы, очевидно, стреляют по всему, что движется».

Вчера я подал заявление в Уфимский пединститут, на литфак, теперь жду ответа. Конкурс будет очень велик.

3 июля. Вчерашней ночью видел во сне Эльвиру. Сон был на редкость отвратительный по сюжету и по всем подробностям. Эх, очень не хорошо, когда молодой человек не имеет

никакой половины женского пола: некого даже обнять, поддержать за талию, сесть рядом, поговорить. В последнее время у меня даже появился какой-то особенный взгляд: жадный или ищущий, я чувствую это по их лицам, если встречаю на улице привлекательных.

Послезавтра (в воскресенье) приезжают из Москвы Саша Панкин, Нарик Ахмеров, Мастрюков. 58-й поезд приходит в 14.08 по-железнодорожному, по-нашему в 4.08 вечера. Пойду встречать.

10 июля. (Пятница). Полчаса назад мы услышали сообщение о том, что Берия исключён из Коммунистической партии за попытки захватить власть в свои руки, за саботаж строительства коммунизма. Берия — буржуазный перерожденец, враг народа, авантюрист, даже наймит иностранного капитала. От этих слов звенит в ушах. Берия — враг. Предатель. Его дело передано в Верховный суд СССР.

Вот сейчас, без четверти одиннадцать, опять передают информационное сообщение. Берия был исключён из партии пленумом ЦК по докладу Маленкова. «Враг коммунистической партии и советского народа». Сообщается, что Берия пытался поставить МВД над партией и правительством, что это он пытался посеять рознь «между народами СССР, активизировал силы» буржуазного национализма в союзных республиках.

Берия разоблачён и разгромлен Маленковым.

14 июля. В моей личной жизни мало перемен. После приезда наших ребят я побывал на трёх вечеринках с выпивкой, часто бывал у Жени. Ездил с ребятами и девушками (Женя в том числе) на Уфимку. Эти выпивки и прогулки сорвали мой режим: бросил зарядку и гантели, выпивал много воды. Это скверно. Хочу завтра начать гимнастику по радио, а послезавтра — вновь гантели.

Пишу мелкие рассказы, их у меня накопилось в сумме штук пять (шесть?). Сегодня (полчаса назад) закончил довольно удачный рассказ. Если его сумеет отработать, он, по моему, пойдёт. Ужасно меня жжёт, как говорят журналисты, «зуд» — литературная чесотка пальцев. Хочется печататься. Не так просто чорт возьми!

Все личные делишки меркнут и бледнеют перед известиями мирового значения, которыми так богат 1953 год. Что-то он ещё преподнесёт нам? Совещание на Бермудах? Смерть Черчилля? Перемирие в Корее? Какие-нибудь новые восстания и забастовки? Новые преобразования в нашей стране? Пока что весёлого мало. У американцев, говорят, ожидается кризис. Что бы ни было, время работает на нас. Мы непрерывно крепнем. Гигантская Китайская республика превращается в одну из первых держав мира. С Китаем мы уже сильнее. США, Англия и Франция нейтральны, Германия не страшна. *Nous pouvons vivre! Verrons qui qui! Rira bien qui rira dernier! Le Temps est pour nous.*

20 июля. Сейчас дочитал я «Господа Головлёвы». Иудушка перерождается морально? Иудушка превращается в человека? Это страшно сильно. Конец очень силён. Он имеет огромное философское значение, которого не в силах постигнуть моя бедная голова. Значит, Щедрин не навсегда отрекается от Иуды? Он не извергает его из человечества? Иудушка просит простить его, он умирает по пути к могиле матери. Этот взгляд Щедрина я прини-

маю к сведению. Xavery Surokomlin musi przed smierca zrobic dobro dzialo. (Написано хоть неверно, я пойму). Он должен совершить подвиг всё с тою же злобной иронической усмешкой — а потом описанная сцена. Но это далеко впереди. Алексей Крылов в моём давешнем рассказе — это будущий Xavier, их надо слить сюжетно. Ксаверию надо противопоставить массу: Ромка Инзаров, Игорь Ляшенко, Сашка Бобров, Николай, его друг и многие другие, любимая моя молодёжь. . . Однако, этим планам в дневнике не место.

21 июля. (Вторник). Восстановлены дипломатические отношения с Израилем. Пущена большая электростанция в Польше. В Японии наводнение (вот страна стихийных бедствий!).

Я прочёл «Тяжёлые времена» Диккенса. Книга слабее обычного. Для печального таланта Диккенса характерно, что он замечательно просто и трогательно описывает смерть своих героев. Я преклоняюсь перед Диккенсом — художником, но как человек Диккенс достоин презрения: он органически неспособен к борьбе, его герои никогда не побеждают исключительно своими силами, их большей частью кто-нибудь или что-нибудь спасает. Даже борьба и протест у героев Диккенса выражается в форме побегов, слёз, обмороков, самоубийств и т.д. Очень скверно. У Маркса спросили, каков его идеал счастья. Он ответил: «Борьба».

Вечером. Фера Шафилова, приехавшая на каникулы из Москвы, рассказывает, что видела на улице Горького Эльвиру с её мнимым мужем: высокий, широченные плечи, серое пальто и шляпа. Что ещё нужно моей Эльвиретте?

Кстати, оказывается в прошлом месяце умер Василий Яковлев, один из наших крупнейших искусствоведов и художников. Я не поклонник метода Яковлева и Лактионова. Я больше всех нынешних люблю Пластинова. Но Яковлева я очень уважал за его высокую культуру.

22 июля. Жаркое лето. Звенят цикады. За окном голоса детей, кудахтанье кур. Жужжание мух. Я мечтаю о будущем. Как много я требую от жизни! Я хочу побывать в Париже. Жить в Ленинграде. Хочу многое написать, очень многое. Дерзкие, самоуверенные планы юности! Но почему бы им не исполниться, этим планам? Четыре года в пединституте я могу оттачивать своё перо. Я написал вчерне повесть и несколько рассказов. Я хочу видеть своё лицо на страницах журналов, своё имя — в газетных рецензиях. Я буду жить в хорошей квартире, заниматься мотоспортом, собирать себе библиотеку, непрерывно изучать жизнь и творить. Творческий процесс слагается из анализа и синтеза. Я буду всегда среди людей, буду дружить, любить, увлекаться, делать глупости; изучать классиков и непрерывно совершенствоваться в своём мастерстве. Творить! — Молодость. . .

29 июля. Позавчера, 27 июля в 10 часов по корейскому времени в Панмыньчжоне подписано соглашение о перемирии. Наконец-то! Даже не верится: неужели кончили? Неужели больше не будет в газетах этих кровотокающих заметок о войне в Корее? Кончилась трёхлетняя трагедия, вызвавшая скорбь и гнев всего человечества. Но мы никогда не забудем Корею! Когда-нибудь мы ещё призовём к ответу Макартура, Риджуэя, Кларка и прочих. А также Гарри Трумэна, фермера из штата Миссури.

1 августа. Сейчас вернулся из пединститута. «Толкнул» сочинение. Завтра — история. Никакой передышки. Это страшно. Я давно не видел Женю и даже немного соскучился.

3 августа. Американские истребители вторглись в Китай. Четыре истребителя обстреляли и сбили наш советский пассажирский самолёт «Ил-12», совершавший обычный рейс из Порт-Артура к нам. Погибли 15 пассажиров и 6 лётчиков. Четыре истребителя на пассажирский самолёт — подлещи!

Ли Сын Ман ведёт военные приготовления. Он не признал перемирия. К нему на совещание вылетел Джон Фостер Даллес. Они замышляют новую провокацию.

Только что радио сообщило, что Анри Мартен за 2 года до срока освобождён из каторжной тюрьмы.

Несколько дней назад умер сенатор Тафт, один из виднейших деятелей в Америке.

Вчера я сдал на «отлично» историю, завтра у меня экзамен по литературе и русскому.

Говорят, что 31 июля умер академик Зелинский.

5 августа. Да, Зелинский умер.

Вчера в Сеул прибыл государственный секретарь Соединённых Штатов Америки Джон Фостер Даллес.

10 августа. Я вчера сдал на «отлично» последний экзамен (немецкий). Теперь у меня 25 из 25, как было в Ленинграде.

В Корею идёт обмен военнопленными. Во Франции мощные забастовки.

8 августа по радио транслировали запись речи Георгия Максимилиановича [Маленкова]. Сильнейшая и интереснейшая речь. Нарочито замедленный, размеренный голос, крепкий, чёткий, властный. В своей речи Маленков сформулировал предельно конкретно всю новую политику партии. Вновь основное внимание, центр тяжести переносится на деревню, на сельское население (т.е. на преобладающую часть нашего народа). Всё направлено на усиление колхозов. Подробно разработанный новый закон о сельскохозяйственном налоге так и целит, так и бьёт во всё, что мешает или тормозит колхоз. Товарищ Сталин порою действовал круто, властной рукой. Его преемники, видимо, не чувствуют за собой такой силы. Маленков говорил о форсировании лёгкой и пищевой промышленности, которые до сих пор отставали в своём развитии от производства средств производства.

В области внешней политики Маленков продолжает твёрдую линию высокого чувства достоинства, которую начал товарищ Сталин. Маленков подражает Сталину не только в манере говорить, но и в построении речи. По адресу сенатору Уайли, который предлагал предъявить России ряд ультимативных требований, подкрепив их силой, Маленков сказал: «Шалишь, кума, — не с той ноги плясать пошла!» Довольно торжественно доложил он Верховному Совету, что США не являются монополистами в области производства водородной бомбы.

12 августа. Сейчас я прочитал старинный детективный роман какого-то английско-го писателя. Издано до революции в Риге, называется «Мститель». Герой-сыщик Майкель Бриксен. Действие вращается вокруг его погони за таинственным Охотником за головами

(человеком, который заманивает в своё неведомое логово разных людишек и подбрасывает потом полиции их отрубленные головы). Им оказывается безумный француз Лонгваль, двоюродный внук Шарля-Арни Самсона, потомственного палача города Парижа. Как детективно-приключенческий роман тайн и ужасов, автомобилей и револьверов эту книжку можно считать классической. Я прочёл её с большим любопытством, ряд образов и образных черт крепко запомнился мне. Подземная пещера, где сталактиты аккуратно срублены рукой человека, где в нишах расставлены фонари, и под домом, где живёт Самсон Лонгваль, двоюродный правнук палача, стоит красная шльотина. Бредовая, мутная книжка! Но есть — места! Девушка (героиня, возлюбленная сыщика) видит в пещере груды белых обломков, поднимает гладкую палочку — это человеческая кость. Охотник за головами одурманивает своих жертв подмешанным в вино хлорал-гидратом. Этот наркотик, иначе называемый «мёртвые капли», в большом ходу у грабителей, которые обрабатывают пьяных матросов: несколько капель в стакан — и готово. Но если налить побольше — смерть. Вот он выбрасывает из своего страшного закрытого автомобиля пустую темнозелёную бутылку с сильным, отвратительным запахом, — это из-под хлорал-гидрата.

Сначала воображение читателя направляется по ложному следу, а Самсон Лонгваль изображается добрым симпатичным старичком. Развязка совершенно неожиданна и случайна, в этом отношении роман несколько грешит против приключенческой традиции.

[. . .] одному гигантскому памятнику. Эпопея «Тихий Дон», «Семья Тибо» и «Сага о Форсайтах» — три величайших романа двадцатого века. Нет ни одной вещи, которая (в этом столетии) могла бы стать в ряд с этими тремя книгами. Даже Теодор Драйзер, написавший замечательный роман «Гений», «Американскую трагедию» и трилогию о Фрэнке Купервуде, не может сравниться с Шолоховым, Голсуорси, дю Гаром. У нас нет ни одного писателя такого же масштаба (ни Фадеев, ни Алексей Толстой не имеют столько сил, чтобы создать великую эпопею).

Да, три великой романиста было в 20-м веке.

Прочёл за один присест «Опасные связи» Шодерло де Лакло. Хорошая и сильная книга. Яркий пример того, что человек, не имеющий почти ничего или очень мало общего с литературой, может сказать своё, веское, ценное. Для этого не нужно учиться в литературных институтах. Не нужно шлифовать слог и оттачивать перо. Нужно только знание жизни и способность трудиться. [Второе у меня есть].

18 августа. (вторник).

Читаю «La Terre» Золя. Книга большой силы, но мне кажется, что большому писателю следует избегать и даже бояться этого пресловутого приёма Золя: научно-детальный, добросовестный эротизм, нет, не то слово, я невежа, придётся воспользоваться казённым термином натурализм. В чём сила этого приёма? Он попадает сразу в читателя, в самое нутро; натуралистическая книга читается не только мозгом, но и всеми нервами, и простотой, и кровью. Но этот приём очень вреден, он увлекает читателя мимо цели, автор забывает, врезает в память читателя натуралистическую книгу, но не её идеи. Масса читает

Золя и Мопассана не ради их высоких гуманных принципов, а ради натуралистических описаний. А вот к примеру небольшая книжица «Овод» или «Спартак» Рафаэлло Джованьоли со всем их романтизмом и отдалением от действительности вбивают в читателя свои идеи приёмами романтики, героизации, гиперболы. Золя и Мопассан крупнее, чем Войнович или Джованьоли, но я не завидую сомнительному успеху их книг.

Я хочу записать в свой дневник несколько строк о современной музыке. Вызвано это напечатанным в журнале «Новое время» интервью, взятым у Игоря Безродного, нашего известного скрипача. 10–18 июня в Финляндии состоялся музыкальный фестиваль «Неделя Сибелиуса», на который пригласили Игоря Безродного. Концертмейстера А. Макарова и секретаря Союза советских композиторов Кирилла Молчанова. А вскоре после прочтения беседы я увидел у одного товарища старинную книгу нот, в которой на одной странице стояло: «Valse triste», J. Sibelius, для фортепиано (из музыки к драме А. Иернефельта «Куолема»), Ленинград, 1927 год. «Имя знаменитого финского композитора Яна Сибелиуса, — говорит Игорь Безродный, — известно всему миру. Сибелиусом по праву гордится Финляндия. Три года назад, в честь 85-летия маститого композитора, в Хельсинки была впервые проведена “Неделя Сибелиуса”. С тех пор этот фестиваль устраивается ежегодно и благодаря мировой популярности Сибелиуса приобрёл международный характер как по составу исполнителей. Так и по составу публики. И нынче в Хельсинки съехались много слушателей из других стран. Билеты на концерты были распроданы чуть ли не за полгода».

Сибелиус — автор семи симфоний, симфонической поэмы «Куллерво» на темы финского средневекового эпоса «Калевала», театральной музыки к «Буре» Шекспира, к «Геласу и Мелисанде» Метерлинка и к другим спектаклям, около пятидесяти произведений для скрипки и ста для фортепиано, хоров и многочисленных песен. Известно, что Сибелиус создал Восьмую симфонию, но держит её под спудом; он объявил, что хочет, чтобы она была исполнена после его смерти.

Многие творения Сибелиуса (1-я симфония, симфоническая поэма «Финляндия», симфонич[еская]. поэма «Куллерво») носят глубоко национальный характер. Именно Сибелиус ввёл в область музыки тему финского народного эпоса «Калевала». Некоторые творения Сибелиуса, несмотря на их современный гармонический строй и инструментовку, носят подлинно классический характер. Другие его произведения отдают дань современным течениям западной музыки. Однако Сибелиус всегда сохраняет яркую творческую самобытность, инструментовка его всегда превосходна. У Сибелиуса много учеников и последователей.

Концерты «Недели» проводились в парадном зале хельсинского университета, в котором сам Сибелиус в 1892 г. впервые дирижировал концертом из своих произведений. Два концерта состоялись в зале Мессухалли. Здесь, перед 4.000-ми слушателями, Игорь Безродный 14 июня с успехом исполнил несколько произведений Сибелиуса, в том числе «Грустный валы», который я упомянул выше.

Сибелиус живёт сейчас очень уединённо на загородной вилле близ Хельсинки. Посторонние посетители бывают у него весьма редко. Но однако он пригласил советскую делегацию к себе.

Встреча состоялась 12 июня и продолжалась около полутора часов. Сибелиус был очень приветлив и гостеприимен. «Несмотря на свои 88 лет, выглядит он превосходно. Высокий, прямой, подтянутый, со строгим, резко очерченным, несколько суровым лицом, напоминающим в профиль римскую медаль. Чрезвычайно замкнутый образ жизни не мешает ему быть в курсе событий музыкального мира». Он знаком с советской музыке, особенно ценит Прокофьева и Шостаковича. Знает он также советских исполнителей, много слушает музыки по радио. Он попросил Игоря Безродного сыграть и похвалил его исполнение.

В Хельсинки Игорь Безродный познакомился с выдающимся американским дирижёром Леопольдом Стоковским. Ему уже 71 год, но он выглядит гораздо моложе, полон бодрости и энергии. «Прослушать концерт под его управлением было подлинным музыкальным наслаждением. Когда я впервые увидел его на одном из приёмов, мне вспомнился кинофильм с его участием — “сто мужчин и одна девушка”. Фильм этот снят лет пятнадцать тому назад. Однако Стоковский с тех пор ничуть не изменился. Он оживлённо беседовал с нами и охотно согласился навестить нас. Провёл он у нас более двух с половиной часов.

Сейчас, если память мне не изменяет, находится в Америке знаменитый итальянский дирижёр Артуро Тосканини. США вообще стараются притянуть к себе со всего мира лучших мастеров искусства. В США умер Сергей Рахманинов, в США, как говорят, доживает свой век знаменитый (я бы сказал, пользуясь выражением замечательно детского писателя Гайдара, — «гноснопрославленный») русский певец Пётр Лещенко, белоэмигрант. Слава его огромна и всемирна. В нашей стране большие круги молодёжи подвержены его разлагающему обаянию. Это ему (его репертуару) принадлежат такие вещи, как «Тоска по родине» («Румынское танго»), «Марфуша», «Татьяна», «Чайник» (фокстрот на слова: «Чайник новый, чай бордовый, кипячёная вода, лимон спелый, калач белый, кушай, кушай, милая моя!»), «Не плачь ты, мой бэби», «Миранда» и «Чёрные очи». Но ему же, тонкому лирику, принадлежат такие хулиганские штучки, как «Мурка» или «Зануда Фенька». Поёт он только на русском языке. О популярности его русских белоэмигрантский романсов один капитан дальнего плавания писал в юмористических тонах примерно следующее (дело происходит в одном бразильском порту): «Я сидел на веранде ресторана. Около меня расположился в кресле толстый негр в красной маске, с сигарой в зубах. Внезапно раздались звуки телефона: музыка показалась мне знакомой. Я терялся ещё в мучительных догадках, когда услышал, что мой сосед, вынув изо рта сигару, напевает под звуки пластинки: “Отши шорные, отши страстные”. . . » Это был широко известный романс Лещенко «Очи чёрные». Говорят, что он составил себе большое состояние.

Большую известность во всём мире имеют наши композиторы Сергей Прокофьев (ныне покойный), Шостакович и Арам Хачатурян. Особенно моден был в Америке Шостакович. Во время его последней поездки в Америку (а было это уже довольно давно) в отеле к нему

подошёл «развязный субъект» (репортёр), больно ударил его по плечу и заорал: «Халло, Шости, кого вы предпочитаете, блондинок или брюнеток?» Шостакович рассказывал об этом эпизоде с наигранным возмущением. Говорят, что знаменитый фильм «Железный занавес», поставленный реакционным продюсером Зануком (Голливуд), озвучен музыкой Прокофьева, Шостаковича и Хачатуряна; что им за это присылали из Америки крупные суммы, но они не приняли этих денег. Достоверно знаю, что хачатуряновский «танец с саблями» из балета «Гаянэ» наяривают джазбанды всего мира, он очень хорош и труден для исполнения.

Но я потерял столько бумаги на сплетни и анекдоты, ну, к черту пустую болтовню!

19 августа. Только что кончил «La Terre». Я закрыл её со смешанным чувством тоски и омерзения. Если бы вся жизнь была такова, как её изображает Эмиль Золя, было бы очень скверно. Но он не замечает светлых сторон жизни, он не хочет видеть будущего, входящего в настоящее. Сцена изнасилования и убийства Франсуазы хроникально правдива, но наполнена зверино-гнусным пессимизмом. Золя превращает человека в животное, оставляя ему только инстинкт самосохранения; остальное всё — лишнее, таково впечатление. Я против методов Золя и его взглядов.

Я не выходил сегодня из дома. Читал. Сейчас пришла газета. Во Франции бастуют 4 миллиона рабочих. С семьями это около трети всего населения страны или уж верная четверть. В Иране американцы в сговоре с двором пытались произвести переворот и свергнуть национально-буржуазное правительство. Заговор был раскрыт. Шах Мохаммед Реза Пехлеви 16 августа улетел на своём личном самолёте в Багдад, с женой и адъютантом. Часть заговорщиков арестована. Население бурно выражает ненависть к шахской династии, двору и гвардии, к американским шпионам и заговорщикам. На площади перед медресом 17 августа происходил антиимпериалистический митинг, и министр иностранных дел Фатемии обвинил шаха в намерении продлить срок концессии бывшей Англо-Иранской компании ещё на 60 лет. Фатемии подчеркнул, что «порочность семьи иранского шаха превосходит порочность египетского двора». В городском саду демонстранты разрушили статую нынешнего шаха Мохаммед Реза Пехлеви.

20 августа. Из Тегерана поступают противоречивые сведения. Генерал Захеди, скрывавшийся в горах Южного Ирана, прибыл в Тегеран. Сторонники шаха захватили несколько главных зданий столицы, в том числе радиостанцию, и объявили по радио, что правительство Масаддыка свергнуто и министр иностранных дел Фатемии убит. Сторонники шаха громят дома правительственных газет. Армия и полиция по большей части бездействуют. У резиденции Мосаддыка идёт бой между сторонниками Реза-шаха и солдатами войск, сохранивших верность правительству. Буду слушать радио, чтобы узнать подробности. Неужели восторжествует реакция?

Сейчас я услышал, что у нас произведён в испытательных целях взрыв водородной бомбы.

1 сентября. Сегодня я впервые занимался в институте. Башкирский государственный педагогический институт имени Климента Аркадьевича Тимирязева, литфак, пир «В». Что обозначает — пир «В», я не знаю.

В Иране победили сторонники реакции, ставленники американцев. Во главе правительства стал генерал Захеда. Дом Масаддыка разрушен, сам доктор Масаддык арестован. Его ожидает военный суд новейшего состава. Американцы сделали, что хотели. Они заявили, что не желают иметь дела с кабинетом доктора Масаддыка, и они сменили его. Идут массовые аресты среди сторонников и членов Народной партии. Янки победили в Иране. Рокфеллер, вероятно, поделит иранскую нефть с англичанами.

Американские финансисты завладели промышленностью Западной Германии.

Р. Г. Н.

Назиров

Назиров

Зима 1953 – 1954 годов.

1 сентября — 30 ноября 1953. Осень 1953. «Берии мы доверяли и в совет его избрали — эта сука Берия не оправдал доверия!»

Дневник.

5 сентября. Ну, я учусь в пединституте, на литфаке. В нашей группе есть прелестная татарочка, стройная худощавая брюнетка с умным живым лицом. Её зовут Флорида Халитова, она живёт на ул. Пушкина, 53, как я узнал. Она мне очень понравилась.

В понедельник на литературном кружке я буду читать свой рассказ «Дождь», написанный за один вечер в дождливый день 31 августа. Потом будет разбор моего рассказа. У меня с каждым днём появляются новые знакомства среди студентов. Сегодня в институте вечер.

В Корее продолжается обмен пленными. В районе свободной территории Триест назревает итало-югославский конфликт. В Западной Германии завтра состоятся выборы в бундестаг. Макс Рейман и Конрад Аденауэр — вот сейчас две главные борющиеся фигуры в Федеральной Германской республике.

Прочёл роман Александра Сакстона «Большая Среднезападная» (The Great Midland). Довольно сильная книга. Есть замечательные места. Композиция клочковатая, футуристическая, но стиль чудный: хороший американский реалистический стиль.

Да, чуть не забыл: 1 сентября при авиационной катастрофе близ города Барселонетты погиб знаменитый французский скрипач Жак Тибо.

Подробности о проникновении американского капитала в Германию. Государственный секретарь Джон Фостер Даллес и его брат Аллен Даллес, руководитель центрального разведывательного управления, закупили через посредство юридической корпорации «Салливан энд Кромвелл» большое количество акций предприятий, которые раньше принадлежали концернам «И. Г. Фарбениндустри» и «Ферейнигте штальверке». Американский посол в Париже Дуглас Диллон и бывший американский представитель в совете организации европейского экономического сотрудничества Уильям Дрейпер, непосредственные участники

банкирской фирмы «Диллон, Рид энд Ко», финансирующей предприятия Круппа и Гуго Стиннеса, также тесно связаны с западногерманск[ими] монополиями Фирма «Диллон, Рид энд Ко» даёт деньги на строительство авиационных и танковых заводов в З[ападной] Германии, финансирует здешние филиалы американск[их] монополий. Директор отдела госдепартамента по планированию политики Роберт Боуи владеет акциями некоторых предприятий, принадлежавших Круппу. Боуи также установил связь с банком «Schroder Gebruder und Ко».

В Нейхаузене (Швейцария) идёт сильнейший международный турнир, каких давно не было.

10 сентября. (Четверг). Мне печально. Я романтик и бог знает когда перестану терпеть разочарования. Прелестная маленькая девочка, тоненькая брюнетка, прямая, с прелестной улыбкой, от которой уголки губ пленительно загибаются кверху, эта самая Флорида с улицы Пушкина, 59, я думал, она — ландыш, — мне сказал о ней один близкий товарищ короткое мужское слово, непригодное для академического словаря. Что теперь делать?

Можно, конечно, взяться за неё и продолжать (успех очень вероятен), но, по правде говоря, когда я узнаю, что девчонка испорченная, я теряю к такой всякий духовный интерес. Девушки, слишком ретиво ищущие наслаждений, это, на мой взгляд, не девушки, а просто «пушечное» мясо. Неужели и этот ландыш — тоже того же сорта? Как я слеп, как наивен!

Нет, уж лучше женщины. Девушки не заслуживают ни уважения, ни любви. Сегодня я за три часа прочёл «Игрок» Достоевского. Русские должны стыдиться Достоевского — этот гениальный психолог обладал нездоровыми чувствами, извращённой волей, его душа вызывает жалость и омерзение. Он стремится максимально вывернуть грязь человеческих душ, не потому ли его так чтит Запад?

Ах, как мила эта девчоночка из нашей группы. Нет, не буду больше писать. Вообще, брошу дневник на полгода или хоть на три месяца. Всё равно, всего происходящего как-то не фиксирую.

Не зафиксировал, как этим летом мы ругались и всё же сблизилась с Женькой; не написал, какой весёлый и громовой вечер провёл я во вторник на литкружке, сколько испил браки и хвалы! Мама сейчас уехала к родным в Харьков. Но я пойду спать, завтра надо подняться без четверти семь. Чорт возьми!

29 сент[ября]. Не писал, потому что не мог отыскать дневника в бумагах. Перевёлся в русскую группу, группу «А». Серьёзно занимаюсь физическим развитием. Флорида живёт не в 53-м, а в 59 доме, но не важно, я не занимаюсь, хотя она, видимо, ещё девочка. . .

Мама приехала из Харькова. Витя приглашает меня на следующее лето поехать «диким способом» в Крым. Я непрочь.

Узнал, что Женя Гетнер заглазно чернила меня оскорбительным образом. Чорт с ней! На-днях я видел во сне Эльвиру. Это был изумительный сон: сладкий и тревожный. Три раза я поцеловал её в губы. Это был только сон!

2 октября. (Пятница). Сейчас прочёл интересный роман английского писателя Эдвина Джилберта «В беличьем колесе» («The squirrel cage», London, 1949), о жизни сценаристов Голливуда. Очень неплохо написано, высокий реализм, хотя и без большой силы. В последнее время англичане и американцы пишут лучшие романы. Я читал с удовольствием Дж. Олдриджа, Сакстона Альберта Мальца, Говарда Фаста, Митчелла Уилсона и других. Вообще литература Запада даёт сейчас много ценного.

6 октября. (Среда). Посмотрел старый голливудский фильм «Ярость». Хорошо! Американский реализм мне нравится. Великолепна игра актёров, но все сюжеты лживы пошлы. Честный простой шериф, справедливый судья, мужественные «ребята» шерифа, добродетельный прокурор — избитые американские типы. Дурной вкус страшен. Много дешёвый эффектов. И всё же замечательно: американская жизнь хорошо видна.

Бомбы со слезоточивым газом, водомёты — вот что пускается в ход против толпы. Толпа, желающая линчевать мнимого kidnaper'a Джо Вильсона, бросает помидор в лицо шерифу, выбивает бревном запертые двери тюрьмы, перепрыгивает через дымящиеся слезоточивые бомбы, преодолевает приклады стражи и, не в силах преодолеть железные запоры, поджигает тюрьму. Мчатся пожарные; толпа борется с ними, мешает им тушить огонь, отталкивает их; один из линчевателей рубит топором шланг, из которого ударяет в воздух бесполезный фонтан воды. Человек в горящей тюрьме хватается за решётки, в него мечут камни. Гнусные животные! Пресловутая mob!

Есть просто интересные, познавательные кадры, любопытные детали. Милое американское чудачество: Вильсон едет к невесте (из Чикаго в Капиталь-Сити), братья Том и Чарли дружески прощаются с ним, тепло жмут руки и желают доброго пути. Автомобиль трогается, к нему сзади привязаны пустые жестянки, они болтаются и гремят, а над ними дощечка с надписью: «Я сумасшедший, я еду жениться».

Джо Вильсон заблудился в пути и едет старой лесной дорогой. На пути стоит человек. Вильсон останавливается; человек наводит на него револьвер: «Не снимайте рук с баранки!» — «Грабёж?» — Человек усмехается и отворачивает лацкан: там болтается на цепочке жетон агента тайной полиции. Вильсон схвачен по обвинению в киднапе: трое мужчин и одна молодая женщина украли девочку. Им был выплачен выкуп, девочку спрятали от дальнейших похищений, и за поимку киднаперов назначили 10.000 долларов. Типичная Америка! Жаждающие награды, конечно, кинулись выслеживать преступников: приметы разысканы по всем городам, шериф Капитоль-Сити тоже получил их. У Вильсона при обыске находят при обыске всего 5 долларов; на этой ассигнации проставлена та же серия, что была на деньгах, уплаченных киднаперам за девочку. Ещё одно совпадение: Вильсон очень любит земляные орехи, он всегда носит пакетик земляных орехов или прямо насыпает в карман плаща, а в приметах обозначена страсть киднапера к земляным орехам. Вильсон в тюрьме. Город Capitol City взволнован; хулиган Керби Доусон из личной злобы к шерифу, проезжий штрейкбрехер (это тоже американское: «Я проезжий. Моя профессия штрейкбрехер»)

и ещё 2–3 мерзавца поднимают в городе бунт и сжигают тюрьму двумя бомбами. Пожар и разгром тюрьмы с вожделием накручивают на плёнку репортёры кинохроники.

На другой день банда киднаперов поймана. Вильсон был невиновен. Суд над 22-мя главными линчевателями очень интересен. Судья на своём троне с молотком, исполинские полисмены с медалями на груди, гнусные лица подсудимых, тарыхтение радиорепортёров у их микрофонов (Америка следит за сенсационным процессом). Из толпы крик в пользу обвиняемых; судья приказывает вывести крикуна. Другой зритель кричит: «Дядя Билли прав!» Судья: «100 долларов штрафа или 10 дней тюремного заключения». — «Я протестую!» — «200 долларов штрафа или 20 дней заключения». Милые нравы! Комична и присяга на Библии.

Виновность 22-х доказана с помощью кадров кинохроники. Обвиняемые осуждены на смертную связь (виселица). Их спасает неожиданное появление Джо Вильсона. Он уцелел: взрыв сорвал дверь его камеры. Обгорелый, ожесточённый, он хотел отомстить и незримо направлял следствие к роковому концу. Его ярость смягчила лишь его невеста Кэтрин, она уговорила его открыться. Конец чисто голливудский: «поцелуй в диафрагму».

Деталь. Вильсон ходит вечером по Капитоль-Сити, раздираемый мстостью и любовью к Кэтрин; в ресторане зовёт официанта: «Виски». «Мы не продаём спиртного». — «Счёт». Расплачивается, уходит из танцующего зала, идёт в какой-то «Bar of Business men». Там пусто, за стойкой развлекается музыкой проигрывателя толстый симпатичный негр. Вильсон: «Двойную порцию виски». Негр радушно вытаскивает кубическую бутылочку и стакан. Потом, желая сорвать с календаря листок с прошедшим числом — 20 февр[аля], срывает два склеившихся листка, и появляется крупная цифра — 22. Вильсон дико смотрит на календарь: двадцать два обречённых! Он кладёт монету на стойку возле стакана и быстро уходит. . .

Фильм сделан сильно. Много жизни. Старые голливудские фильмы неплохи.

12 октября. В субботу смотрел фильм «Чёрный легион». Это экранизация подлинной истории, случившейся в 1936 году в Детройте, только изменены действующие лица и характер действий организации. Чисто американской мелодрамой звучит сцена тайного заседания организации «Black Legion», где люди в белых и чёрных балахонах с черепом и костями принимают в легион новых кандидатов. При дрожащем свете костра перед немым строем злобных фигур в балахонах, рабочий Фрэнк (как бишь его фамилия? ну, неважно!) читает листок с присягой, стоя на коленях. Он держит листок в левой руке, подняв правую и произносит высокопарные, мрачные, устрашающие слова присяги; в это время у его виска один из легионеров держит заряженный револьвер. Фрэнк принят, и его тут же заставляют купить чёрную форму и револьвер (gun стоит 14 долларов с чем-то). Начинается жизнь Фрэнка в легионе.

Легион ведёт борьбу против иностранцев, за интересы стопроцентных американцев. «America for americans!» — этот лозунг, услышанный впервые Фрэнком в радиопередаче, является девизом Легиона. На тайном заседании Легиона оратор говорит: «Америка из жа-

лости дала приют иностранцам, а они отплатили ей чёрной неблагодарностью!» И далее: «Защищайте от иностранцев ваш дом, вашу семью и вашу работу!» Это — главная мысль. В легион вовлекают несознательных рабочих, озлобленных конкуренцией своих инородных сотоварищей. Так было и с Фрэнком, который рассчитывал стать мастером, но мастером был назначен молодой поляк Джо Домбровский.

В фильме очень хорошо показан американский завод, вернее, его сборочный цех, американские рабочие, их нрав, их шутки, их положение. Они работают в белой спецодежде; курить им на работе запрещено; они выходят на перерыв во двор и обедают прямо у заводской стены. В доме рабочего есть телефон, трюмо, радиоприёмник; у иного маленький гараж, где стоит купленный в рассрочку автомобиль. (Действие происходит после кризиса 29–32 и до 37 г., в период относительного рувельтовского процветания).

Жену Фрэнка играет очень красивая актриса. Меня поразила и мне очень понравилось, как американские автор и режиссёр раскрыли злободневную политическую тему в плоскости личной трагедии, как фильм кончается изображением чудесного, взволнованного женского лица, которое постепенно туманится и исчезает.

Вчера (в воскресенье) весь литфак (кроме IV к[урса]) ездил на поезде в колхоз имени Будённого, на станции Дёма, в нескольких километрах от Уфы. Большинство было занято картошкой, но мы, первокурсники, выдёргивали кормовую свёклу. Эта поездка оставило во мне очень хорошее впечатление. Выдёргивая свёклу, я сказал товарищу: «Только в такие моменты и чувствуешь себя комсомольцем». Действительно, это так. Наша, в институте, комсомольская работа носит казённо-бумажный характер. В эту осень правительство бросило на помощь колхозам целые отряды горожан (большой набор в армию и дождливая осень поставили под угрозу урожай). У нас на картошку посылали рабочих и служащих; рабочие приезжали с мешками, набивали их картошкой и отсылали домой на грузовиках, а потом уж работали для колхозов. Этим они сами себе выплачивали трудовни, которые колхозы записывают на горожан-помощников. Мы, кажется, неплохо поработали в колхозе им[ени] Будённого. Вообще, труд на свежем воздухе — замечательная штука. Никто не умеет организовывать такие массовые и такие удачные пикники, как советское правительство!

Мне эта поездка доставила большое удовольствие. Я с аппетитом ел, лёжа или сидя на грязной земле, колхозную, варёную в ведре над костром картошку, а в обед прекрасный мясной суп. Колхозы кормят своих гостей, вычитывая питание из записанных на них трудовней. Смеху, шуткам не было конца. Я пел весь день.

В довершение я возвращался домой с Флоридой. Она прехорошенькая и очень послушна, просто податлива. У неё тонкие алые губы с белыми зубами, чёрные глаза, отчётливые чёрные бровки, ресницы, что надо. Очень милая девочка. Возможно, из этого что-то выйдет.

На будущее я задумал себе следующее: исходя из моих принципов и целей, мне нужно максимальное количество разнообразных жизненных впечатлений. Для осуществления этого мне нужен физический труд (желательно в деревне), спорт, дальние поездки по Советскому Союзу, знакомство с жизнью Ленинграда, Москвы, Киева, Одессы, русской деревни,

Средней Азии, Закавказья. Очень хорошо бы когда-нибудь поработать на заводе. Нужно изведать всё. Научиться ездить верхом. Побывать на охоте с Витькой Торопчиным, Стаськой Сущевским или Виленом Лактионовым.

18 окт[ября]. (Воскресенье). Вечер.

Я читал сегодня в библиотеке пьесы Бернарда Шоу, от которых пришёл в дикий восторг. Сильнейшее впечатление на меня произвела его пьеса «Простачок с Нежданных островов». Никогда я не видел, чтобы в такой прелестной, увлекательной и тонкой форме, одновременно драматической и юмористической, излагались такие глубокие мысли. Эта вещь очень изящна и много даёт уму. Глубоко философская, мысль о тщете погони за наслаждениями, о необходимости, о преобладающем значении, продления человечества, продолжения жизни. Бесплодная красота обречена на гибель. Превращаются в ничто сверкающие иллюзии чести, славы, гордости; от них не остаётся даже имени. Имя остаётся только после гибели половой любви; на смену этой половой любви, носящей подчёркнуто чувственный характер, приходит творческая любовь, отрицающая самопожертвование.

По мысли Бернарда Шоу человечество может спасти только творческий труд, неустанное движение вперёд. При этом человеческие желания никогда не осуществляются полностью; полное счастье — тоже иллюзия. Планы людей непрерывно разрушаются жизнью, каждый день — чудо и неожиданность. Нужно каждый день вступать в схватку с жизнью, каждый день перестраиваться для новой атаки, создавать новые планы. Только таков путь победы человека.

«Жизнь никогда не приходит такой, какой мы её ждём».

«Она приходит как тать в ночи».

«Или как возлюбленный».

Жизнь — непрерывная борьба, смена горестей и радостей, поражений и побед.

Кончается пьеса оптимистически: «Да придёт грядущее!»

Сцены Страшного суда неподражаемы. Ничего прекраснее нельзя себе представить. В ангела, слетающего с небес, жители города палят из ружей, и он, став на землю, прежде всего отряхивается: из крыльев сыплются пули и дробь. Раздражённый изумлением встретивших его людей, он говорит им невольно: «Что вы, никогда не видели ангела, что ли? — Ах, да... и в самом деле...» Все эти мелочи создают изумительный по красоте и ярости фон для действия. Пьеса написана в 1936 году. По-моему, после неё мировая драматургия не создала ничего лучше.

Сейчас в мировой драматургии затишье. Всеобщее ослабление т о н у с а наблюдается во всей мировой литературе и искусстве. Причина тому — страшное напряжение, господствующее в мире, разделённом на два враждебных лагеря. Но это положение, при котором людям некогда творить прекрасное ввиду близко грозящей смерти, продлится недолго. США быстро катятся по пути упадка, Советский Союз восходит дорогой расцвета и благополучия. Мы крепнем — они слабеют. Мы пытаемся (и довольно удачно) разрешить внутренние противоречия (маленковская колхозная политика), они обостряют противоречия путём

насилия. Контрреволюция в Иране приближает нашу конечную победу так же, как и пролетаризация фермеров в США.

Затишье в мировой культуре — это разбег перед началом нового гигантского подъёма.

28 окт[ября]. Среда. Я попрежнему хожу на гимнастич[ескую] секцию. Чувствую себя хорошо. В нашей литературе появились отрадные симптомы. В докладе поэта Симонова, играющего сейчас виднейшую роль в нашей литературе, сказано, что, по его мнению, неверно было запрещение переиздавать Ильфа и Петрова (романы о «великом комбинаторе»). Несколько развивается свобода мнений, просят писать смелее. Говорят, вчера передавали концерт знаменитой певицы Руслановой. Она провела лет семь в тюрьме, говорили даже, что она повесилась. Теперь она, вероятно, была амнистирована.

Сейчас я читаю Ветхий Завет (Евангелие прочёл в Ленинграде). Это замечательный историко-литературный памятник. Удивляюсь, почему его не проходят в институте. Наш преподаватель Бараг сказал, что словарь Библии содержит 80.000 слов. Это изумительно! У Шекспира 21.000 слов. Я читаю Библию в немом восторге. Древняя поэзия, дыхание веков, Египет и Передняя Азия, песок пустынь, верблюжьи караваны, битвы пастушеских племён, семитские священные предания, уходящие своими корнями в доисторическую эпоху. Вот я выпишу тридцать третью главу из пятой книги Моисеевой («Второзаконие») в переводе на русский язык, напечатанном в 1879 г. «въ Санктпетербурге, въ синодальной типографіи»:

«1. Вот благословение, которым Моисей, человек Божий, благословил сынов Израилевых пред смертью своею:

2. Он сказал: Господь пришёл от Синая, открылся от Сеира, воссиял от горы Фарана и шёл со тьмами святых; одесную Его огонь закона.

3. Истинно Он любит народ (Свой); все святые его в руке Твоей, и они припали к стопам Твоим, чтобы внимать словам Твоим.

4. Закон дал нам Моисей, наследие обществу Иакова.

5. И он был царь Израиля, когда собирались главы народа вместе с коленами Израилевыми.

6. Да живёт Рувим, и да не умирает, и (Симеон) да не будет малочислен!

7. Но об Иуде сказал сие: услыши, Господи, глас Иуды, и приведи его к народу его; руками своими да защитит он себя, и Ты будь помощником против врагов его.

8. И а Левин сказал: тумлим Твой и урим Твой на святом муже Твоём, которого Ты искусил в Массе, с которым Ты препирался при водах Меривы,

9. Который говорит об отце своём и матери своей: я на них не смотрю, и братьев своих не признаёт, и сыновей своих не знает. Ибо они, Левиты, слова Твои хранят, и завет Твой соблюдают,

10. Учат законом Твоим Иакова, и заповедям Твоим Израиля, возлагают курение пред лице Твое, и всесожжения на жертвенник Твой.

11. Благослови, Господи, силу его, и о деле рук его благоволи, порази чресла восстающих на него и ненавидящих его, чтобы они не могли стоять.

12. О Вениамине сказал: возлюбленный Господом обитает у Него безопасно, (Бог) покровительствует ему всякий день, и он покоится между раменами Его.

13. Об Иосифе сказал: да благословит Господь землю его вожделенными дарами неба, росой и дарами бездны, лежащей внизу,

14. Вожделенными плодами от солнца, и вожделенными произведениями луны,

15. Превосходнейшими произведениями гор древних, и вожделенными дарами холмов вечных,

16. И вожделенными дарами земли, и того, что наполняет её. Благословение Явившегося в терновом кусте да придет на главу Иосифа и на темя наилучшего из братьев своих.

17. Крепость его, как первородного тельца, и роги его, как роги буйвола, ими изободёт он народы, все до пределов земли: это тьмы Ефремовы, это тысячи Макассины.

18. О Завулоне сказал: веселись, Завулон, в путях твоих, и Иссахар, в шатрах твоих.

19. Созывают они, народ на гору, там закаляют законные жертвы, ибо они питаются богатством моря и сокровищами, сокрытыми в песке.

20. О Гаде сказал: благославен распространивший Гада. Он покоится как лев, и сокрушает и мышцу и голову.

21. Он избрал себе начаток земли, там почтён уделом от законодателя, и пришёл с главами народа, и исполнил правду Господа и суды с Израилем.

22. О Дане сказал: Дан молодой лев, который выбегает из Васана.

23. О Нефталимъ <нрзб> сказал: Нефталимъ насыщен благоволением и исполнен благословения Господа; море и юг во владении его.

24. Об Асире сказал: благословен между сынами Асир, он будет любим братьями своими, и окунёт в елей ногу свою.

25. Железо и медь запоры твои; как дни твои, будет умножаться богатство твоё.

26. Нет подобного Богу Израилеву, который по небесам принёсся на помощь тебе, и во славе Своей на облаках.

27. Прибежище (твоё) Бог древний, и (ты) под мышцами вечными. Он прогонит врагов от лица твоего, и скажет: истребляй!

28. Израиль живёт безопасно, один; око Иакова видит пред собою землю обильную хлебом и вином, и небеса его каплют росу.

29. Блажен ты, Израиль! кто подобен тебе, народ хранимый Господом, который есть щит, охраняющий тебя, и меч славы твоей? Враги твои раболепствуют тебе, и ты попираешь выи их».

В библии очень много интересных мест, неожиданных сравнений, хороших оборотов, сильно скомпанованных фраз. Я ещё буду много выписывать из библии.

В Цюрихе первое место занял гроссмейстер Василий Смыслов. В 1954 году он будет играть с Ботвинником. Три последующих места поделили Решевский, Керес и Бронштейн.

6 ноября. Завтра большой праздник. В нашем доме пекут, жарят и варят, разносится сладкий запах каких-то свежеприготовленных лакомств. Солнечный морозный день, стёкла усеяны мелкими ледяными звёздочками и крохотными пересекающимися ветками. Сегодня вечером мы пируем у Али Маслоковой, а с утра на демонстрацию.

Недавно в газетах было интереснейшее заявление, сделанное Паулюсом советскому правительству (в «Правде» № 305, 1 ноября). Паулюс перед своим отъездом из Советского Союза передал это заявление на имя правительства СССР. Заявление датировано 24 октября 1953 года и подписано — «Фридрих Паулюс, генерал-фельдмаршал бывшей германской армии». В заявлении между прочим говорится:

«Командуя германскими войсками в битве под Сталинградом, решившей судьбу моей родины, я до конца познал все ужасы агрессивной войны, которые испытали не только подвергшийся нашему нападению советский народ, но и мои собственные солдаты».

Он решил все свои силы приложить к достижению мирного воссоединения Демократической Германии и дружбы германского народа с советским народом, а также со всеми другими миролюбивыми народами.

«Прежде чем я покину Советский Союз, я хотел бы сказать советским людям, что некогда я пришёл в их страну в слепом послушании как враг, теперь же я покидаю эту страну как её друг». Так кончается заявление Фридриха Паулюса.

Паулюс. Сталинград. Прошло одиннадцать лет с тех пор, как для меня впервые прозвучали эти слова. Сталинградская битва и фельдмаршал Паулюс. Я хочу немного вспомнить то время.

Летом 1942 года гитлеровское командование бросило против Сталинграда шестую армию под командованием фельдмаршала фон-Паулюса, так пишется теперь в школьном учебнике истории.

Я помню только исхудалые хмурые лица взрослых, суровый напряжённый голос диктора Левитана и слово «Сталинград». На улицах Уфы непрерывно слышался мерный грохот солдатских марширующих сапог и раздавались две песни. Одна лихая, с присвистом и вскриком:

«Э-эх! Махорочка, махорка,
Подружились мы с тобой, мы с тобой!
Вдаль глядят дозоры зорко,
Мы готовы в бой —
— Мы готовы в бой!»

Другая песня — тяжёлая, мрачная, грозная:

«Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,

Идёт война народная,
Священная война».

Ритмично гремели кованые солдатские сапоги, и в такт их ударам лужёные солдатские глотки мощно и дружно ревели эту боевую песню. А я, маленький школяр, глупый и жадный как птенец, ходил по улицам, радуясь богатству впечатлений. Я читал тогда запоем Майн-Рида, Жюль Верна, Купера, даже Габорио. Сводки с фронта были для меня не меньше интересны, чем романы, но совсем другого рода интерес был у меня к этим сводкам.

Сталинград обстреливали свыше 1500 орудий; тысячи самолётов засыпали его фугасными и зажигательными бомбами. Город дымился, но Сталинградский тракторный продолжал работу под огнём, производя танки и боеприпасы. После месячных боёв немцы в нескольких местах вышли к Волге, разрезав город на части. Собственно говоря, Сталинград был взят, но не были убиты, не были сломлены его защитники. Сталинград обороняла 62-я армия генерала Чуйкова. На штабных картах диспозиция планировалась не по секторам, не по кварталам, а по домам. Бывало так, что одна сторона улицы была немецкой, а другая — советской. Ночью немцы заводили патефоны и кричали: «Рус, сдавайся!» Ожесточённые враги переругивались через улицу и состязались в грубом солдатском остроумии. Наступало дочерна закопчённое утро, из стен домов прямо на тротуары вываливались под ударами ломов кирпичи с кусками штукатурки; образовывались бойницы, зиявшие, как рваные раны; в бойницы просовывались винтовки, автоматы, миномёты, и ночной разговор продолжался на языке железа: дома стреляли друг в друга.

Когда я в прошлом году ехал в поезде в Ленинград, я видел и говорил с военными, знавшими Якова Павлова. Они говорили: «Простой, обыкновенный парень, совсем молодой, скромный... После войны он приезжал в Сталинград, ему устроили торжественную встречу». В 1942 г. старший сержант Павлов с горсткой своих бойцов защищал занятый им дом в течение месяцев, превратив его в хорошо укреплённый пункт. Этот дом называли «домом Павлова».

В Сталинграде, прямо на улицах, развернулись жестокие танковые бои. В раздавленном и разрушенном городе шла отчаянная борьба. Пользуясь передышкой, которую давало советской армии ожесточённое сопротивление Сталинграда, командование наших войск смогло накопить резервы и разработать план контрнаступления. В то время, как Сталинград истекал кровью, дрался когтями и зубами, Сталин и Верховное командование тайно, постепенно собирало, копило силы, технику, людей, припасы.

В этот период совершилось предательство калмыков. Калмыцкие карательные отряды, как явствует из «Тихого Дона», сыграли большую роль в контрреволюции на Дону и Северном Кавказе. Правительство, не желая обвинять в этом целый народ, создало после образования Союза ССР калмыцкую автономную республику с главным городом Элиста. В 1942 г. совершилось массовое предательство калмыцких частей в боях близ Волги. Калмыки переходили на сторону оккупантов, как называли мы тогда немецкие войска. Но под Сталинградом, в разгар боёв, предатели-калмыки посещали наших военнопленных в распо-

ложении немецких войск, принося им хлеб и др[угое] продовольствие. Они говорили: «У нас один нога немецкий, другой нога советский». Изменяли советской власти целые войсковые формирования узбеков. О них рассказывается такой анекдот. Немец кричит: «Рус, сдавайся!» Узбек выглядывает из окопа: «А узбек можно?» Немец: «Давай, нам всё равно». Узбек: «Тогда погоди, я сейчас за котелком сбегаю».

Все эти многочисленные случаи предательства на Украине, на Волге и в Крыму говорят о том, что вера жителей Союза в конечную победу в какой-то момент очень ослабла. Измена татар, узбеков, калмыков и украинцев вызывалась также и националистическими чувствами: власть Советов отсталые группы населения в национальных республиках воспринимали как власть Москвы, власть ненавистного русского шовинизма (который, кстати, оказался дьявольски живуч). А многим, очень многим показалось, что советская Россия погибла. В какую-то секунду об этом думали все, кроме нас, детей, не понимавших истинных масштабов бедствия.

Но Россия стиснула зубы, и отчаянно дралась, и устояла. Символом этой России, уверовавшей, быть может, наполовину в свою гибель, но не желающей отступить, сделался Сталинград.

Сталинградская операция была проста, очень проста. Неверно было бы называть её чудом стратегии. Главным козырем в нашей игре было то, что немцы не ожидали такого огромного броневое кулака, который Сталинград прятал у себя за спиной.

На рассвете 19 ноября 1942 г., после мощной артподготовки, войска трёх фронтов прорвали оборону противника и перешли в наступление. Фланги врага были разгромлены, и вокруг отборных сил фельдмаршала Паулюса замкнулись огромные клещи.

Я помню, как на углу улиц Карла Маркса и Сталина в нашем городе, на стенах ДКА (дэка — Дом Красной Армии, ныне ДОСА), вывешивались постоянно всё новые и новые плакаты. На одном из них в ту студеную зиму 1942 года я, как сейчас помню, был нарисован пёстрыми красками Адольф Гитлер в ободранном наряде эстрадной певицы, в оципанном женском платочке, с грустной миной. Он пел (как изображала подпись) известную песню: «Потеряла я колечко, а в колечке двадцать две дивизии». И возле него был намалёван на плакате лоскут военной карты, где жирное красное кольцо обводило окружённые войска Паулюса.

Сталинградская операция, благодаря подавляющему превосходству наших сил, была проведена, но ещё не вполне. В то время, как сатирический плакат висел на нашем ДКА, войска Паулюса ещё существовали как грозная боевая сила. Немцы строили планы прорыва окружения. Доктор Геббельс говорил по радио, что Паулюс не сдаётся, что он носит при себе два револьвера и банку с ядом, что фельдмаршал Паулюс предпочитает смерть плену.

Попытки немцев разомкнуть клещи не удалось. К началу февраля 1943 г. две немецкие армии, насчитывавшие 330.000 человек, перестали существовать. Около трети этих сил во главе с Паулюсом было взято в плен. Сталинград замечателен своей грандиозностью. По докладу Сталина от 6 ноября 1943 года на поле Сталинградской битвы было подобра-

но и похоронено 46.700 советских солдат и офицеров, 147.200 немецких солдат и офицеров. Немцев было убито на 100.000 больше. Перед этими цифрами меркнет воспоминание о Лейпцигской битве народов и о Вердене. Гитлер объявил в Германии трёхдневный траур по «героям Сталинграда».

Сталинград был великой славой для России.

Война окончилась. Фельдмаршал Паулюс, рассказывают, читал лекции по стратегии в военной академии в Москве. Уничтоженный Сталинград воскрес из пепла. Он весь застроен новыми домами, но местами в нём тщательно огорожены и сохраняются исторические развалины — память битвы. В подвале Сталинградского универмага сохранён неприкосновенно штаб фельдмаршала Паулюса, с мебелью и телефонами.

В 1951 году Россию посетила французская писательница Сим Тери, вдова одного из героев Сопротивления. Возвратясь на родину, она издала книгу «Une française en Union Soviétique» (Editions Sociales, Paris, 1952), где описывает своё путешествие по России, начатое в Москве и законченное в Сталинграде. Вот что она пишет:

«Друзья мои, как можете вы мне поверить, если я сама не верила своим глазам? Не трагический Сталинград предстал предо мной, а город мечты. И мечта эта не развеялась, когда мы вступили в неё: это был волшебный, сияющий под лазурно-голубым небосводом город, какого я ещё никогда не видела, — город белых дворцов. Пр виде этого Сталинграда — нашего Сталинграда тысяч человеческих жертв — я не могла совладать с собой, я заплакала. Слезами радости».

Таков сегодняшний день. Жив город, живы люди, но как всё изменилось! Фельдмаршал Паулюс едет в Германию, остаётся в её восточной половине и, может быть, возглавит позже армию ГДР, создаваемую в противовес аденауэровскому вермахту. А генерал Эйзенауэр, подписавший вместе с виконтом Монтгомери, Делатром де Тассиньи и нашим Жуковым Декларацию о победе над Германией, стоит во главе враждебного нам государства. Вчерашние враги стали нашими друзьями, а недавние друзья грозят нам оружием. Китай, в те дни совершенно исключённый из большой политики.

Пройдёт ещё десять лет, и народы Китая и России будут вершить судьбы мира. Поднимается могучий арьергард XX века: Индия, Иран, Япония, Индонезия, чёрная Африка и Латинская Америка. Наше столетие назовут веком социалистических и демократических революций.

7 ноября. День праздника.

Ночь я провёл у Ани Маслокуовой, было семеро девушек и пятеро ребят. Ничего особенного. Потом с утра пошёл на демонстрацию. Стоит сильный мороз. Толпы демонстрантов, стоявших на улицах города, по русскому обычаю согревались плясками и водкой. Молодёжь прибегла ко всем видам игр с толканием и прыжками, вплоть до каравая. Мы с Юркой Поройковым усиленно толкали сперва друг друга (вернее, он меня), потом — других.

Сейчас передавали по радио большой праздничный концерт. В нём я впервые после долгого перерыва услышал замечательное пение народной артистки Руслановой. Лидия

Андреевна Русланова, та самая, которая повесилась на собственном чулке или на резинках, не знаю точно. С нею была очень грязная история в 1945 или 1946 году. Говорят, что она была замужем за генералом и вывозила из Германии вагонами награбленное, даже драгоценности.

Накануне праздника я прочёл «Пер Гюнт» Ибсена. Трудновато читать, т.к. у Ибсена я совершенно не улавливаю внутренней логики действия и каждый акт представляется полнейшей неожиданностью. Но «Пер Гюнт» написан очень сильно, есть замечательные места; идея, выраженная в финале, производит сильное, хотя несколько неприятное впечатление. Ибсен — чистейший идеалист. Эту пьесу (Ибсен называет её «драматической поэмой», т.к. сначала она не предназначалась для постановки) я воспринял почти как личное предупреждение себе. Очень верная мысль: быть довольным самим собой противно человеческой природе¹, это низводит человека до уровня тролля, иными словами, превращает его в животное. «Пер Гюнт» имеет огромное воспитательное значение и по сей день.

Как художник Ибсен несомненно высок, хотя его мастерство носит крайне резкую печать скандинавского своеобразия, причём своеобразия, противопоставляемого общему, человеческому, общим принципам мирового искусства. Местами новаторство Ибсена не оправдано.

12 ноября. Натёр кровавые мозоли на высокой перекладине. Слишком нежные ручки, надо быть мужчиной, *il faut etre un homme*.

В праздники передавали по радио концерт, в котором впервые после длительного запрета исполнялись современные джазовые танцы, *syncopated music*. С каким торжеством в голосе Утёсов объявил: «Танго!» Танго и фокстрот — наиболее популярные в городах танцы, официальное запрещение носит лицемерный характер. Впрочем, за этот год много изменилось: в Москве, говорят, разрешили фокс и танго на танцплощадках. Бороться с буржуазной идеологией и культурой нужно какими угодно методами, кроме административных. В том же концерте передавали два фокстрота Цфасмана. Цфасман хитрым голосом объявил, что сыграет два своих новых «танца». Один называется «Ожидание», другой просто — «быстрый танец».

В числе приветственных телеграмм, поступивших на имя Ворошилова, была телеграмма от Иосипа Броз-Тито. Она помещена в газете «Правда». Незадолго до этого (летом) в газете объявлялось, что чрезвычайный и полномочный посол в Югославию. Кажется, связь с Югославией понемногу восстанавливается. Это было бы очень хорошо. Ходят слухи, что наши разногласия с Тито не носили глубоко принципиального характера. Я давно испытывал удивление, слыша, как наша послушная пресса мгновенно перекрасила югославских коммунистов в фашистов. Большое удивление и негодование вызывали во мне позывные Белграда, когда радиоприёмник доносил музыкальную фразу, воспроизводящую первую строку «Интернационала». В Организации Объединённых Наций югославский представитель неизменно голосовал за предложения коммунистического блока. Но самым знаменатель-

¹Ибсен воплощает идею о нечеловечности самодовольства в образе поедания троллями своих собственных экскрементов

ным фактом является то, что в разгорающемся конфликте в свободной территории Триест английские и американские военные части нарушают нейтралитет в пользу Италии.

События покажут, является ли правительство Тито действительно прогрессивным или это перерожденцы, контрреволюционеры.

Сегодня я смотрел итальянский кинофильм «Нет мира под оливами». Это очень сильный кинофильм в итальянском демократическом стиле. Реализм граничит с натурализмом, но есть места изумительной силы. Я вижу дикую Италию, реальных итальянцев; это не роман, не блестящая новелла из жизни Неаполя, Рима или Венеции. Я вижу живых итальянских мужиков, грубых, страстных, порою жестоких, но всегда руководящихся всемогущим человеческим стремлением к жизни, всегда борющихся под гнётом нужды, их гнев, их месть, их любовь, их религию, их народную мудрость и весь их суровый горный быт. Замечательно играют главные актёры: Раф Валлоне (в роле крестьянина Франческо) и Лючия Бозе (в роли Лючии). Лючия изумительно танцует народный итальянский танец. Чтобы посмотреть на её колени, я, вероятно, ещё раз схожу на этот фильм. Вообще итальянские фильмы — лучшие в мире, если не считать «Огней рампы», выпущенных год назад прославленным Чарли Чаплиным. В «Огнях рампы» Чаплин совмещает в себе сценариста, режиссёра, композитора и главного актёра (роль Кальверо). С ним играет известный английский комик Бестер Китон. Балерина Тэрри заболевает и теряет надежды, отчаивается, задумывает самоубийство. Старый Кальверо укрепляет её дух, вселяет в неё веру, утверждает, что она будет не только ходить, но и танцевать. Кальверо сам освистан и отвергнут публикой, но он живёт и борется: он спасает Тэрри. Благодарная девушка, выступающая теперь с громким успехом, устраивает выступление и своему другу Кальверо. Подкупленный ею зал рукоплещет Кальверо, и он, не в силах перенести счастье неожиданного огромного успеха, умирает за кулисами, глядя, глядя, как танцует Терри. Фильм, вероятно, замечательный; очень жаль, что наши не пропускают его. Роль Невилля, возлюбленного Тэрри, играет Сидней Чаплин, сын Чарли Чаплина.

Жизнь, как всегда, становится лучше. Девушки становятся красивее, и розы лучше пахнут. Вырастает новое поколение гениев и талантов, наше поколение. Прошло 10 лет после жесточайших битв войны, и скоро земля расцветёт новым цветом.

Войны ещё будут, но немного. Человечество слишком быстро шагает вперёд. Войны и классы мешают производству.

13 ноября. Сейчас я прочитал пьесу Ростана «Принцесса Грёза» и героическую комедию «Сирано де Бержерак (Поэт)». Художественная форма этих произведений высока, хотя и чужда нашей обстановке. «Принцесса Грёза» мне не понравилась, но «Сирано де Бержерак» очень силён. В одном месте (кажется, в последней сцене последнего акта) я почувствовал, что слёзы подступают к горлу. Даль было этого славного малого, Сирано. Великолепно написаны гасконские гвардейцы, все до одного бароны, все бреттёры, фанфароны, храбрецы и весельчаки.

«Дорогу, дорогу, гасконцам!

Мы юга родного сыны, —
Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены!»

Замечательный тип вельможи — граф де Гиш (позже ставший герцогом де Граммоном). Интересно было бы сравнить его с де Гишем у Дюма. Очень симпатичен Рагко, типичный французский персонаж. Роксана мне представляется гораздо слабее. . .

Сегодня я взял газету и на четвёртой полосе увидел нечто, от чего у меня глаза полезли на лоб. «Париж, 9 ноября. (ТАСС). Как сообщает агентство Франс Пресс, вчера в Париже в возрасте 83 лет скончался писатель Иван Бунин». Бог мой! Да разве он не умер двадцать лет назад? Жалкое племя русских белоэмигрантов! Они умирают прежде смерти, они все трупы, западноевропейские или американские русские.)

Но всё это нам так не нужно — Ростан, Мирбо, Бальмонт, Бунин, Брюсов, символисты, декаденты, эстеты всех цветов радуги. Они не умели жить и бороться. У них иной раз можно поучиться форме, стиху, они, выражаясь фигурально, могут научить хорошей дикции, но не могут правильно поставить голос. Они учат произносить звук, но не у них учиться петь.

11 декабря. Небольшой мороз. Зима в разгаре. День очень короткий, я почти не вижу дня. Утром я иду в институт при свете луны и звёзд; лишь на второй паре в окна аудитории заглядывает болезненный красноватый день. Из института я иду в столовую, пообедав, направляюсь домой — и солнце уже над горизонтом. Сейчас 5.20 вечера, а за окном густые лиловые сумерки, я включил электричество. . .

Я давно не открывал эту тетрадку. За это время случилась куча всяких событий. В Америке очень много забастовок. В Западной Европе политический барометр изменяется в нашу пользу. США испортили отношения с Индией. В Иране окончательно укрепилась самая свирепая реакция.

Последняя новинка, в которой много интересного, — совещание на Бермудских островах.

4 декабря в 20 часов по Гринвичу на Бермудских островах открылось совещание глав правительств США, Англии и Франции. Президент Эйзенхауэр встретился здесь с премьер-министром Уинстоном Черчиллем и премьер-министром Ланьелем. Честь делегации Ланьеля была задета тем, что Ланьель во время парадного проезда на автомобилях ехал позади Идена и Даллеса. Французы также недоумевают, почему в момент прибытия Ланьеля оркестр уэльских стрелков не исполнил «Марсельезы», тогда как в честь прибытия Эйзенхауэра был исполнен американский национальный гимн.

Ланьель, не знающий английского языка, не выступал на первом заседании, предоставив говорить своему министру иностранных дел Жоржу Бидо. 5 декабря Ланьель отсутствовал на совещании вместо себя прислал Бидо, что привлекло всеобщее внимание. «За пределами зала заседания, — писал корреспондент Associated Press, — распространился слух, что Ланьель стремится отмежеваться от внутривнутриполитической битвы по вопросу о европейской армии, т.к. он надеется быть избранным президентом Франции». Днём 5 дек[абря]

Ланьель позировал фотографам и вместе с двумя помощниками прогуливался вокруг «Мидошн клуб» (здание, где происходит совещание). Болезнь Ланьеля, по всей вероятности, была «дипломатической».

На совещании вскрылись серьёзные разногласия между Америкой и её партнёрами. Странные вещи происходили у французов. Английский журналист Брэндон 6 декабря сообщил: «Положение французов весьма запутанное. Ланьель и Бидо не разговаривают между собой». 6 декабря Ланьель не был на заседании. По вопросам Азии проявились крупные разногласия. Черчилль информировал Эйзенхауэра о том, что Англия рассматривает торговлю с Россией и Китаем, как жизненно важную для благосостояния англичан.

8 декабря бермудское совещание закончилось.

Что же произошло с 4 по 8 декабря в фешенебельном отеле «Мидошн», окружённом колючей проволокой и охраняемом батальоном уэльских стрелков, на Бермудах, номинально остающихся под властью британской короны, но являющихся модным курортом американских миллиардеров?

Американские газеты печатают сообщения о совещании голубой и розовой краской: они изображают дело так, словно за столом конференции царило трогательное единодушие. Действительность очень далека от этой идиллии. Американцы оказывали на французов грубый нажим. «Французы покинули конференцию мрачными и расстроенными». (Англ[ийская] газета «Дейли экспресс»). В этом нажиме американскому брату Джонатану помог старый Джон Буль, но его собственные отношения с Джонатаном тоже не отличались гармоничностью. В кругах Сити в Лондоне высказывают недовольство тем, что делегация Англии оказалась не в состоянии добиться ослабления запрета, наложенного по требованию США на торговлю с Китаем.

8 декабря во второй половине дня Эйзенхауэр выступил на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций с атомной речью.

Я живу сейчас известиями о международных делах, книгами и гимнастикой. Больше ничего существенного не делаю (хоть скоро зимняя сессия).

Прочёл Достоевского «Униженные и оскорблённые» и «Вечный муж». Два замечательных произведения. Видел кинофильм «Васса Железнова». Краски плоховаты, но игра выше всяких похвал. По-моему, неоспоримо, что русский театр — первый в мире. Вассу Железнову играет Вера Пашенная; очень хорош Жаров в роли её брата, замечательно играют две девушки — дочери Вассы, невозможно сказать, какая из них лучше играет. Образ Рашели (революционерка Рахиль Моисеевна Тапас, так, по-моему) был плох и в тексте Горького, сделать лучше его не удалось. Финал фильма — совершенно независимая заслуга режиссёров и сценариста, у Горького нет этого: после тяжёлой и гнусной сцены драки и хищений над трупом Вассы вдруг мгновенно меняется кадр. Вспыхивает раннее утро на Волге. На фоне занимающейся зари, пересекая кадр по диагонали, поднимаются по сходням согбенные фигуры грузчиков с тяжёлыми тюками и непрерывно гремит могучая «Дубинушка». Контраст

так благотворно и резко действует на измотанные предыдущей гнусностью нервы, что от восторга и жути волосы встают на голове. И голос, похожий на шалашинский, поёт:

«Но настанет пора, и проснётся народ,
Разогнёт он могучую спину,
И на бар, на бояр и на прочих господ
Он отыщет покрепче дубину.

Хор:

Эх, дубинушка, ухнем!» и т.д.

Сейчас я читаю Шекспира (и о Шекспире — очень хорошие статьи советского шекспироведа Аксёнова, умершего в 1934 году).

Но мне пора идти в институт. Сегодня на объединённом заседании литературоведческого и творческого кружков Костя Панков из нашего кружка, страстный поклонник Сергея Смирнова, прочтёт доклад о творчестве этого поэта.

14 декабря. Умерла Мария Фёдоровна Андреева, жена Горького. В 1894 -1898 г. она участвовала в студенческих марксистских кружках, с 1901 г. поддерживала тесную связь с Московской организацией РСДРП. В период с 1898 по 1905 год была актрисой Московского художественного театра, после образования большевистской партии выполняла различные партийные поручения, в 1904 г. вступила в РСДРП. Будучи одной из ведущих актрис художественного театра, она приняла деятельное участие в декабрьском вооружённом восстании в Москве и эмигрировала вместе с Горьким. В Америке с ними произошёл знаменитый скандал, когда ни в одном отеле не соглашались принять Горького и его «незаконную» жену. Андреева была одним из издателей большевистской газеты «Новая жизнь». В эмиграции она свыше шести лет помогала Горькому в качестве переводчика и секретаря.

После революции она продолжала активную общественную работу, была одним из инициаторов создания в 1918 г. в Петрограде Большого Драматического театра. Семнадцать лет была бессменным директором Дома учёных в Москве, была награждена двумя орденами, не считая медалей. Она умерла 8 декабря. Гроб с телом был установлен в Московском доме учёных (ул. Кропоткина, 16); похоронили 11 дек[абря] на Ново-Девичьем кладбище.

Мама рассказывала мне когда-то, что окружавшие Горького не любили Андрееву, что гораздо большими их симпатиями пользовалась его первая жена, Пешкова.

Из жизни Горького можно сделать огромный и великолепный роман, где, впрочем, далеко не все страницы будут отмечены печатью хвалы и любви. Максим Горький был прекрасный человек, но он был человек. Человеку свойственно ошибаться. В его гуманизме порою звучали слезливые ноты. Он слишком любил гладить по головке различных писателей, стараясь сгрудить их вокруг советской власти. Это он приласкал бездарного факира Всеволода Иванова; это он рыдал над стихами Сергея Есенина и неумеренно восхищался внешней красотой пустого творчества Александра Грина. Впрочем, язык Грина действительно «золотой и весёлый», а стихи Сергея Есенина способны вызвать слёзы убийцы,

не только великого человеколюбца. Но Горький, например, положительно оценивал книги Зоценко. Михаил Зоценко был очень талантлив, но бичуя наши пороки, он преувеличивал пошлость расейской жизни 20-х годов, утрировал до невероятно диких размеров. Горький защищал «Мощи» Калининкова, эротический роман из жизни монахов, который резко громил Маяковский. Горький однобоко оценил в одном из писем поэму Маяковского «Хорошо!» На страницах журнала «Новый Леф», редактором которого был Маяковский, дана ошибочная оценка «Жизни Клим Самгина». Я со своей стороны, скажу, что оба правы: цветущая жизнерадостностью поэма «Хорошо!» написана крайне примитивно, а умный, исторически-ценный роман о мещанине невероятно скучен и мало оживлён даже эротическими моментами, которые Горький применяет именно для вспыскивания атмосферы (у Золя эротизм, биологизм — метод). Кстати, о «Хорошо!» — Маяковский проявил огромную непоследовательность, написав эту поэму и «к Есенину», а затем покончив с собою. Я бы так не поступил.

У меня приближается экзаменационная сессия.

26 декабря. Берия расстрелян вместе со своими сотрудниками. Список инкриминируемых ему преступлений немножко отдаёт детективным романом, но для меня ясно одно: он вполне заслужил свою пулю. В 1793-ем году каждому контрреволюционеру пришивали ярлык: «un complice de Pitt et Cobourg». Это производило впечатление глупое и особенно раздражающее, когда агент Сент-Джемского кабинета был какой-нибудь толстопузый буржуа, тем или иным образом связанный со старым режимом, но в жизни не слыхавший ни о какой Англии или Австрии. Нет, конечно, страна кишела шпионами, это верно, было тут и английское и немецкое и кайзерово золото, но всё это было не так! Смешно, когда жирондисты и монтаньяры обзывали друг друга изменниками и агентами Кобурга. Но это было необходимо, чтобы дать народному мнению какие-то реальные основания для подозрения и ненависти: «золотая цепь между Лондоном и Парижем» — это так весомо, материально. На Берия навешали всех собак, не поймёшь, где кончается правда и где начинается «complice de Pitt et Cobourg». Обыкновенный политический карьерист, хитрый приспособленец, льстец и паразит за столом у Сталина, грязная и неприятная фигура, опошленный Дантон в миниатюре, вдобавок Дантон не к месту — вот что за тип Берия. Расстрелять его, гильотинировать, утопить, mitrailler! Но к чему всё это нагромождение искусно домысленных злодеяний? К чему эта мешанина из служебных злоупотреблений и личных пороков («аморальный образ жизни»? Не стоило терять время на его «дело»! Народу нет никакого дела до мелких политических шулеров типа Берия.

Во Франции наконец-то избрали президента. В Версале в тринадцатом туре голосования независимый республиканец Рене Коти собрал нужное число голосов. Его отношение к европейской армии никому неизвестно: французский парламент, как говорят в Америке, ставил на серую лошадку.

Из дневника 1954 года

Р. Г. Назиров

8 января 1954.

Новый год я встретил гнусно: нарезался, наблевал на лестнице у Гебы, спал под столом. Хуже всего, что в весёлой компании была девушка, которая живёт в нашем дворе. Саша Руденко, тоже сильно хлебнувший водки и вина, чуть не плакал, потому что тоже был болен и вдобавок очень расстроен: он летом 1953 г. влюбился в красивую девушку, Римму Нефёдову, и у них что-то получалось, но как-то, оставшись с ним наедине, показала ему паспорт и призналась, что «расписана», т.е. вышла замуж; муж её был какой-то моряк, и она вступила в брак сгоряча, не подумавши; теперь она раздумала и не хотела практически осуществлять брак (она была ещё девушкой, её жених, выйдя из загса, уехал), но «муж» ей писал, родители жестоко влияли на неё, стараясь «выбить блажь» из её головы, насильно принуждали жить с мужем. Она долго противилась, но муж опять приехал в Уфу. Она прямо обратилась за советом к Сашке, но он, мальчик, ответил ей нечто вроде «делай, как знаешь». Вскоре была отпразднована свадьба, муж увёз её в другой город, и вот, недавно (впрочем, это уже в прошлом году) она умерла. Саша очень убивался, и мы трое выпили в память её бокал вина (я, Саша и Лёвка Митюгов). Другие не стали пить с нами, посмеялись, и Саша обложил их нецензурными словами, чего, правда, почти никто не услышал. На этой вечеринке у Геры мы танцевали под музыку танго «Барселона». Лещенко замечательно поёт это танго:

«В Испании родной, когда утихнет зной. . . »

и потом чудесный переход:

«Ночь наступает, всё затихает: выйди, побудь со мной».

Следует припев, который я по сей день не устаю напевать:

«Спустился вечер, и Барселона [в лиловый сумрак оделась вновь].

Приди скорее, сойди с балкона, моя красотка, моя любовь!

Звук серенады тебя разбудит, [пусть твоё сердце затронет он],

с тобою вместе нам так сладко будет! Приди скорее, я так влюблён!»¹

Мне рассказали, что Лещенко был капитаном артиллерии в белой армии. — На другой стороне той же пластинки у Гебы романс «Снилось мне», тоже Лещенко.

¹Строчки, недостающие в моей памяти, я сочинил сам.

«Снилось мне твоё личико смуглое, и на сердце так было легко»,

а кончается так:

«Не обманешь ты сердце усталое, ведь я знаю — это было во сне».

В декабре и начале января я часто посещал читалку на углу улиц Ленина и Пушкина, брал главным образом одну и ту же книжку Шарля Бодлера, «Цветы зла» в переводе Якубовича-Мельшина. Если не ошибаюсь, книжка издана в период идейного маразма русской интеллигенции после 1905 года. Шарль Бодлер был сильный и независимый поэт, у него много смелости и горечи, но также встречаются мотивы разочарования, пресыщения и скуки (spleen). В одном стихотворении он воспеваает падаль, пожираемую червями, в другом, обращаясь к не любящей его девушке, рисует её картину ожидающей её смерти и могильных червей. Экзотические сцены, восточные образы, азиатские женщины (стихотворение к «Малабарке») занимают большое место. Поэзия Бодлера — начало упадка, но всё же его творчество, в отличие от творчества его последователей-декадентов, представляет реальную ценность.

Кроме того, я взял в читалке «Сон в летнюю ночь» Шекспира и «Зимнюю сказку». Читая «Сон в летнюю ночь», я расхохотался на весь читальный зал (в том месте, где Шекспир, пародируя предшествовавшую драматургию, изображает трагедию «Пирам и Фисба» в постановке афинских ремесленников). Чудесная штука: Афинский герцог Тезей и его Ипполита, эльфы в лесу, Оберон, царь духов, поссорившийся со своей женой Титанией, проказник Пэк, ткач Основа с ослиной головой — целая алмазная россыпь.

Сегодня же я читал в библиотеке Роже Мартена дю Гара, автора «Les Thibault». Помоему, Михаил Александрович Шолохов, John Galsworthy и Roger Martin du Gard — три величайших романиста XX века. Сначала я прочёл «Старую Францию», которая в руках Мартен дю Гара кажется крохотным этюдом (напиши я сейчас нечто подобное по силе, я бы сразу прославился на весь Союз). «Старая Франция» послужила для возбуждения аппетита, Vorschmack, как говорят немцы. Потом я взял том II-й русского перевода «Les Thibault» и прочёл в нём четвёртую и пятую часть эпопеи: «День врача» и «Сестрёнка». «Смерть отца» я уже не стал читать: голова раскалилась от возбуждения.

Прочту послезавтра (завтра суббота, библиотека не работает).

Вчера я сдал на отлично первый экзамен (введение в литературоведение).

Зима в этом году очень красивая. Особенно красиво было в начале декабря: иней, иней, а снега нет. Теперь стоят светлые морозные дни. Очень холодно.

В партийных кругах в декабре зачитывалось полностью решение коллегии Верховного суда по делу Берия. Там делается упор на его гнусный моральный облик; говорят, что он растлевал малолетних (школьницы и т.п.). Это не оглашается, что совершенно правильно.

Совсем забыл: накануне нового года «меня бес толкнул в ребро», и я ни с того, ни с сего послал поздравительную телеграмму в Москву, Эльвире. Кроме того, уже в этом году

я послал в «Литературную газету» очень резкое письмо по поводу отвратительного романа Ф. Панфёрова «Волга — матушка река». А сегодня в читалке мне пришла в голову мысль: написать письмо — «France, Paris, Roger Martin du Gard». Какой-то честолюбивый зуд, властное желание заявить о себе миру. Не надо так спешить с этим. . .

Между прочим, в нашей группе есть очень славная и очень милая толстуха — Рита Путинихина. Она мне адски нравится.

В Гастингсе международный турнир. Бронштейн лидирует, Толуш тоже понемногу «даёт стране угля» (странное студенческое выражение, произведённое от русского энергического глагола дать, поддать: даёт жару, даёт жизни, даёт прикурить; даёт стране угля — т.е. делает что-то сильное).

13 января 1954. Вчера сдал на «отлично» русское народное творчество.

Зима в этом году красивая и страшная. В Уфе довольно долго стоят сильные морозы. Густой пушистый иней день за днём покрывает деревья белым покровом; провода превратились в толстые белые канаты, ветви деревьев от инея и мороза не выдерживают, гнутся книзу; деревья стоят поникшие, с тяжело обвисшими ветвями; акации, не выдерживая тяжести, валяются на ограды. В Европе небывалая зима, бури и снегопады. В Югославии и Италии зима превратилась в настоящее бедствие: в Югославии был парализован транспорт, непрерывный снегопад прервал радиотелефонную связь Белграда со многими городами Европы; в Италии в одной области (кажется, в Аbruццах) глубина снега достигла 3-х метров, какая-то деревня была отрезана от внешнего мира в продолжении недели. В Швеции тоже страшная снежная буря. Сильные холода в Москве, а в Ленинграде всё время тёплая хорошая погода.

В Республиканской библиотеке я дочитал второй том русского перевода «des Thibault», именно «La mort de père». В продолжении чтения я делал кой-какие выписки: эта книга меня очень волнует. Эти листки я прилагаю сюда, к этой странице.

Прочёл недавно «Историю тринадцать». «Златоокая девушка» — очень интересная вещь, хотя, по существу, это не настоящий Бальзак. «История тринадцати» и особенно «Златоокая девушка» — это Бальзак + Радклиф + маркиз де Сад. . .

Но мне не хочется писать о моих книгах, о моих скучных увлечениях. Я думаю о любви, т.е. фактически об Эльвире Берлявской. Она в Москве, и с нею лихие московские хлопцы.

Турнир в Гастингсе кончился. Бронштейн поделил первое место с Александером, Толуш осрамился. Весной играется матч Ботвинник — Смыслов. Сейчас чемпионат Союза.

22 января. (Пятница).

Вчера я сдал последний экзамен. Все четыре — на «отлично». С февраля начну получать повышенную стипендию.

В читалке я прочёл пошлый старый роман Виктора Маргерита «Вавилон». Взгляды автора можно определить как бульварно-социалистические с анархистским уклоном, но с симпатиями к Советскому Союзу. Изображается Лига наций, конференция по разоружению, на которой с суровыми и загадочными лицами сидят Литвинов и Луначарский. Всё это уже

покрылось холодным пеплом истории. Живы ещё люди, слышавшие блестящие лекции-импровизации Анатолия Васильевича, но уже создаются легенды, уже это ушло, и красивый седогривый нарком давно умер. Кто-то говорил мне, что знаменитая киноактриса Малиновская сожительствовала с ним — та самая Малиновская, сказочная красавица из фильмов «Станционный смотритель» и «Lokis» (по новеллам Пушкина и Мериме), которая бежала за границу в самый разгар карьеры, она и её постоянный кинопартнёр. Им захотелось блеска, богатства, европейской славы; позже они приходили в советское посольство и просились в Россию, обратно, домой. Это время, вчерашний день истории, двадцатые годы, эпоха моего рождения, молодость моей матери очень привлекает мою мысль. . .

Заметки к второму тому русского перевода «des Thibault», именно «La mort de père»

Мартен дю Гар, «Vieille France». Интересное выражение: «крушение русских бумаг». Так Франция восприняла революцию 1917 г. Для них это была биржевая катастрофа, разорившая множество мелких вкладчиков и надолго утвердившая в сердцах буржуа ненависть к советской России. Маяковский написал стихотворение по поводу поднятия в Париже советского флага над посольством, или консульством, или как там ещё это называлось: собралась толпа любопытных, которые оглушительно свистели и улюлюкали.

Мартен дю Гар, «La consultation» (четвёртая часть «Les Thibault»). Замечательно раскрывает душевный мир Антуана Тибо через его отношение к людям, с которыми он сталкивается в процессе труда. Реализм Мартена дю Гар местами поднимается до гигантских вершин. Антуан — врач, и его пациенты принадлежат к самым различным слоям общества. Два чудесных мальчика-сироты, по фамилии Боннар; доктор Эке с беременной женой и умирающей дочерью; две мерзкие фигуры светских женщин — развратная красавица мадам де Батенкур и синеглазая англичанка, мисс Мери, гувернантка Гюетты. Это очень яркая пара: мадам де Батенкур постепенно бросила свой прежний «нормальный» разврат, чтобы предаваться лесбосскому пороку; её любовница, мисс Мери. . .

Пятая часть «Les Thibault» называется «La sorellina» (сестрёнка).

Часть шестая «La mort du père». Жак.

«Какая горечь — чувствовать себя таким старым, изношенным, грязным!»

«Он всегда торопился поддаться своим искушениям, чтобы как можно скорее освободиться от них».

Последний абзац IX главы, часть 6-я. О, сила!

«Отец нашёл в вере бесподобную поддержку. Благодаря ей он никогда не знал того, что мешает делу: угрызений совести, обострённого чувства ответственности, сомнений в себе и тому подобное. Человек верующий просто действует».

Хорошо, но ведь непрерывно действовать — не значит идти всегда путями истины.

«Можно даже сказать, что он поработил своё сознание. Со школьных лет он решительно отказался от исканий самого себя, от свободного мышления, открытий, познания. Он знал лишь одно: идти вперёд по одной колее».

Но мне стыдно писать о своих личных увлечениях, когда вся Уфа охвачена одним ужасом. Вчера или позавчера догорел грандиозный нефтяной пожар в Черниковске. Прошлый был почти ровно год назад.

В этот раз пожар был ещё сильнее. В Уфе было видно со стороны Черниковска огромное зарево и в нём отдельные вспышки. Это рвались цистерны. . . Жертв множество, слухи самые панические: нето 400, нето 500. Говорят, вывозили детей в Уфу. В самом Черниковске все клубы забиты погорельцами. Как глупо строят в Черниковске! Не считая двух цехов крекинг-завода, уничтоженных в первую очередь, пострадали окружающие строения, сгорел при взрыве детский сад. Это страшно. Число жертв никто не знает, множество семей в Черниковске оплакивают своих кормильцев, не вернувшихся с работы. Рабочие проявили свойственный им деловой героизм, проявляющийся в самые страшные моменты рабочей жизни (будь то война, революция или производственная катастрофа). Рабочие своей находчивостью спасли крекинг-завод и Черниковск. Но убытки гигантские, 30.000 тонн горячей нефти были отведены в реку Белую. Пожар гасили, вероятно, с самолётов, бомбами с углекислым газом.

Рассказывают, что когда из Уфы на место бедствия примчались «люди из министерства», то секретарь Черниковского горкома КПСС резко остановил их: «Не нервнируйте людей, уйдите. Потушим пожар, тогда и берите, кого нужно. А сейчас оставьте в покое». По Уфе распространилось всеобщее убеждение о вредительстве, об чьём-то злом умысле. Усматривают мистическую связь между прошлым и нынешним пожаром: почти ровно через год.

Техническая комиссия, созданная из специалистов, точно установила причины взрыва. В цеху находился сосуд (цилиндр, цистерна, словом, некое вместилище) с бутаном. Он устроен таким образом, что если в сосуде накапливается, против обыкновения, по чьёму-то недосмотру, слишком много бутана, вентиль при давлении выше двенадцати атмосфер автоматически открывается и выпускает бутан, пока не восстановится нормальное давление. Все, кому случается идти мимо Аварийного посёлка, ощущают вонь от насыщающего воздух бутана. На этот раз случилось, что вентиль почему-то заело, и бак, не выдержав давления, лопнул.

Бутан потёк понизу; в цеху работали форсунки. Произошёл страшный взрыв. Первыми жертвами были две смены рабочих, т.к. взрыв произошёл в момент передачи работы. Начался пожар, и вместе с ним началась битва человека с освободившейся стихией. Зверь вырвался из клетки. Эти два дня могли быть содержанием великой поэмы. Меня там не было, и эпопея прошла мимо меня. Не так ли и вся жизнь проходит мимо меня?

Сегодня я отправился к Женьке Иванову. Он приехал на каникулы из МЭИ. Видел там Эльвиру и Ивана Новикова. Иван всё где-то устраивается, ловчится, но его что-то не хотят взять, видимо, из-за того, что он когда-то побывал в психиатрической лечебнице.

Мы с Женькой пошли к его товарищу Дьячку и отпраздновали каникулы небольшим возлиянием Бахусу. Там я услышал популярные в Ленинграде припевки на мотив «Горят костры далёкие» и на тему о Берии:

«Растёт в Тбилиси алыча
Не для Лаврентья Павлыча,
А для Климент-Ефремыча
И Вячеслав-Михайлыча».

«Нас в коммунизм без лишних слов
Ведёт Георгий Маленков,
А проститутка Берия
Не оправдал доверия!»

Тема Берии занимает все умы. Вероятно, в своё время такое же впечатление наделал Евно Азеф. Но то было сильнее — провокатор, сказочная сволочь, Берия больше занимался московскими гимназисточками. Однако, Берия чуть не захватил власть. Какой негодяй! Хотел прыгнуть в бонапарты, овладеть Союзом путём дворцового переворота. Сусоронь! Не на таковских нарвался!

Я много читаю.

Кроме «Вавилона» я прочёл два растленных французских романа разных периодов — «Себастьян Рок» Октава Мирбо и «Путешествие на край ночи» Луи Селина. Первый производит довольно сильное впечатление. Кстати, он наводит на мысль, что автор сам когда-то претерпел изнасилование и все прочие вещи, что там описываются. Луи Селин — чудовищная гниль, циничное фильтрование блевотины, дерьма, спермы и гноя. Вместе с тем попадаются замечательно талантливые строки. Сцены американской жизни уничтожающе реалистичны. Иногда, когда в авторе заговаривает чисто сексуальная нежность, он удивительно пишет о женщинах — ласково и цинично, но без всякого желания оскорбить, en bon bougre, а порою даже хорошо (американская проститутка Молли). Очень яркими красками Луи Селин изображает Маделон — развратную потаскуху, выдумывающую себе роман («она была в бешенстве и была довольна тем, что она в бешенстве») и убивающую жертву этого романа — ушедшего от неё мужа. Она застреливает его в такси, тремя выстрелами из револьвера; шофёр останавливает машину, Маделон выпрыгивает и убегает. Далее — агония Робинзона, полицейский протокол и возвращение домой. Пьяный ажан, знакомец автора-повествователя, возбуждённый всей этой историей, пытается сплясать «танец огня» в кабаке, но его утихомиривают. Несколько ничего не значащих фраз — и роман кончается; нарочито издевательски, цинично и опустошённо звучит этот финал тёмного и похабного романа. Нет, это не фашистская книга, как её назвали у нас, но это мутная и скверная книга.

Прочёл романтическую драму Бюхнера «Смерть Дантона». О, доброе старое время!

Рассказы Эрскина Колдуэлла просты до гениальности. Я в восторге от них. Вообще американская манера писать всё более меня покоряет. Я никогда не читал ничего равного рассказам Колдуэлла: «Стрельба», «Первая осень», «Рэчел» и «Бабье лето». Особенно первый и четвёртый. Это правда. Это правда.

29 января. Пятница. Приехало на каникулы несколько старых друзей, товарищей по школе. Славка Жерехов приехал из Ленинграда.

В Черниковске ведётся грандиозное расследование. Всеобщее мнение гласит, что это диверсионный акт. Рассказывают подробности. Сосед, нефтяник — впрочем, вру, он просто экономист на одном из предприятий Черниковска — утверждает, что техника безопасности настолько высоко автоматизирована, что возможность аварии сведена к минимуму. Но факт налицо, ergo — диверсия. Описывают, как один рабочий (или мастер) первый заметил опасность и немедленно известил лаборанта — молодую девушку. Та поднялась по лестнице к доске с приборами: давление было очень повышено. Она начала регулировать давление, но не успела: раздался взрыв. Это был первый взрыв, с которого начался пожар. Рабочему оторвало обе руки; взрывная волна вышибла вместе с дверью его на улицу. От девушки-лаборантки ничего не осталось: она, по выражению черниковских нефтяников, «улетела на луну». На пожар мгновенно прилетел на самолёте министр нефтяной промышленности СССР, а также Круглов, министр внутренних дел. Опасность угрожала всему Черниковску: огонь подбирался к уцелевшим установкам. По приказу министра их взрывали одну за другой: очистив окружающее пространство и оцепив его, расстреливали эти установки на расстоянии, бронебойными снарядами. Это и были вспышки посреди зарева, которые были видны в Уфе.

Когда пожар был потушен, старый крекинг представлял собой груды развалин. Новый крекинг работает на полную мощность. Количество жертв держится в секрете. Чтобы успокоить население, в Черниковске были торжественно устроены официальные похороны. А грузовиках везли 29 гробов. Кроме рабочих, в гробах лежали пожарники и работники МВД, погибшие при тушении пожара. По словам соседа, тел было немного: в большинстве гробов лежали обгорелые кости с фотографическими портретами вместо лица. Большинство молодёжь, четыре женских имени (вряд ли это точно). Но всё это официально, а сколько «улетело на луну»?

Сейчас в Берлине Молотов ведёт дипломатическую борьбу с Иденом, Даллесом и Бидо. Алик Глезер привёз из Москвы ещё одну частушку:

«Лаврентий Павлыч Берия
Не оправдал доверия,
И от министра Берия
Остались пух да перья».

В день, когда газеты известили о решении суда и добавили лаконичную строчку: «Вчера приговор приведён в исполнение», — в Москве были оцеплены нарядами пехоты главнейшие

учреждения, правительственные здания и московские небоскрёбы («высотные здания»). Солдаты стояли через 3 метра. Видимо, правительство чего-то опасалось. По-моему, это опасение было совершенно необоснованно. В этот же день был вновь открыт расширенный и перестроенный ГУМ. В него ринулись огромные толпы народа. Что это — стремление отвлечь внимание от Берии? Да кому он нужен, пропади он пропадом! (Кстати, уже пропал пропадом). Вечером оцепление было снято.

Студенчество живёт. Как никогда, молодёжь любит джаз и «стиль»: гонение на джаз только усилило его популярность. Танцуют стильно. «От Москвы и до Калуги¹ дружно любят буги-вуги!» Огромную популярность приобрела мелодия «Сан-Луи». Это американский фокстрот, переделанный из блюза. Он уже почти узаконен, и недавно по радио передавали блюз «Сан-Луи» в исполнении Поля Робсона. В Москве на мотив «Сан-Луи» сочинено несколько вариантов весёлых и насмешливых частушек (порою просто бессмысленных). Вот образцы:

«Москва, Одесса,
Лос-Анджелос
Объединились
В один колхоз.
Мы все за мир,
Мы не хотим войны.
Мы все живём
В колхозе Сан-Луи.
О, Сан-Луи,
Колхоз-миллионер,
Ты самый лучший
В Эс-эс-эс-эр!
Имба-читальня,
Сто второй этаж,
Там русский танец
Лабаёт джаз!»

Иногда в первом куплете поют: «Нью-Йорк, Калуга, Лос-Анджелос» и т.д. В последнем: «Там буги-вуги лабаёт джаз». «Лабать» — синоним «рубить», «откалывать», стильно исполнять. «Лабач» — стильный музыкант. Некоторые «лабачи» пользуются в Москве огромной популярностью: в числе их настоящие виртуозы, например, скрипач из джаз-оркестра Утёсова или «ударник» Лацио Ласло. Алик Глезер нарисовал мне яркую картину одного из вечеров в их институте. По просьбе студентов джаз, приглашённый, кажется, из какого-то знаменитого ресторана, лабаёт буги-вуги.

¹«От Нью-Йорка до Калуги...»

Студенты-стиляги танцуют в узеньких брючках, в длинных пиджаках и туфлях на толстой подошве, такова теперь мода. Девушки танцуют в очень узких, обтягивающих, но довольно длинных юбках, с двумя рядами пуговиц — справа и слева. Эта мода, как я полагаю, пошла от проституток. Этот фасон называется «мужчинам некогда». Самое смешное то, что этот фасон был в большом ходу в конце 16 века у венецианских проституток («Адам нового мира», исторический роман Линдсея). Танцуют плотно сблизившись, с модными поворотами, изгибами, выкрутасами, заимствованными с Запада. В танго, например, ставят ногу за ногу. Но настоящего западного похабного стиля у нас всё же нет. Самый стильный институт — «Ин-Яз», но и там настоящих стилиг мало. На танцплощадках эротическая западная манера запрещена, и особо вызывающих стилиг удаляют. Алик вспоминал, как с одного танцевального вечера администрация выволакивала стилигу, и он орал: «Свободу движению ног!»

Так вот, танцуют буги-вуги. Время от времени один из джазистов встаёт и ведёт мелодию «solo»: аккордеон, контрабас или ещё чего-нибудь. Знаменитый ударник отбивает бешено синкопированный ритм, то, что американцы называют рэг-тайм, рванный ритм. Вот он встаёт, весь джаз умолкает, и только ударник с точностью автомата чеканит дробь, — «сплошной брэк!» — восхищённо рассказывал Алик. Затем он внезапно умопомрачительным вращательным движением швыряет вверх свою палочку, хватает «сакс», и, пока палочка вертится где-то под потолком, он выделяет какую-нибудь фразу на саксофоне. Потом он вновь кладёт сакс, палочка падает ему в руки и вновь — рассыпчатый сухой «брэк». Весь этот промежуток танцуют без музыки.

Допишу завтра.

30 января. Суббота. В Москве и в Уфе, в Ленинграде и Сибири, всюду поют «Журавлей». Вот уже год, как эта песня стала всеобщей манией. Её полюбил народ. Можно услышать, как пьяные мужики выводят эту песню, с нецензурными добавлениями между строк для пущей выразительности, и при этом рыдают — заливаются настоящими слезами. Раз песню поют пьяные — значит, песня принята массами. Это старая песня из репертуара не то Лещенко, не то Вертинского. Она, действительно, трогает за душу.

Жерехов прожил почти весь I-й семестр плохо: он в общежитии попал в одну комнату с дрянными ребятами. Подобралась тёплая компания из разных городов: играли в карты, пьянствовали и дрались, не давая ему ни учить, ни спать. Последний их подвиг Славка мне живописно изобразил. Эти ребята сдавали экзамены после срока и были зачислены без стипендии, но после долгих ходатайств Москва дала приказ: зачислить на стипендию и выплатить стипендию за все прошедшие месяцы. У мальчиков вдруг оказалось в руках несколько тысяч. Как водится у русских людей, это неожиданное счастье мальчики решили спрыснуть. В результате получилась такая картина: Жерех входит в комнату: она вся покрыта непереваренной пищей, размешанной в желудочных соках. В этой вязкой влаге лежало несколько «трупов». Один сидел в задумчивой позе за столом, подперев рукой обвязанную голову. Скобарь, самый сильный студент химфака, ходил неверными шагами

среди «трупов», и по его брюкам стекала блевотина. Он пытался выйти из комнаты, но мозжечок отказывался ему служить, и всё плыло перед глазами. Скобарь поднимал колени, как лошадь, и опускал ногу осторожно, бережно ставя её в лужу: раздавалось звучное хлоппанье. Он сказал Жереху тугим голосом: «Ты уж, Славка, переночуй где-нибудь, мы всю твою кровать заблевали». Кровать Жереха подверглась этой участи потому, что стояла ближе всех к «жизненному пространству» комнаты. Другая картина из того же вечера: по коридору общежития бегом бежит «студсовет» и несёт Скобаря, связанного по рукам и ногам (он затеял драку). Скобаря вносят и кладут на кровать, а один из членов студсовета берёт фотоаппарат и книпс, кнапс — фотографирует комнату. Но тут встаёт человек с перевязанной головой, молча подходит к аппарату и тяжело роняет на него массивный кулак. Фотоаппарат превращён в обломки, человек с обвязанной головой так же молча возвращается, садится и, мрачно подперев голову рукой, вновь вперяет в пол пронзительный взгляд. В это время Скобарь, изрыгая сатанинский мат, корчится на своей постели. Наконец, ему удаётся освободиться от уз, и он поднимается с постели с видом грозной решимости, но студсовет не ждёт продолжения истории, а мудро ретируется, заперев за собой комнату.

После этого казуса компания была исключена из института. Другой студент был исключён за то, что привёл на ночь женщину в общежитие.

Конечно, не вся советская молодёжь предаётся пьянству и разврату, но факт, что после войны разлагающее влияние усилилось. Это неоспоримо. В 1953 году, «Комсомольская правда» в номере от 19 ноября поместила большой фельетон «Плесень», напумевший по всей стране; в нём говорится о компании молодых людей в Москве, предававшихся пьянству, разврату и уголовным похождениям. Все они принадлежали к обеспеченным состоятельным семьям, а главарь — сын известного академика. Разложение особенно захватывает сыновей выдающихся людей (известный среди уфимской молодёжи Сашка Кувыкин, сын нашего Игнатьева, или попавший в газеты Евгений Дунаевский, который при поступлении в институт написал в анкете: «сын известного композитора и танцовщицы»). Очевидно, при социализме губительная сила денег утраивается. Видимо, приходит время уничтожить товарное обращение и вместе с ним денежную оплату труда, как предусматривал Сталин в «Экономических проблемах».

В Москве, в парке Ногина, среди бела дня милуются парочки: по одной на каждой скамейке. Девушка сидит на коленях молодого человека, а он обнимает и целует её. Даже среди девушек честных цинизм и распущенность граничат с развратом, а среди профессиональных девок — что уж говорить. Однажды (в 1952 году) одна так и отрекомендовалась нашим хлопцам: «Я ебальная машина». Говорят, что она была довольно красива. Московские проститутки — многочисленное и жадное племя.

Весь дипломатический корпус содержит любовниц в театре оперетты. Надо полагать, все они состоят на службе в министерстве.

Между прочим, сейчас последний крик моды — китайские галстуки, шёлковые, необыкновенно ярко и красиво разрисованные.

4 февраля. Сегодня мне стукнуло 20 лет.

Вчера я посмотрел итальянский фильм «Неаполь — город миллионеров». Итальянское кино — лучшее в мире. Даже такой композиционно не собранный, неудачный фильм производит неизгладимое впечатление. Как врезаются в память лица донны Амалии, донна Дженнаро, Паскуале! Все настоящее: фашисты, полицейские, клерикалы, немецкие автоматчики, американцы. Американский офицер в рубашке с засученными рукавами, американские солдаты, всё меняющие на папиросы; бесчисленные амуры освободителей-американцев с неаполитанскими девушками (ведь сначала американцев в Европе очень любили). Пьяные компании в своих джипах. Очень выразителен эпизод, когда в отсутствие донны Амалии дочь выпускает в квартиру американцев, и они танцуют. Когда они уходят, она бежит к окну и открывает его. Один из американцев, долговязый верзила, словно случайно отстал от своих. Ночь. Он наклоняется к девушке в окно; потом решительное движение — мелькают во весь кадр две длинные ноги и зад в военных брюках, он спрыгивает внутрь и целует девушку. Она нерешительно сопротивляется. Он оборачивается и захлопывает за собой окно. Всё ясно. Никакого натурализма, а какая трагическая сила!

Девушка, дочь Дженнаро и Амалии, кажется, её зовут Мари — изумительно красивая. Не девушка, а мечта, этакая сахарная куколка, но глаза живые. Играет она средненько, в этот фильм она взята только за красоту.

Сейчас моё очередное увлечение, — кроме этой девушки из кино, — песни и романсы Изабеллы Юрьевой. Старая цыганка даст сто очков вперёд Клавдии Шульженко.

«Что ж сидишь ты и нахмурил брови, что ж не хочешь подойти ко мне?»

Когда она поёт это место в «Весенней песенке», то видишь женщину, которая открывает руки для объятия и губы для поцелуя. Или «Караван»: «И вдаль глядел усталый караван».

Второго февраля был вечер в 45-й школе, а в субботу 30-го января был вечер в 11-й школе. Ничего особенного не произошло. Встретился с нашими ребятами. Немного потанцевал.

8 марта 1954 года.

Кончилось Берлинское совещание министров иностранных дел. Единственный крупный его результат — в Женеве соберётся новое совещание с участием Китая.

Наше правительство после XIX съезда партии взяло курс на развитие сельского хозяйства и лёгкой промышленности. Решено увеличить посевы за счёт многолетних трав. Добровольцы из комсомола Москвы отправились на освоение целинных и залежных земель Алтая. Их провожали с большим торжеством, члены правительства говорили им прощальные речи. В Уфе комсомольские представители встречали московских добровольцев на вокзале с двумя духовыми оркестрами. Сейчас эти ребята уже на Алтае. Этот порыв тронул весь Союз, он напомнил старшему поколению его юность, — Комсомольск, Магнитку, Кузбасс, Днепрогэс; а мы, люди сегодняшнего дня, мы, комсомольцы, все как один

ощутили мучительную зависть, желание бросить наши скучные аудитории, наши учебники и зачётные книжки, нашу латынь, анатомию, сопромат, матанализ, старославянский язык и прочее — бросить и ринуться в весёлое неведомое с лёгким чемоданом, где лежит одна перемена белья и любимая книжка. Я сужу по себе и товарищам — все мы на какой-то миг страстно захотели уехать в эти далёкие целинные степи Алтая, где нет электричества, нет водопровода, нет тёплых уборных, но где проходит передовая линия жизни — а это самое главное!

На нас дохнуло героизмом прошлых лет, высоким горением тех пятилеток, которые недавно ещё назывались сталинскими.

Недавно ещё назывались. . .

Теперь нет уже сталинской Конституции, а есть Конституция СССР, нет сталинских пятилеток, а десять сталинских ударов в 1944 году называются просто десять ударов Советской Армии. Всякому ясно, что означает кампания против культа личности в нашей прессе — в общем, если смотреть со стороны, очень правильная и разумная кампания, но её скрытая цель — снять лавры с тени Сталина и поставить эту великую тень на причитающееся её место. Что ж, стремление вполне законное. Не Сталин составлял всю Конституцию, он лишь о ней докладывал. Не Сталин проводил в жизнь пятилетние планы, он лишь руководил их проведением. Не Сталин организовал победы Советской Армии в войне с фашизмом — он лишь вдохновлял эти победы. Сталин — мощный политик, дипломат, марксист, но он отнюдь не был полководцем. Кажется, что и план Сталинградской операции принадлежит маршалу Василевскому.

«Культ Сталина» — таково было слово на Западе. И это было отчасти справедливо.

Велик ли Сталин? Да, велик.

Не случайно он 29 лет (без малого 30) руководил самой могучей политической партией и самым быстро растущим, самым энергичным государственным устройством в мире. Нужно признать за бесспорный факт, что в первую половину своего пребывания у власти Сталин был безусловно необходим, очень полезен, почти гениален. «Сталин — это Ленин сегодня», — с полным правом сказал тогда Барбюс. Сталин произнёс знаменитую присягу на верность ленинизму в январский морозный день 1924 года. Сталин возглавил партию и был её деловым практическим вождём, всё ещё скромным и незаметным. С одной стороны от него видна была блестящая самоуверенная фигура Льва Троцкого, с другой — лисья физиономия Бухарина с высоким лысым лбом на манер Ленина, с ленинской бородкой и в ленинской кепке. Бухарин и Троцкий одно время были гораздо популярнее Сталина, и слава их была старше. Борясь на два фронта — против интеллигентской оппозиции авантюриста Троцкого и против карьеристской деятельности Бухарина, направленной лично против Сталина и против диктатуры, Сталин был славен и велик. Он провёл Россию через НЭП и через индустриализацию, он был настоящим отцом коллективизации, и Сталин в эпоху строительства колхозов наиболее велик. Я преклоняюсь перед Сталиным начала тридцатых годов, когда он возглавляет знаменитую революцию сверху. Ленин совершил Октябрьскую

революцию, Сталин — аграрную революцию. Он проявил тогда ум, волю, такт и необходимую суровость. Он был велик, велик ещё потому, что рядом с ним стояли Киров, Жданов, Калинин, Серго Орджоникидзе и другие замечательные люди равные ему по авторитету и значению. Если бы Сталин тогда внезапно умер, он был бы заменён точно таким же деятелем.

Что было далее?

Далее — обострение борьбы в партии и стране, авантюристическая, бесчестная деятельность оппозиции, идеологическим вождём которой был такой незаурядный политик как Бухарин. Бухарин снисходительно согласился стать вождём проектируемой ново-советской державы. Последовали громкие процессы и смертные приговоры. Но этого оказалось мало. Кроме Бухарина другой политик интересовался Россией, — Адольф Гитлер. Немецкая агентура переплелась с троцкистско-бухаринским блоком. В последнем процессе фигурировало имя наркома внутренних дел Ягоды. Его разоблачил его подчинённый Ежов. Эта ситуация говорила о страшной угрозе всему режиму со стороны «пятой колонны». Враги диктатуры, враги Сталина и его друзей проникли в Кремль. Это они убили в Ленинграде Кирова, они нарочито неверным лечением умертвили Максима Горького. Государственные интересы совпали с личными страстями (а они у Сталина были, это несомненно). Понадобилась кровавая трагедия, год жесточайшего террора, 1937-й год.

«Тридцать седьмой год» — это звучит для нашего уха примерно так, как по-французски «quatre-vingt-treize», но девяносто третьим должно гордиться, а у нас «тридцать седьмой год» звучит как мрачное и отвратительное воспоминание. Наркомом внутренних дел стал Ежов. Этот Сен-Жюст оказался всего лишь Фукье-Тенвилем. Он применил для борьбы с пятой колонной старую (впрочем, не слишком старую) систему массовых арестов и общественных доносов. Эту систему (хватать по малейшему подозрению, карать за малейший проступок) позже Александр Фадеев в романе «Молодая гвардия» назвал «частым бреднем». В этот частый бредень Ежова попали тысячи, десятки тысяч, стони тысяч людей; для подавляющего большинства их кара была несоразмерно велика относительно их преступления. Те, кто были расстреляны, были расстреляны справедливо; но суды в огромных количествах, на основании всеобъемлющих пунктов 58-й статьи, пекли приговоры — 10 лет исправительных работ, 10 лет, 10 лет... В Сибирь потянулись поезда, набитые осуждёнными. В одном из поездов ехал и мой отец. (Но, впрочем, это мелочь). Через несколько лет на диких берегах Охотского моря, на самом краю ойкумены, «вырос молодой социалистический город» Магадан. В бухте Ногаево, где раньше только медведи ловили рыбу

и сосали свою лапы, руки ссыльных построили Магадан. Теперь он процветает.¹ Это хорошо, мы должны, наконец, колонизировать Сибирь.

Но Ежов перегнул палку. Печать всего мира злорадно вопила о терроре в СССР. Народ дрожал от ужаса. Слезы жён и детей, лишённых мужей и отцов, не заслуживших наказание, лились слишком явно. Во всём мире кричали, что новая советская Конституция — ширма для прикрытия ужасов Коминтерна. В это время шли выборы в Верховный Совет СССР, и наша пресса напечатала фото, где трое-четверо людей в штатском платье и мундирах опускали бюллетени в избирательные урны. Это голосовали Сталин, Ворошилов и «сталинский нарком Ежов». (Снова эпитет «сталинский»).

Вскоре (в январе 1938 г.) сама партия в лице своих руководителей указала на перегибы в работе НКВД и постановила их исправить. Часть жертв «ежовщины» вернулась к орошённым слезами очагам, но велика ли была эта часть — я не знаю и не поручусь. В последующие годы постепенно возвращались остальные, но многие так и не вернулись.

Ежов был снят со своего поста. Ему на смену пришёл другой «катон», другой Фукие — Лаврентий Берия.

Кумир Грузии, близкий к Сталину человек, Берия сделал министерство внутренних дел тем, чем оно было до 1953 года — верховным исполнительным органом страны.

Тысяча девятьсот тридцать седьмой год — историческая неизбежность. Он был необходим. Но не таким, каков он был. В 37 г. была совершена несправедливость. Нужно управлять страхом и любовью; в 1937 г. политика устрашения заняла ведущее место. Политика принуждения была необходима Сталин объявил осадное положение в одно время с провозглашением Конституции. Он не ошибся, мировая война была близка. Но осадное положение началось неудачно.

Прежде всего, тридцать седьмой год не достиг цели: пятая колонна была лишь ранена, но не уничтожена. В 1941 году она проявила себя с утроенной силой и, быть может, ежовский террор увеличил число недовольных, число врагов советской власти.

Итак, тридцать седьмой год был нужен, но не справедлив. Верховную ответственность за него несёт наш Сталин.

¹После амнистии я слышал песенку на мотив «Старик и Смерть» («Где в горах орлы да ветер», из репертуара Вл. Канделаки):

Магадан — эх, те же Сочи!
Нани-на, нани-на.
Солнце светит, но не очень,
Нани-на, нани-на.
Там живут одни медведи,
Нани-на, нани-на.
Скоро мы туда поедem, дели ваве-ла!
Мы найдём месторожденье, нани-на, нани-на,
Всем людям на удивленье, нани-на, нани-на,
Нам дадут лауреата, нани, нани-на,
Загребём деньгу лопатой,
Дели ваве-ла!

Со своей огромной трудоспособностью он вникал во всё, он должен был всё знать. Он знал, а что он сделал для исправления зла?

Он провозгласил, что «сын за отца не отвечает». Дети «врагов народа» («Ich bin der Sohn eines Volkesfeindes») не ответственны за преступления отцов. Разумно. До 1945 г., примерно, поступали соответственно этому заявлению. А в 1952 году, например, уже давно установленным считалось ограничение приёма таких лиц в высшие учебные заведения и на производство.

Я устал от этих воспоминаний. Глупо и пошло на могиле великого человека писать список его ошибок и его промахов. Но не могу ещё не вспомнить пакт с Гитлером.

Я помню, когда я был маленьким ребёнком, я смотрел в уфимском кинематографе «Октябрь» документальную хронику. Тогда это называлось «Союзкиножурнал». Отчётливо помню: Молотов приезжает в Берлин, в честь него выстроен почётный караул в стальных шлемах, винтовки на руку; Молотов пожимает руку человеку в очках (Риббентроп, я теперь так думаю); подписывают договор. Кажется, в кино был и Гитлер. От этого воспоминания сердце обливается кровью.

Говорили, что пакт был заключён из трезвого расчёта на неизбежность войны, с целью выиграть передышку. Что-то непохоже. Правда, по-моему, проще: это был Мюнхен с Востока. Гитлер явно нацеливался на выкормившую его Европу: злое дитя намеревалось укунить грудь матери. Наши руководители пошли ему навстречу, когда он предложил нам пакт о ненападении. Наше правительство растерялось и обрадовалось: разбить Запад и фашизм их же руками. Это было бы чудесно. Сталин не думал, что Гитлер возьмётся покорять сразу весь мир.

Поэтому мы заключили договор с Гитлером, мы повезли в Германию хлеб и масло. До Сталинградской операции немецкие самолёты, бомбившие советские города, заправлялись бензином, сделанным из бакинской нефти 1939–1941 годов.

Страшная ошибка.

Война свалилась очень внезапно. В это действительно кровавое воскресенье 22 июня, когда ночью бомбили Киев и др[угие] города, все лётчики были отпущены на отдых. Говорят, что благодаря этим предательским увольнениям в первый день войны с наших военных аэродромов не поднялся ни один самолёт.

О, как это было тяжело! 22 июня по радио выступил Молотов, Сталин заговорил только 3 июля. Он чувствовал свою ошибку.

И как же он стал работать! С каким героическим упорством он начал исправлять свою ошибку. Песни ещё до войны, стихи поэтов, романы говорили об окошке Кремля, где никогда не угасает свет. «Сталин думает о нас». Теперь это было вполне верно. Он спал четыре часа в сутки, он отдал весь свой опыт и всё своё здоровье для победы Союза.

Великая Отечественная война — это тоже слава Сталина. Недаром воины умирали в боях «за Родину и за Сталина».

Победа гигантски увеличила престиж России, политический вес правительства Сталина и значение его личности. Павленко правильно описывал в романе «Счастье», что в фигуре Сталина появилось новое величие. Он располнел, хотя лицом не изменился, только прибавилось седины.

Но в действительности война очень состарила его, подточила некогда железное здоровье, и он не мог далее оставаться в гуще работы, как прежде. Через несколько лет, пережив смерть Калинин и Жданова, он фактически передал всю работу в руки молодого Георгия Маленкова, избранного в ЦК на XVIII-м партсъезде. Говорят, что Маленков — племянник Ленина.

Но властная воля Сталина, человека железной диктатуры, наученного горьким опытом большой политики, накладывала свою жёсткую печать на жизнь страны. Условия изменились, политический курс не изменился. Только национальное бедствие 5 марта позволило повести более гибкую и более жизненную политику, выдвинуло более молодые силы.

На полсекунды споткнулось новое правительство об зловредную кочку, приросшую к имени Сталина. Берия, которого считают организатором многолетней кампании фимиам и лести вокруг Сталина, его крикливого восхваления, Берия — «вождь советской политической полиции» — оказался олицетворением отживших и в корне порочных методов внутрисоветского массового террора. Он, давший о себе знать уже после войны арестами и новыми расстрелами, он, чудовищное порождение всех ошибок и слабостей эпохи, которую Эйзенхауэр назвал «небывалым тридцатилетним правлением Иосифа Сталина», этот негодяй Берия был сметён первыми же шагами нового правительства.

У него нашли заготовленное обращение к народу по радио, с известием, что Маленков, Молотов, Каганович (?) и прочие — враги народа.

О заговоре донёс опальный маршал Жуков, которого Сталин сослал в Уральский военный округ и которому Берия предлагал портфель в своём будущем кабинете.

Сталин велик, но его значение чрезмерно выпячивалось при жизни и преуменьшается теперь. Хотят забыть о том, кого при жизни провозглашали всемирным гением. 22 января прежде все официальные речи и статьи подчёркивали, что Ленин — только основатель, ныне же, в годовщину смерти Сталина, все указывают, что Сталин — только продолжатель.

Воскресенье, 7 марта, всюду ещё висели траурные флаги, а под ними, празднуя праздник женщин, разгуливали подвыпившие гуляки и пели пьяные бабы. Годовщина смерти прошла незаметно.

Народ неодобрительно относится к попыткам набросить густую тень на недавнее прошлое. Мы все, весь Союз, радостно приветствуем каждый шаг Маленкова, но мы никогда не забудем суровую фигуру Сталина, величайшего международного деятеля первой половины 20 века.

Это необыкновенно цельная и яркая личность — шинель, фуражка, усы, трубка и глаза, взгляд которых наше поколение уже не забудет. Глаза, у которых мгновенно собирались

ласковые морщинки, когда он обнимал детей. В 1952 г. его обнимала Вера Кондакова. Это было последний раз. Он любил детей.

Сталин — это был символ эпохи, плоха ли, хороша ли она была, но это была, но это была наша жизнь, светлая, страшная и великая, наша коллективизация, пятилетки, война и победа.

Мы и правительство Маленкова вышли из этой эпохи, мы её естественное продолжение. Сталин — наше вчера.

Вечно будем помнить славное прошлое.

<Заметки на обложке тетради под фотографией И. В. Сталина>

дип[ломатический] корпус — оперетта

«Журавли», парк Кошка

Галстуки

Жереховские хлопцы

Берия Маленков

книги Магадан

Рора писания

Роза Берлинск[ое] совещание

Весна и лето 1954.

Осень 1954.

(По ноябрь).

Р. Назиров

9 марта 1954 г. Вторник. Кончилась морозная зима, наступила весна, весёлая и голубая. Всюду тает снег, улицы стали грязны, местами уже показалась уфимская глина. Я сижу в 14-й аудитории спиной к окну, и на первой же лекции застеклённая дверь напротив меня начинает сиять, отражая восходящее солнце. Я на мгновение оборачиваюсь и вижу белый шар, который медленно отцепляется от крыш домов. Прямо между мной и солнцем торчит заводская труба; её дым на солнце приобретает красноватый оттенок. Солнце поднимается всё выше и сильно нагревает мою чёрную куртку. Небо безоблачно, и слышны птичьи голоса. Под их звуки я кропаю прескверные стишки. Лектора обычно я не слушаю.

Весна. Девушки начинают всё больше заигрывать и шутить, чувствуют близость тёплых дней и Первомайского праздника, когда они наденут светлые платья и белые носочки.

Мне нравится Аврора Рябинина, из юркиной группы. Девушка неплохо сложена и неглупа. У неё есть своеобразное обаяние, она очень привлекает. Мы с ней на короткой ноге. Иногда мне хочется поцеловать её тут же, во время танца: ведь она не успеет отодвинуться. Но это глупо, это мальчишество.

Красивые девушки никогда не переводятся, только мы сами стареем. А Эльвира в Москве?

15 марта. Завтра играется первая партия матча Смыслов — Ботвинник. Кто будет чемпионом мира? В эту зиму нашему спорту повезло. Наши выиграли мировое первенство по конькам и лыжам. Наши обыграли со счётом 7:2 канадских хоккеистов (а Канада —

родина хоккея). В этой игре Всеволода Боброва «стерегли» двое канадцев. Он объявлен лучшим нападающим сезона и получил золотые настольные часы. Итак, мы чемпионы по канадскому хоккею. Первенство мира по шахматам оспаривается между двумя нашими гроссмейстерами.

[Когда наши вожди арестовали Берию, в Грузию были направлены крупные вооружённые силы. После его расстрела в Грузии многие носили траур. Видимо, его влияние в Грузии было действительно велико.]

В апреле соберётся Женевское совещание с участием Китая, который перешёл от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. Начинается китайская индустриализация. Через 10 лет (к 1965 году) красный блок будет главенствовать в мировой политике.

Черчилль в период Берлинского совещания высказался в одной и той же речи за перевооружение Германии и за торговлю в СССР. Торговля с нами — якорь спасения для британской экономики.

Когда в ООН обсуждали вопрос о Триесте, наш представитель предложил вывести войска из зоны Триеста и назначить туда губернатора. Запад отверг это предложение. В Белграде произошла демонстрация протеста; Тито дал разрешение на демонстрацию. Толпа, неся плакаты о Триесте, прошла мимо советского посольства, кричала «Живио» в честь нашего Союза, приветствовала советского посла; потом демонстрация прошла под окнами американского посольства и выбила все стёкла.

1 марта с[его] г[ода] нормальная работа американских законодателей в Капитолии была нарушена. Когда палата представителей собиралась приступить к своим обычным делам, с галереи для публики раздались выстрелы и возгласы: «Свободу Пуэрто-Рико!» Затем над галлереей взвился пуэрто-риканский флаг. Это стреляли из автоматических пистолетов пуэрториканцы: три мужчины и одна женщина. Они ранили нескольких конгрессменов. Этим актом отчаяния они снова хотели обратить внимание на свою поработённую родину.

Недавно я смотрел старый довоенный кинофильм «Котовский». Это наивная, но увлекательная картина. В 1909 году Григорий Иваныч Котовский, агроном одного бессарабского помещика, возмущённый смертью крестьянина, засечённого господином до смерти, становится на путь самого бурного социального протеста. «Разбойник» Котовский становится грозой бессарабских помещиков: со своими молодцами он носится по стране на быстрых бричках и конях, врывается среди бела дня в дворянские замки, грабит господ, отнимает деньги, векселя, долговые расписки крестьян и поджигает усадьбы. Он отдаёт долговые расписки крестьянам, которые их разрывают. Имя Котовского окружено легендами; крестьяне его боготворят. Весь Юг гремит его подвигами, его славой; газеты печатают портреты неуловимого атамана, например, в «Одесском листке» — «Разбойникъ Котовскій». Всюду у него свои люди, полицию он подкупает — у него куча денег. Он совершает романтический побег из здания суда, прямо из зала, где слушалось его дело.

Замечателен эпизод в тюрьме, где артист Крючков играет одесского жулика — а шикар-ной паре, шляпе, с чёрной повязкой на глазу, играющего в очко. «Витенька, в камере был шум? Кто-то что-то сказал? Или мне показалось?» — «Вам показалось.» Но через минуту Котовский вновь подаёт голос, и Крючков-уркаган кладёт карты: «Нет, мне не показалось. Этому молодому человеку просто надоело жить. Но мы ему поможем.» Нетвёрдой, манер-ной походочкой он направляется к Котовскому, становится перед ним, разглядывает и вы-нимает из нагрудного кармана финский нож. За ним по-волчьи тянутся другие бандиты, его подчинённые. Крючков вытирает губы рукояткой ножа, обвёрнутой в платочек. Котов-ский одним ударом швыряет его на пол. Минута оцепенения. Вдруг один из заключённых сходит с нар, хохоча, ходит к Котовскому, радуясь посрамлению бандюги, и вдруг узна-ёт: «Да это же Котовский!» — «Котовский!» — растерянным полуголосом вторят бандиты. Крючков делает им повелительный жест: «Прочь!» Он добавляет к этому жесту вырази-тельное словцо: «На пальчиках!» (т.е. на цыпочках). Потом, согнувшись и откинув шляпу, улыбается Котовскому: «Извиняюсь!» И тихо уходит.

В фильме показывается Одесса 1918 года, полная аферистов и спекулянтов. В шикар-ном ресторане размалёванная проститутка томно строит глазки посетителю: «Котик!» Кто-то сообщает, что Одесса будет сделана вольным городом, и финансисты пьют за светлое будущее Одессы. Танцуют знаменитое «танго смерти»: артист с ножом в зубах, артистка — выгибающаяся, тонкая, соблазнительно одетая. Они то сходятся, то расходятся; делают чудовищные рывки и страшные жесты; танго кончается тем, что артист вынимает изо рта нож и закалывает неверную. Бешеные аплодисменты. Танго смерти танцевали тогда всюду; поэтому у нас танго называли «танец умирания буржуазной культуры».

Потом на эстраду, волоча ноги, выплывает Вертинский с огромной белой розой в петлице фрака (белая роза — символ смерти) и поёт, жеманно грассируя, в изломанной позе *d'un vrai incroyable de 1798*, песенку о маленькой нищей безноженьке, которая просит боженьку, добренького боженьку приставить ей ножки в сне.

Много ещё интересного, но некогда.

20 марта. Ну, и весна! Метёт снежный буран.

Вчера в Кремле открылся двенадцатый съезд комсомола.

Вчера вечером прочёл в журнале «Театр» (1954 г., № 2) прекрасную вещь — драму Зори-на «Гости». Очень талантливо, хотя, к сожалению, недокручено. Но Зорин, надо надеяться, будет ещё писать. Это второй талантливый драматург, заявивший о себе в последнее время. Минко и Зорин — начало очень хорошее. Итак, вот молодое поколение талантов — Сергей Смирнов, Вера Панова, Сергей Антонов, Минко, Зорин. Наметилась новая струя в нашем искусстве. К этой группе примыкают сверху Симонов и Василий Гроссман. Что-то сильное, свежее, горячее видно в «Сердце друга» Казакевича, в «Товарищах по оружию» Симонова, в гроссмановском «За правое дело». В них есть общие черты, эти черты — искренность. Та сердечная правда, которую едва не выветрили из русской литературы писатели типа Бубен-

нова, Павленко и др[угих]. Не говоря уже об этой сволочи Панфёрове с его отвратительной Толчёновой и невежественной, пошлой Мариэттой Шагинян.

Правда победит, как сказал Ян Гус. Панфёров, Шагинян и прочие неминуемо попадут в мусорную корзину истории, где они смогут безнаказанно предаваться свальному греху и лизать зад друг другу.

Михаил Шолохов скоро издаст вторую книгу «Поднятой целины». Я жду и боюсь этого события. Мы все ждём этой книги. Судя по отрывку, помещённому в «Литературной газете», вторая книга много слабее первой. Я видел в газете портрет Шолохова. Он постарел, усы, мешки под глазами, типичный казак. Слышно было, что он изрядно пил у себя в Вешенской. Да что Шолохов! Александр Фадеев и ряд других писателей лечились в Кремлёвской больнице от запоя. Шолохов ещё не дошёл до этого. Пьёт и Твардовский, великий русский акын последней эпохи.

Наша литература пережила жесточайший кризис в 1945–1952 годах. Теперь мы выходим из него обновлённые и помолодевшие. Снова зазвонит по всей земле новая слава. Наши пишут, работают, учатся. Дайте только срок, будет у нас и свой Достоевский, и свой Лев Толстой! Не будет только Пушкина. Пушкин в двадцатом веке уже появлялся, расколотый на две противоположности, на две полярно различные жизни: Есенин и Маяковский.

21 марта. Воскресенье.

Дорого бы заплатил я тому человеку, который объяснил бы мне, что сейчас происходит с русским народом и особенно с русской молодёжью.

Почему разложение, алкоголизм и преступность захватывает всё большую часть молодёжи? Откуда этот бездумный гедонизм, распущенность нравов, презрение к «условностям», дэндизм на одном полюсе и бандитская романтика на другом, — причём эти крайности соприкасаются и хулиган сегодня носит модный галстук и шикарную шляпу? Почему? Откуда?

Фактов — множество. Наиболее ярко это проявляется в столице. В прошлом году журнал «Смена» напечатал прекрасный рассказ — очерк, описывающий, как молодой рабочий подмосковного завода втягивается в нечистую жизнь профессионального игрока. На станции перед Москвой, когда отгудели гудки дневной смены, в вагон врывается прилично одетый молодой человек и быстро занимает четыре-пять мест, раскладывая на скамейках папиросную коробку, клетчатую кепку, белое шёлковое кашне. В вагон (это пригородный поезд) входят рабочие завода, молодые ребята, знакомые юноши в кепки. Он приглашает их на занятые им места. Вскоре из его кармана появляется колода карт, и он предлагает сыграть. Некоторые из ребят — его должники, но он великодушен, играет с ними на слово. На скамье шелестят карты, и крепкие замасленные руки рабочих встречаются с белой мягкой рукой игрока.

Он умён, приветлив, остёр на язык, приятен лицом. Когда частые проигрыши отягощают совесть его партнёров, везущих матерям получку, он советует ребятам «взять двести грамм

с прицепом», и, послушные его совету, молодые рабочие выбегают на минутной остановке к киоску, бросают деньги продавцу, и автомат отмеряет им водку.

Идёт игра в вагоне пригородного поезда. Юноша в клетчатой кепке постоянно ездит в этом поезде, чтобы играть в карты с молодыми рабочими. Это его ремесло. Иногда для виду он проигрывает и тогда с честнейшим видом — закон игры свят, проиграл — плати — отдаёт счастливцу сложенную сторублёвку. Но чаще он выигрывает. И вот один из молодых рабочих, герой рассказа, проигравший юноше в кепке половину получки, видит, как из рукава игрока выпадают две карты. Он бросает в лицо игроку гневное обвинение. Тот хищно настораживается. . . но до ссоры не доходит. Молодой рабочий выходит на площадку.

Идёт игра. Кондуктор, то бишь проводник, спокойно проходит мимо, словно не замечает. Пассажиры сторонятся и не затрагивают картёжников. Старушка, которой не осталось места, безнадежно стоит около них. Молодые люди, с расширенными глазами, с возбуждёнными лицами, играют, не переставая.

Молодой рабочий, сойдя с поезда, встречает своего комсорга. Он хочет посоветоваться с ним, рассказать о своём горе, но комсорг сухо прерывает его официальной нотацией.

И оставшись один, молодой рабочий глубоко задумывается. К чему страдать и трудиться, отдавать матери на хозяйство всю свою невеликую получку, когда перед его глазами пример такой лёгкой и беззаботной жизни? Не лучше ли последовать примеру игрока? Можно ещё помириться с ним, он даже даст ещё взаймы — в этом нет сомнения; они могут стать друзьями. Понятие «честности» сделалось ведь очень относительным.

Примерно так заканчивается этот пессимистический рассказ. Так поворачивается сейчас время. Так изменяется рисунок жизни.

Много данных об этом веянии жизни даёт мне маленький газетный листок — «Горняцкая правда». «Горняцкая правда» — орган Ленинградского горного института. В её номере от 24 февраля 1954 г. напечатана статья члена комсомитета «Нетерпимо относиться к каждому аморальному поступку». Её стоило бы привести целиком, но некогда. Сделаю выдержки из неё:

«В ночь с 31 дек[абря] на 1 янв[аря], во время встречи Нового года, студенты-комсомольцы Емелин, Песков, Новосёлов, Сидорчук, Долтобаев (III курс геологоразведочного факультета), Ибрафилов (IV курс горного факультета) и Баранов (V курс геологоразведочного факультета) устроили безобразную пьянку в общежитии, закончившуюся дракой.

На новогоднем вечере в институте выделенный для дежурства на вечере студент-комсомолец Лебедев (I курс ГЭМФа), напившись пьяным, учинил дикую драку с дежурными.

На том же вечере студент-комсомолец Докунихин (III курс горного факультета), будучи пьяным, разбил стекло у главного входа и, когда был приведён дежурными в кабинет, разломал кресло, разбил на столе стекло и пытался выброситься в окно.

В ночь с 9 на 10 января кандидат в члены КПСС студент Сывороткин (IV курс горного факультета) и студент-дипломант комсомолец Илюхин (горный факультет) пьянствовали

в коридоре общежития, дебоширили, сквернословили, ломались в двери комнат, приставали к девушкам.

24 января в ресторане «Москва» студент-комсомолец Суходольский (II курс нефтяного факультета) устроил скандал и драку с одним из своих товарищей, бросил в него тарелку и столовый нож.

7 февраля на вечере в институте студенты-комсомольцы Минин и Механиков (II курс геофизического факультета), чьё недостойное поведение уже отмечалось в «Горняцкой правде», обманным путём проникнув на вечер, напились, по-хулигански вели себя, толкались среди танцующих.

На днях студент-комсомолец Соболев (IV курс нефтяного факультета), ранее обокравший своего отца, бездушно, по-барски относящийся к своей жене, в столовой «Северная», напившись пьяным, избил офицера.

Это факты. И даже не все.»

Ниже приводится в этой же статье ещё один живописнейший факт. Первокурсник Фоменко с нефтяного факультета, отвергнутый девушкой, написал ей с чувством уязвлённого самолюбия: «... после расставания с тобой я получил полное удовлетворение: малость выпил и немного подрался. Попались какие-то два курсанта из училища... и один остался лежать с распоротым животом, про другого мало помню, знаю, что у него расплющился нос, и только. Я же получил по затылку бляхой и нож под ребро, справа. Дрался, говоря почестному, как настоящий горняк, и теперь я имею право быть им». Это письмо само по себе отвратительно своей пошлостью. Но пошлость эта сугубая: никакой драки у Фоменко не было. Он всё выдумал, кроме выпивки. Навсегда расставаясь с девушкой, он решил уйти «гордо» — представить себя в «лучшем» виде.

Конечно, этот буйный институт, где на вечер протаскивают под полой бутылку водки, чтобы выпить ей в столовой, под лестницей или в уборной, где дерутся, просто ради горняцких традиций, это не везде так, это не закон, но подобная зараза распространяется.

В драме «Гости» Леонида Зорина выведены представители новой советской буржуазии. Так я склонен называть широкий слой высоко оплачиваемой бюрократии, молодёжь которой ведёт паразитический образ жизни, заражая им другие группы населения. У Леонида Зорина в этой драме одна из женщин, Варвара, тоже говорит о своём подлеце-брате и его разжиревшей семье: «Господи, до чего ненавижу буржуев...»

В драме выведен очень колоритный юноша, московский студент Тёма из упомянутой семьи. Его образ напоминает Поэму Карповну из комедии Минко «Не называя фамилий».

Тёма — желторотый юнец, типичный московский дэнди 1953 года. Он приехал в гости к деду с девушкой, которую считает своей невестой. Вот он говорит: «Надоели папиросы. Надо будет завести трубку». Сразу вскрывается круг его интересов: выпивка, автомобильные прогулки, дача. О Москве и о себе говорит уничижительно: «В нашей деревеньке народ тихий». «Я нищий студент. Скромный питомец Института международных сношений». Или диалог со старшим братом:

«Наши сегодня на привале легли отдыхать, а мы с Николаем говоря между нами, грандиозно надрались. Как он потом машину вёл, не представляю». Сергей: «С Колей? Он мужик неплохой. Лентяй только. (Зевнув). Шут с ним. Я, знаешь, сам прилично вожу, только прав не имею».

Во втором акте Тёма слушает по радио спортивный репортаж. Тёма. . . «Матч кончился. Результат закономерный. Ноль-ноль. Никто не умеет бить по воротам». Далее:

«Всё-таки скучаю по Москве. Сейчас пустеет северная трибуна. Всё расходятся. Кого только не увидишь! Весь цвет столицы. Огни уже зажглись — улица Горького шумит. Мы с Никой в этот час обычно идём на «Крышу» в рассуждении пломбира и всего прочего».

Затем:

«Розовый мускат очень хорош к пломбиру».

Отец Тёмы говорит:

«Он у нас ресторанный завсегдатай. Если случается ужинать вместе, он заказывает. Мастер. Его, по-моему, все метрдотели знают».

Но Тёма внешне культурен: когда Ника поёт, он аккомпанирует ей на рояле.

Вот Тёма разговаривает с Никой.

«Накануне отъезда наша компания собралась в коктейль-холле, мы устроили там мальчишник, и Женя Мясников, знаешь, сын этого. . . »

Ника.

«Знаю».

Тёма.

«Когда он узнал, что мы едем вместе, он поднял рюмку с тараном — отличная жидкость, между прочим, — и сказал: «Милорды, выпьем за бедного Артемия, который бросается в пасть к тигрице». И все выпили со слезами на глазах. Как видишь, в тебе никто не обманывается».

Очень характерно, как Тёма говорит отцу:

«Не улещивай. Машина-то будет у меня?»

Подобные типы есть и у нас, в Уфе. Случаются и у нас пьяные дебоши, драки в ресторанах, развратные приключения.

Но всё же масса молодёжи — в основном здоровая. Хотя очень распространяется всё это разложение, вся эта плесень. Что причиной этому, не знаю. Быть может, своеобразие атомного века, влияние военной угрозы, сознание непрочности мира и желание взять от жизни всё. Быть может, расцвет буржуазного индивидуализма, которому способствует официальный запрет произведений Зоценко, отчасти Есенина, Ильфа и Петрова. С подобными произведениями нужно бороться фиолетовыми чернилами, а не красными — художественной полемикой в беллетристике, а не цензурными запретами. Но, впрочем, это мелкая деталь. Главное, пожалуй — создание слоя полупаразитической интеллигенции, неправильное распределение заработной платы, обогащение города за счёт деревни. Сейчас Георгий Мален-

ков начал перестраивать нашу экономическую систему. Надо ожидать больших изменений в городах.

Плесень — явление временное и кратковременное.

Между прочим: Ботвинник выиграл у Смыслова две партии и сделал одну ничью. Я болею за Ботвинника. Все болеют за Смыслова.

17 июня 1954. Четверг.

Давненько не брался я за эту тетрадку. Много воды утекло за эти три месяца. Наконец, отрыл её вновь в моих залежах бумаг, записей, тетрадей, сочинений. Когда я веду дневник, я держу пульс времени.

Начну с того, чем кончил предыдущую запись. Ботвинник и Смыслов сыграли 12:12. По условиям матча, Ботвинник сохраняет за собой звание чемпиона мира (Champion of World, так, что ли? Я теперь изучаю *englisch*). Ботвинник — чемпион мира, *der Weltmeister*, *quod erat demonstrandum*. Вся Россия отчаянно болела за претендента (свой, русский, не какой-нибудь Бронштейн). «Выигрыш» Ботвинника страшно разочаровал массу публики. Было пущено словцо: «Нет победителя, но есть чемпион мира». (Как и в 1951 г.). Или более мягкий вариант (радиобозреватели): «Есть чемпион мира, но нет побеждённого». Сало Флор, постоянный репортёр по шахматам в журнале «Огонёк», постарался успокоить болельщиков: «Не всё ли равно, где живёт чемпион мира, на Первой Мещанской улице или на улице Левитана? И та и другая в Москве!»

Теперь Ботвинник может отдыхать до 1957 года, когда его наверняка побьёт кто-нибудь из молодых.

Сейчас жаркое лето, голубое небо с тонкими кучерявыми барашками, петушьи крики вдали и погромыхивание досок.

Какая всё-таки провинция наша Уфа! Роятся мухи, где-то бьёт молот или топор — не пойму, слышны голоса. Час дня. Пропать комаров в этом году. Такова обстановка.

Что было заметного в эти три месяца?

Женевское совещание не оправдало надежд, которых на него возлагали. Оно хорошо началось, но плохо кончается. В ходе этого совещания вьетнамские республиканцы взяли штурмом важную французскую крепость Дьен-Бьен-Фу. Французский премьер Ланьель объявил трёхдневный траур, закрыл театры, чтобы тем самым воспрепятствовать выступлениям советского балета, приехавшего в Париж в ответ на гастроли *Comédie-Française* в Москве. Характер этого «национального» траура разоблачил Жан-Поль Сартр, с которым у нас сейчас завязались совсем неплохие отношения. Он писал в парижской газете «Либерасьон»:

«Действуя мудро, правительство придаёт траурным церемониям локальный характер: вы могли танцевать всю ночь в ночных кабачках на Монмартре или в Серкль милитер [офицерский клуб в Париже], где в этот вечер давался бал; вы могли лорнировать голых красоток в Фоли-Бержер, вернуться домой пьяным или в весёлой компании. Вы не оскорбляли траура Франции. Но зато вы нанесли бы наглое оскорбление защитникам

Дьен-Бьен-Фу, если бы отправились смотреть «Сида» в «Комеди Франсез» или пошли бы на советский балет в «Гранд-Опера».

Сартр кончил свою статью так:

«Ибо в будущем году, г-н Ланьель, Уланова будет танцевать, но вы уже не будете председателем совета министров».

Пророчество Сартра начало осуществляться. Кабинет Ланьеля пал, разрушенный ударами Вьетнама.

Я увидел в кинохронике прибытие четырёх министров в Женеву. Наиболее импозантны Молотов и Антони Идэн. Бидо обладает манерами и осанкой лакея. Даллес — нескладный верзила с размахистыми американскими жестами, гибрид пастора с ковбоем: как он театрально ступает и с преувеличенным радушием поднимает шляпу в своей прямой руке.

Совещание идёт во Дворце Наций. Я читал роман Виктора Маргерита «Вавилон»: там описывается, как строился этот Дворец Наций, когда Лига Наций уже начинала распадаться.

Забавно и очень характерно для нравов американской прессы следующее сообщение, опубликованное одним американским журналистом и с негодующими комментариями перепечатанное в газете «La Suisse»:

«Женева — оккупированный город. Тысячи китайцев и по меньшей мере тысяча двести русских захватили Женеву. По улицам движутся танки и бронетранспортёры с пулемётами. Отели охраняются войсками, а те, в которых помещаются коммунистические делегации, полностью изолированы, поскольку пришлось эвакуировать прилегающие кварталы: магазины, квартиры, конторы — всё опустошено. Больше того, почта подвергается строгой цензуре, невозможно отправить письмо без того, чтобы оно не было вскрыто полицией. . . Женева должна быть вычеркнута из всяких туристических справочников до октября: через Женеву проходит железный занавес».

Вместо Даллеса, вернувшегося в США, в Женеве сейчас представляет Беделл Смит.

Не так давно американцы взорвали на злосчастном атолле Бикини водородную бомбу. Чудовищная сила взрыва произвела впечатление на весь мир. Снова закипела деятельность организаций мира. «Н bombe — no!» — такие плакаты появляются на английских добровольных «sandwich men»'ах.

Большую личную радость я испытал, когда Всемирный Совет Мира присудил премии мира Чарли Чаплину и Дмитрию Шостаковичу. Красиво и волнующе само соединение этих двух громких имён.

Но в то же время глубоко печалит меня медленный и нерешительный характер нашего культурного возрождения.

Наш известный критик Ермилов, про которого я читал колкую эпиграмму:

*«Ермилов прав, не уставая повторять,
Что в Щедрине и Гоголе нуждается эпоха.»*

Но почему ему бы не сказать,
Что без Белинского эпохе тоже плохо?»

— так этот Ермилов выступил в «Правде» с двумя подвалами, в которых благоразумно проводил официальную линию «золотой середины». Он презрительно и точно смахнул с пьедестала дутую величину — Панфёрова, но в то же время он обрушил свои перуны на Леонида Зорина и его драму «Гости». В его критике и в других статьях драма объявляется «порочной», почти антисоветской. Наши-де бюрократы — это пережиток капитализма, а Зорин их изображает как некую советскую буржуазию. Зорин прав. Многие рабочие думают точно так же. Эта советская буржуазия — не пережиток, не «родимое пятно», а порождение недостатков нашей экономической и политической системы. Гусы, подлецы, предатели марксизма те, кто пытается думать и говорить, что наш строй абсолютно хорош. Он весьма ещё не совершенен, и не замазывать нужно его недостатки, а яростно вскрывать, избличать, переделывать — где нужно, так ломать, а где нужно, так отрывать с кровью. Гигантская волна мещанства поднялась и докатилась до Кремля, выплеснув, как ядовитую пену, своего второго Троцкого — Берию. Мещанство разъедает всё. Мещане есть в рядах партии, у них на груди уютно пригрелись красные книжки. Что с ними делать, с мещанами? Резать и душить? Нет, нужно изменить условия, благоприятные для их зарождения. Нужно изменить наш экономический строй.

Зорин прав в своей маленькой и робкой декларации, за которую его так избили.

Сильно раскритикован роман Пановой «Времена года». В нём, действительно, много слабых мест и образов (Юлька, Войнаровский и др.). Но вообще книга очень талантливая.

Зато Панфёрова под маловажным предлогом выкинули из редколлегии журнала «Октябрь». Шагиняны и толчёновы посрамлены. Недавно я увидел под стеклом розничной книгопродавщицы на улице роман-газету с надписью «Волга — матушка река». Увидев гнусное лицо Панфёрова, я испытал неприятное чувство, но успокоил себя тем, что вторая книга скверного романа вряд ли сможет появиться.

Деятели нашего культурного Возрождения — Сергей Антонов и Сергей Смирнов — признаны и почитаемы. Антонов переведён на китайский язык. На стихи Смирнова написана популярная песня:

«Ты обычно всегда в стороне, но глаза твои ясные светятся...»

Симонов выпустил новую книгу стихов о своём странствии за границей, откуда я знаю печатаемое везде прекрасное стихотворение «В гостях у Бернарда Шоу».

Фадеев пьянствует. Дни его сочтены. Близится Всесоюзный съезд писателей. На место Фадеева будет, вероятно, избран Леонид Леонов, роман которого «Русский лес! Широко рекламируется. Говорят, что Фадеев проводит вечера в ресторане на его улице: ночью подъезжает автомобиль, выводят пьяного Фадеева, и секретарь отвозит его домой. Итак, русская водка погубила ещё одного талантливого человека.

Недавно был исключён из ССП романист Вирта. Он вёл жизнь буржуа-стяжателя и превратил свою дачу в настоящее поместье. Грязная мошенническая проделка, которую он со-

вершил над лопухими руководителями сельского комсомола в районе его дачи, привела к опубликованию в «Комсомольской правде» фельетона «За голубым забором», имевшего скандальный успех. Почти в то же время изгнали из партии и из писателей маленькую группу литераторов, запятнавших себя пьяными дебошами или полулегальным развратом (один из них за короткий срок сменил четырёх жён). Типичные представители советской буржуазии в искусстве!

В скульптуре происходит то же самое. Там царит олигархия крупных деятелей, знаменитых стариков. В печати появлялись сведения о том, что эти знаменитые мастера (называли Манизера и, кажется, Меркулова) зажимают молодые таланты, не дают им помещений для работы, хищнически захватывают и аккумулируют в своих руках бесчисленные заказы, реализуя их с помощью «белых арапов», наёмников. Имена этих помощников остаются неизвестными, т.к. на цоколе коллективного произведения высекается одно лишь имя работодателя. Это настоящие художественные фабрики типа ателье Рубенса или романистской артели Дюма-отца. Эти олигархи — типичные советские буржуа. К тому же они крайние консерваторы; они варварски преследуют произведения, чуждые ортодоксальности нашего реализма (очень ограниченного). Так, по слухам, была разломана и пошла на техническое использование большая скульптурная работа Голубкиной (талантливой последовательницы Родена): оставили только голову статуи.

Консерватизм, ограничение свободы творчества стесняют развитие нашей живописи.

Но всё большее и большее число людей проникаются мыслью о необходимости радикальных перемен. Они ещё очень робки, эти люди: режим диктатуры и тайные суды ещё существуют, значит, существуют и злоупотребления, создающие опасность для инакомыслящих. Впрочем, все эти инакомыслящие, в том числе и я, стоят на платформе коммунизма и советской власти. Нужны внутренние реформы, правительство их осуществляет; значит, нужно поддерживать правительство. Крестьяне говорят, что им нужно бога молить за Маленкова.

[Кстати, я подписался на заём 1954 года. Подписка на заём теперь стала совсем не такой, как раньше: элемент морального принуждения почти исчез.]

Ещё о литературе. Шолохов печатает в «Огоньке» вторую книгу «Полнятой целины». Лучше бы он этого не делал. Страшная деградация таланта. Выведена масса новых персонажей, непрерывно следуют самые произвольные эпизоды. Великий русский писатель Шолохов, которого заслуженно приравнивают к Льву Толстому, умер в 1940 году, закончив свой бессмертный «Тихий Дон». Нынешний Шолохов — только призрак того великого писателя.

Однако в каждом номере «Огонька» я с неослабным вниманием читаю продолжение: что ещё скажет этот старик? Быть может, в путанном лепете вставшего в детство писателя блеснёт ещё вещее слово?

Пока не вижу.

3 июля. Жизнь чрезвычайно насыщена событиями. Происходят большие дела. Аграрная революция в Гватемале, заключающаяся в экспроприации и разделе земли американской United Fruit Co, видимо полностью подавлена наёмниками этой компании. Интервенцией и правительственным переворотом руководил специалист по таким делам, американский посол Джек Перифуа. Военная хунта вступила в переговоры с вожаком интервентов Кастильо Армасом. Полковник Монсон, пришедший к власти в результате pronunciamiento, запретил профсоюзы, распустил парламент Гватемалы и начал аресты демократических деятелей. Экспроприация земли остановлена. Кастильо Армас согласился считать полковника Монсона президентом Гватемалы в течение 15 дней. В городе Гватемала идут повальные аресты. Военная хунта направляет основной удар против гражданской милиции, созданной правительством президента Арбенса, свергнутого агентами Аллена Даллеса.

Народ Гватемалы (3.800.000 жителей) привык ненавидеть своих властителей из американской фруктовой компании. Теперь эти забытые люди начали разгибаться. В банановой республике завязались совсем нешуточные бои между сторонниками хунты и революционерами. Газета «New York Times» сообщила, что в районе Эскуинтла (около 50 км к югу от города Гватемалы) группы сельскохозяйственных рабочих, руководимые профсоюзным лидером Пельесером, роют окопы и готовятся оказать отпор войскам хунты. В важном гватемальском портовом городе Пуэрто-Барриос идут «ожесточённые бои» (сообщение Франс Пресс). По последним сведениям, полковник Монсон бросил все резервы против отрядов Пельесера. Партизанская война горит и в других районах Гватемалы. Сейчас 10 часов 45 минут по-местному. Передают последние известия. Послушаю радио и запишу новости из Гватемалы.

Ничего не слышно из Гватемалы. Видно, плохи дела. Подождём газет.

Американский миноносец захватил возле острова Тайвань советский танкер «Туапсе» (23 июня).

Женевское совещание заглохло. Министры разъехались. Чжоу Энь-лай прилетел в Дели. На аэродроме его встретил Неру. Индийский военный оркестр играл гимн Китайской народной республики. Чжоу Энь-лаю преподнесли букеты роз и гирлянды из живых цветов. Он пробыл в Дели три дня и опубликовал совместно с Неру дружественное заявление. Подобное же заявление он опубликовал вместе с бирманским премьером У Ну в Рангуне. Важнейшим результатом Женевского совещания был рост престижа Китая.

Вообще акции Азии непрерывно поднимаются, и Советский Союз в сотрудничестве с Индией и в союзе с Китаем образуют сильнейшую в мире коалицию. Несмотря на её неофициальный характер она выглядит прочнее, чем англо-саксонский блок с его Атлантической хартией.

Дней пять тому назад в нашей печати было официально объявлено о пуске в СССР первой в мире промышленной электростанции на атомной энергии. Кажется, её пустили 27 июня, и этот день одна польская или венгерская газета объявила началом новой эры. То же самое заявил профессор Иосио Фудзиоко, японский специалист по ядерной физике. США

и Англия планируют строительство промышленных атомных электростанций, но они будут завершены в 1956–1957 годах.

Лондонское радио сообщило, что объединённая комиссия американского конгресса по вопросам атомной энергии одобрила законопроект, разрешающий обмен с союзными нациями секретной информацией касательно исследований атомного ядра и позволяющий частным промышленникам использовать атомную энергию.

Законопроект был одобрен вечером 30 июня, вскоре после того, как в Москве было объявлено о том, что в СССР пущена в эксплуатацию первая в мире атомная силовая станция. Председатель объединённой комиссии конгресса Коул заявил, что он будет настаивать на немедленном одобрении конгрессом законопроекта, учитывая сообщение из Москвы.

Наши объявили тогда, что у нас будут строиться атомные электростанции мощностью от 50 до 100 тысяч киловатт.

Во Вьетнаме французские войска начали эвакуацию южной части дельты Красной реки. Южная часть дельты — важный стратегический и рисопроизводящий район Северного Вьетнама, площадь около 4.000 км², население около 2 млн. человек. Французы с боем отступают в район Ханоя и Хайфон. В Ханое тревожно. Гарнизон приведён в боевую готовность, танки патрулируют улицы города.

Наша шахматная команда выиграла у сильной американской команды 20:12. Сильнее всех играл Бронштейн. В сентябре в Аргентине состоится турнир нации, где будут представлены тридцать или более стран (по 4 игрока от каждой страны). Вот интересно будет посмотреть, кто кого. Сильными врагами будут аргентинцы (большой частью выходцы из Европы), американцы и югославы.

Конец июня стояла страшная жара. Температура превышала 33° в тени. В южных районах Башкирии начала гореть пшеница. Засуха была и на Украине. К своим родным в Харьков ездил один из сотрудников мамы. Он рассказывает, что в Харькове нечем дышать. Продукты очень дороги, настроение подавленное, чуть ли не паническое. Впрочем, сейчас у нас посвежело. Небо в тучах, падают короткие дожди. Быть может, и на Украине стало лучше?

Мы сохнем от жары, а на другой стороне земного шара обратное. В Мексике разлилась Rio Grande del Norte, погибло несколько сот человек, главным образом жители города Пьедрас-Неграс. Наводнение затопило к 1 июля около четвёртой части крупного города Нуэво-Ларедо в штате Тамаулипас. Считают, что 40.000 граждан осталось без крова. Многие жители городов Акуна и Пьедрас-Неграс укрылись на холмах, ожидая помощи.

30 июня произошло полное солнечное затмение. В газете «Правда» оно описывается так:

«Оживлённо было вчера в посёлке Аляты-пристань, в 75 километрах от Баку. На залитой солнцем площадке расположились научные экспедиции Пулковской, Ташкентской, Абастуманской обсерваторий, а также работники Академии наук Азербайджанской ССР.

В 16 часов 36 минут местного времени луна, надвигаясь, начала закрывать солнце. Постепенно землю окутали голубые сумерки, повеяло прохладой. Тёмный диск скрыл жаркие

лучи солнца, и в наступившей темноте засверкала солнечная корона. В небе появились звёзды, на нефтяных вышках зажглись огни. Но вот прошло около полутора минут, и вновь из-за чуть приоткрытого диска полился ослепительный солнечный свет. Благоприятная погода позволила астрономам успешно осуществить программу научных наблюдений полного затмения.

На площадке Пулковской обсерватории, под Ленинградом, как только началось солнечное затмение, группа учёных приступила к фотографированию этого интересного явления. Съёмки велись крупнейшим в Европе солнечным телескопом системы лауреата Сталинской премии Н. Г. Пономарёва. Удалось сделать крупные снимки профиля края луны».

В Уфе затмение было неполное. Я возвращался в седьмом часу вечера с реки, два раза брал у сидевших на солнце людей копчёные стёкла и посматривал. Неполное затмение почти незаметно, только тени становятся менее резкими, слабеет жар лучей.

Недавно я прочитал «Гроздь гнева» Джона Стейнбека. При всём мистицизме автора, особенно проявляющемся в окончании романа, это очень сильная книга. Суровый и грубый реализм. Книга действительно возбуждает гнев, зуд в кулаках, мечту стрелять в этих сволочей, угнетающих американцев, в шерифских понятых и полисменов, в банкиров и виджиянтов. Особенно эти виджиянты, линчеватели, взбесившиеся от страха собственники, их бы я резал своими руками.

[В Америке «Джоуды» — стало нарицательным именем разорённых фермеров. Сейчас процесс продолжается. Лето 1953 г., принесённые им стихийные бедствия, сильно умножили число Джоудов. Гроздь гнева растут, вот где зародыш американской революции.]

Вчера мы с товарищем, Юркой Поройковым, перебрались через забор сада имени Луначарского и в летнем театре смотрели водевиль Дыховичного «Свадебное путешествие», постановка Куйбышевского ТЮЗа (на гастролях в Уфе). Водевиль хорошо рисует облик и повадки московской студенческой молодёжи (хотя герои — аспиранты). Сильная сатира на сверхмодные танцы (так называемые «стильные»). «Профессор, танцуете вы стилем?» И два весёлых аспиранта, которые разыгрывают из себя «стиляг» — развратников и алкоголиков, откалывают залихватские буги-вуги, с самыми дикими фигурами.

Зрительный зал восторженно аплодирует. Стильные танцы клеймит сатирическая литература, но вся молодёжь в центре их танцует (буги-вуги, суперфокстрот и т.д.). Даже в новом варианте бесконечной блатной песни «Гоп со смыком» есть строки:

«... а потом сидим в отеле, пляшем ультрафокс под барабан».

Все нездоровые явления среди молодёжи объясняются её малой занятостью. У нас сейчас наблюдается «перепроизводство умов», как говорят на Западе. Вузы не вмещают выпускников школ. В этом году 40 % выпускников попадут в вузы. Сто тысяч десятиклассников будут приняты в техникумы. Остальные пойдут на различные сельскохозяйственные и промышленные курсы. Правительство принимает меры к ликвидации незанятости учащейся (или учившейся) молодёжи. В Уфе создана комиссия такого рода.

Как крепко врезалась наша Отечественная война в память народа. Девять лет прошло с тех пор, а люди ещё думают и говорят о ней. «Во время войны», «до войны»... Как она вломила и пересекла всю нашу жизнь! Народ живёт от одного сильного до другого. Сильнее войны ещё не было впечатления: не было и равного ему. Недавно шёл я по улице. По солнцепёку брели полубнявшись два подвыпивших рабочих, они взволнованно и громко вспоминали какие-то общие бои, Калач, Сталинград. В июне я разговаривал с одним сельским учителем, участником войны. Простые и грубые впечатления войны, далёкие от официального лоска, глубоко волнуют меня. Простые слова: «Перед войной хлеб стоил 70 копеек килограмм». До сих пор не поднялись до этого уровня. Он рассказывал, как при осаде Будапешта наши войска захватили винные склады, вернее, заняли на них позиции и что вышло из этого. Вино это пили без конца, и многие, в состоянии опьянения, погибли дурной и ненужной смертью. Рассказывал, как расстреливали перед строем молодых ребят, дезертиров. Выстроены все войска, военный прокурор читает приговор, выходят автоматчики. «По изменникам родины — огонь!» Это было сильно.

Один лётчик рассказывал, какая страшная отсталость царил в начале войны в нашей авиации. «Мессершмиты» крошили наши самолёты без числа. Во время воздушного боя на землю сыпались обломки наших самолётов, которые разваливались в воздухе: они были сделаны из фанеры и досок. Сколько наших лётчиков погибло на этих машинах! Наши лётчики уже тогда были лучшими в мире, но машины были очень плохи. Деревянные самолёты вспыхивали в воздухе от одной зажигательной пули. В немецких листовках осмеивалась эта фанерная авиация.

Использование авиации в современной войне.

Ломоносов. Циолковский. Жуковский. Чаплыгин.

Перед самой войной Туполев сконструировал сильный штурмовик, но его проект бюрократы тянули. Он продал свою машину немцам и сам хотел отправиться в Германию. Его и его провожатых задержали на аэродроме. Агентов расстреляли, Туполеву дали 20 лет «курорта». Но было поздно: немцы начали строить грозные штурмовики под маркой «Мессершмит».

Началась война. Наша авиация была из рук вон плоха. Немецкая авиация подавила нашу. Войска и население бежали от немецких бомб. Наш бомбардировщик «ДБ-3» был четырёхмоторный гроб. Чаплыгин развил кипучую деятельность. Вспомнили, что в Туруханском крае «отдыхает» Туполев. Его в течение трёх дней привезли в Москву и предложили создать в течение трёх месяцев машину сильнее «Мессершмита». Он ответил, что создаст машину в течение месяца. За 20 дней был готов грозный пикировщик «Ту-2». В декабре 1942 г. Чаплыгин умер, но большая группа конструкторов (Лавочкин, Ильюшин, Петляков, Поликарпов и др.) продолжала его деятельность.

В начале войны вся наша дальняя бомбардировочная авиация — неуклюжие, малоподвижные «ДБ-3» — была уничтожена. Против первого Укр[аинского] фронта немцы сосредоточили 20.000 самолётов. Но к 1943 г. наша авиация завоевала превосходство в воздухе.

К концу войны у нас была могучая воздушная армия. Появились реактивные самолёты (конструктор Микоян).

Реактивную авиацию можно было использовать гораздо шире, была возможность, но этому мешало тогдашнее руководство. Всей нашей авиацией командовал маршал Новиков. В 1945 г. он приказал доставить себе из Берлина на транспортном самолёте корову. Самолёт потерпел крушение, погиб весь экипаж — пять человек. Случай этот вызвал расследование. У маршала было несколько дач, за ним водились грязные дела. Это он искусственно заморозил развитие реактивной авиации. Маршала Новикова разжаловали в рядовые и послали на «лесозаготовки». Он до сих пор «занимается лесной промышленностью».

За годы войны наша авиация уничтожила 75.000 вражеских самолётов.

В 1942 г. первый налёт на Берлин — 3.000 советских, английских и американских самолётов. В 1943 г. был налёт на Берлин с участием свыше пяти тысяч самолётов.

(Сей листок прилагаю к дневниковой записи 3 июля в виде примечания к последним её строкам).

6 июля. Вот некоторые детали того, что произошло в Гватемале. После революции 1944 года, когда был свергнут американский ставленник диктатор Убико, республика стала на путь буржуазно-демократического развития. В 1950 г. президентом был избран Хакобо Арбенс, выходец из буржуазно-помещичьей семьи. Правительство Арбенса, по словам президента, ставило своей целью «превратить Гватемалу из страны отсталой с доминирующими в ней феодальными отношениями в страну современную и капиталистическую». Программу правительства поддержали широкие слои народа. В июне 1952 г. был принят закон об аграрной реформе: необрабатываемые земли крупных землевладельцев переходят в собственность государства и сдаются в аренду, либо подлежат распределению между безземельными крестьянами. Землевладельцы получают возмещение за отобранную землю. В результате реформы у компании «Юнайтед фронт» было отобрано около 160.000 га земли. Другим результатом были выборы 1953 года в гватемальский однопалатный парламент — Национальное Собрание: Демократический фронт Гватемалы получил на этих выборах 51 место из 58. Вся America Latina восторженно приветствовала Гватемалу. Почва задрожала под ногами гринго. Капитал выпустил когти. В соседних с Гватемалой государствах: Никарагуа и Гондурасе — политические эмигранты из Гватемалы организовали разрозненные банды наёмников. «Армию освобождения» возглавил беглый гватемальский офицер полковник Кастильо Армас. Всё «освобождение» и поднятая Кастильо Армасом война явилась типичной банановой войной, во всех речах и действиях инсургентов сквозили зелёные спинки американских долларов. 18 июня войска «освобождения» вторглись в Гватемалу из Гондураса. Кастильо Армас объявил, что его целью является свержение нынешнего правительства Гватемалы.

Он мог бы и добавить: и возвращение 234.000 акров земли, конфискованных у «Юнайтед фронт К°», которая их не обрабатывала. [А прогос: крупными акционерами банановой компании являются государственный секретарь Джон Фостер Даллес, военный министр

США Роберт Стивенс, министр торговли Синклер Уикс, бывший помощник государственного секретаря по межамериканским делам Джон Кэбот.]

Мятежники вторглись в страну с востока, из Гондураса. Они похвалялись вступить 25 июня в город Гватемалу. Одновременно нападение началось с моря, в районе портов Пуэрто-Барриос на севере и Сан-Хосе на юге. Самолёты без опознавательных знаков, но американского производства (типа «Р-47») обстреливают из пулемётов и бомбят столицу. Самолёты врага пытаются поджечь бензохранилища в Сан-Хосе и Пуэрто-Барриос. Арбенс выступает по радио с призывом к населению. Иностранные самолёты сбросили оружие в районе города Вильяканалес, в 18 км от столицы республики. Крестьяне собрали оружие и передали властям.

19 июня нью-йоркские газеты под огромными заголовками сообщили о нападении на Гватемалу войск из Гондураса и Никарагуа. Обозреватель Макс Лернер, накануне вернувшийся из Гватемалы, писал в «New York Post»:

«Ожидавшийся военный удар по гватемальскому правительству нанесён. Давно ожидавшаяся развязка наступила. Это не слабый мятеж, а хорошо запланированное и обильно субсидируемое вторжение. . . США — против режима Арбенса и полны решимости использовать любые возможные средства, чтобы заменить его. . . Кастильо Армас не смог бы собрать и оснастить армию без больших субсидий, повидимому, от «Юнайтед фрут компани» и крупных владельцев кофейных плантаций».

Завязались бои. Мятежники не смогли захватить Пуэрто-Барриос, через который должны были получить помощь. Решающих успехов Кастильо Армас не добился. Тогда американский посол в Гватемале Джек Пэрифуа развил кипучую деятельность. Он встречался с высшими офицерами гватемальской армии, беседовал с министром иностранных дел Ториэлью. 27 июня Пэрифуа встретился с Ториэлью и обещал добиться прекращения военных действий, если будет проведена «полная чистка» правительства. Затем посол встретился с главнокомандующим гватемальской армией полковником Диасом и другими представителями армии. После совещания с Пэрифуа, которое длилось целый день, полковник Диас и два других полковника посетили президента и заявили ему, что он должен уйти. Арбенс был возмущён, но оказался бессилён против ультиматума армии.

[К этому моменту интервенты произвели усиленную террористическую подготовку с воздуха. Массированные налёты на город Гватемалу и др. города отличались большой жестокостью. Из города Гватемалы сообщали, что на улицах города «валялись трупы, и хищные птицы поедали их».]

Вечером 27 июня Арбенс объявил по радио, что уходит в отставку и передаёт руководство правительством гватемальскому главнокомандующему полковнику Карлос Энрике Диасу. После этого Арбенс эмигрировал из страны. Диас объявил себя «главой государства». К власти пришла военная хунта во главе с Диасом, который первым делом издал декрет запрещения Гватемальской партии труда. Но и Диас чем-то не потрафил хозяевам: 29 июня свергли и Диаса. Радио Гватемалы сообщило, что военная хунта полковника Диа-

са вышла в отставку. Один из членов хунты, полковник Монсон, сформировал новое правительство, арестовал полковника Диаса и объявил амнистию всем «антикоммунистам», арестованным «при режиме Арбенса». Новая военная хунта объявила о роспуске Национального собрания и запрещении конфедерации трудящихся Гватемалы. Монсон приказал арестовать всех членов партии труда и закрыть газету «Трибуна популар». Монсон остановил действие аграрной реформы и заявил о своём намерении начать мирные переговоры с Армасом.

В тот день, когда в Нью-Йорк пришло известие о перевороте 27 июня в Гватемале, на нью-йоркской бирже поднялись акции «Юнайтед фрут К^о».

Главарь мятежников и слышать не хотел о том, чтобы делить с кем-нибудь власть. Но он прекратил военные действия. 30 июня начались мирные переговоры при посредничестве представителей США и Сальвадора.

Утром 2 июля, в Сан-Сальвадоре, во дворце сальвадорского президента, Монсон и Армас в присутствии Перифуа, который действовал в качестве «советника» (т.е. укротителя), заключили соглашение, предусматривающее создание правительства в составе трёх человек: Монсон (глава), Диас и Армас.

В Гватемале начались народные восстания против хунты. В районе Эскуинтла (Эскуинтла — станция железной дороги Гватемала — Сан-Хосе) действуют вооружённые партизаны под руководством Пельесера, одного из лидеров гватемальской партии труда. Хунта направила туда большую часть своих резервов, в том числе два танка.

Сейчас передали по радио, что все тюрьмы Гватемалы забиты доотказа членами Гватемальской партии труда. Строятся новые дома заключения. «Охота на коммунистов» продолжается.

12 июля. Понедельник.

Надо записать несколько слов и о своей жизни.

В это лето я решил немного заняться своим физическим развитием. Езжу на реку, купаюсь и загораю. Поллюбил грести, но гребу ещё плохо, к тому же мозоли не сходят с рук. На каникулы приехало из Москвы и др. городов много старых друзей, ныне студентов, с которыми кончал я школу. Приехал в отпуск со службы наш весёлый музыкант, хулиган и вор Женька Маринцев. Он служит «в Артуре». Там один китаец замечательно «расколол» его. На правой руке выколот земной шар и на вершине его, где-то около северного полюса, возвышается парусник, под картинкой — SOS (!) На груди плывущий по волнам современный линкор, над ним замечательно тонко выколоты края облаков. Они даже не выколоты, а сделаны как-то иначе (он говорил, что при помощи струн). Наконец, на левой руке у Женьки китаец выколол по-английски: I KNOW WHAT IS LOVE («Я знаю, что такое любовь».)

Это оригинальная татуировка, а то обычно каждый сопляк выкалывает якорёк на руке, между большим пальцем и фалангами пальцев, своё имя или инициалы, а на плече — кудрявую женскую головку, иногда даже с подписью: «Зина». На руке официантки в столовой

я прочёл синие буквы: «Маруся». Один маленький мальчик спросил маму: «У дяденьки написано имя на руке, чтобы он не потерялся, да?»

О татуировке: простой народ любит её. Очень многие, даже отупелые и жестокие уголовники, выкалывают себе на плече сентиментальный домик с кудрявым дымочком. «Не забуду родного дома». «Не забуду мать родную». Стаська Суцевский, у которого на груди выколот реактивный самолёт, описывал мне такую картинку на живом теле: скамья подсудимых, на ней сидит «я» — обладатель татуировки, а по сторонам два часовых с примкнутыми штыками. Или ещё: овал с надписью «Вот что нас губит». В овале — нож, колода карт, бутылка и женская головка. Сплошь и рядом попадаются русалка, голая женщина, девушка со скрещёнными ногами, девушка с гитарой, меч, обвитый змеей, глобус в градусной сетке, трёхмачтовый фрегат на всех парусах и тому подобная чепуха. Всё это дьявольски забавно. Максим дю Кан, известный реакционер, в своём любопытном труде о Париже, описывал татуировку одного каторжника, бежавшего из Кайенны. На лбу его были слова «Всё тот же без печали», на груди «Да здравствуют дети Парижа!» На правой руке был выколот мушкетёр и ключ «Ко мне!» На левой руке — «Нет товарищей на улове» и бюст женщины с именем — «Амвросия». На кисти левой руки: «Нет пощады дворянам, смерть обществу!» На левой стороне груди — кинжал, на пахе — солдатский шеврон, на поясище — незаконченная фигура.

Много таких картинок можно увидеть на пляжах. Стоит жара, небо выцвело от жары. Пиво разбирают с боем, квас — и за тем стоят очереди. Сколько красивых ножек, загорелых тел! Вчера я чудесно провёл воскресенье на Дёме и на Белой. Товарищ взял с собой литровую бутылку красного вина, яблочного какого-то, но пуце вина веселила нас молодая женщина по имени Тамара, красивая, пышная и упругая, вся в мелких завитых локонах, с лукавыми женскими глазами в медовых и хитрых морщинках. Она мне понравилась, но я юн и робок (впрочем, я вырос за зиму и ещё расту). Моя робость носит сознательный характер, это скорее разумное невмешательство. Тамара эта — газетчица (она работает в молодёжной газете «Ленинец»). Ребята мои — Ильгиз Каримов и Ирик Сулейманов — забавлялись с ней во-всю.

Недавно мне на улице попала женщина такого же типа, только моложе Тамары, но с такой же завивкой, волосы такого же цвета, хмельные лукавые глаза и насмешливо сжатый, удлинённый рот с дерзкими значками в уголках губ. Невольно, глядя на шею женщины, на полуобнажённую руку с часиками и на голые ноги в босоножках, представляешь её в «естественном состоянии».

Ребята. Приехавшие из Москвы, много рассказывали нового. Знаменитый коктейль-холл, около которого выстраивались очереди богатеньких сынков и пёстрых дочерей буржуев, уже закрыт: его «зарубили» в центральных газетах, особенно в «Комсомольской Правде», нашей постоянной обличительнице. Помню на последней странице «Крокодила» убийственную сатиру Бориса Ефимова: на высоком табурете перед стойкой сидит малолетний алкоголик в модном костюме, держа папиросу двумя пальцами, оттопырив безымянный

с перстнем и выпуская струю дыма. На стойке — сосуд с коктейлем, в котором торчит соломинка, пачка соломы в стакане, графин с напитком. Форменный швейцар, в синей ливрее с медью пуговиц, в адмиральской фуражке, почтительно вытянулся перед сопливым смакователем коктейля (у того осовелые с сизыми мешками) и докладывает: «Звонила ваша мама. Она хотела узнать, приготовили ли вы уроки?»

Московские стилиги носят брючки, как водопроводные трубы, длинный пиджак, застёгнутый на одну пуговицу, китайские шёлковые галстуки с красивыми цветами или контрабандные западноевропейские, на которых напечатан велосипед, жираф, бюстгальтер или «просто» голая женщина.

Нарик Ахмеров однажды увидел на улице автомобиль американского посольства и в числе других зевак подошёл осмотреть его. Внутри он прочёл знакомое слово Coca-Cola. Видимо, эта реклама проникла в частновладельческие автомобили.

Появляются понемногу новые литераторы. Нора Аргунова опубликовала хорошую, хотя и неглубокую повесть «Двери открыты настежь» (жизнь продовольственного магазина). В последнем номере «Огонька» я прочёл чудесный оптимистический рассказ Нагибина и Тисова «Четунов, сын Четунова». Несомненные признаки Возрождения, но хотелось бы ускорить, подтолкнуть его. Пишутся хорошие, честные вещи, правдиво рисующие жизнь, но их ещё мало.

В Гватемале «победители» передрались. Кастильо Армас сместил Монсона и единолично захватил власть.

В Европе происходят страшные стихийные бедствия: дожди, снегопады среди лета. Дунай разлился на огромные расстояния: большие разрушения, много жертв.

Надо пойти искупаться.

29 июля. Лето кончается.

Скоро я поеду в Харьков, к родным, повидаться.

30 июля. Начинаю готовиться к отъезду. Принёс сегодня из ремонта полуботинки, купил ремешок к часам. Вчера проводил Гебу, который уехал на экскурсию в Ленинград. Завидую ему. По временам становится страшно: как бы жизнь не пронеслась мимо!

В журнале «Знамя» печатается прекрасный роман Николая Чуковского «Балтийское небо», где описывается воздушная война над заблокированным Ленинградом. Чем-то невидимым и неосязаемым роман напоминает хорошую повесть Анатолия Рыбакова «Водители». Каж

Вот меня оторвали от дневника, и я уже не помню, что хотел написать, что за «каж»... Ну, хрен с ним. Нужно записать самое главное, что произвело на нас впечатление: Женевское совещание закончилось подписанием соглашения о прекращении огня во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Мендес-Франц, Иден, Молотов и Чжоу Энь-лай пришли к соглашению без участия Америки. Братья Олсон писали в «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Соотношение сил во всём мире всё быстрее и стремительнее складывается в пользу Кремля и против Запада».

21 июля были подписаны соглашения о прекращении огня, а уже 19 июля на Уолл-Стрит начали падать акции. Наибольших размеров падение курсов достигло 20 июля. Особенно сильно упал курс авиационных компаний.

В день авиации с самолётов бросали листовки, посвящённые этому празднику. Говорят, что в их числе были какие-то антисоветские. Мне что-то не верится.

2 августа. Который раз уж меня оторвали от дневника. Наконец, я смог к нему вернуться.

Сейчас самое животрепещущее явление в жизни Москвы и Ленинграда — стилиаги. Стилиага — экзотическое животное с причёской à la Тарзан: длинные волосы, подвитые на шее. «Шевелюра блестит бриллиантовым глянцем», как говорилось в одном стихотворении, помещённом в «Комсомольской правде» ещё два-три года назад. Мало того, что стилиаги завиваются: недавно наши спортсмены, ездившие в Москву на физкультурный парад (мне рассказывал гимнаст Аристархов), видели троих стилиаг, за которыми шла толпа людей — такое они возбуждают удивление. На этих троих были «огромные, длинные пиджаки», какие-то «мохнатые» или «лохматые» по выражению Юрки Аристархова, с огромными ватными плечами; брюки в дудочку, узенькие, коротенькие, другого цвета, чем пиджак; под брюками наполовину виден носок, и башмаки на очень толстой подошве. У этих стилиаг были длинные завитые волосы, седые — крашенные — височки, так рассказывал Юрка Ар., и размалёванные брови и ресницы, как у женщин. Каждый нёс, перекинув через руку, стэк.

Стилиаги — контрреволюционеры в области культуры и быта. По своим идеологическим симпатиям они тяготеют к романтике англо-саксонского империализма. Золотые джунгли Америки грезятся им, как недостижимый идеал. В Ленинграде стилиаги окрестили Невский проспект Бродвеем. Это переименование приобрело большую популярность в сокращённом виде: Брод, по ассоциации с русским глаголом бродить. В Ленинграде сейчас все говорят: «Иду на Брод». В журнале «Смена» № 9 за 1954 год напечатан небольшой, но едкий рассказ (фельетон) о московских стилиагах-студентах В. Архипенко «Перуанский галстук». В этом фельетоне стилиаги называют друг друга Серж, Владек, Тонни. «Привет, сэр! Я к тебе по финансовому вопросу. Маленькая просьба — сотню, только до утра». «Мне необходимы пиастры, и притом позарез». Когда стилиага приходит на вечер в Мединститут, друзья приветствуют его: «Тонни! Гуд ивининг!»

Длиннейшие пиджаки с обвисающими от избытка ваты плечами, с закруглёнными снизу бортами, с огромными карманами на бёдрах. . . Ленинградские стилиаги носят узенькие клетчатые брючки с разрезами внизу, застёгнутыми на жёлтые пуговицы. Эти разрезы на брюках — мужская аналогия к тем разрезам на юбках, которые мода окрестила «не те-рай надежды» или грубее — «мужчинам некогда».

Женщины все поголовно стригутся. Школьница кончает десятый класс, обрезает косы, делает себе завивку, какой-нибудь «венчик мира», и начинает чувствовать себя женщиной. Надо сказать, загорелым полным рукам очень выгодна мода на безрукавные платья.

Короткие узкие юбки с разрезами туго обтягивают бёдра, в них, должно быть, неудобно ходить.

Народ не любит стилияг. Простые ребята, рабочие, студенты, спортсмены, презирают этих модников с ватными плечами, не упускают случая избить их. В Ленинграде, в институте имени Лесгафта, в прошлом или позапрошлом году студенты-спортсмены зазвали на вечер через своих девушек большую группу стилияг и жестоко избили их. В это лето, как мне рассказывал Шурка Охотников, студенты Москвы не раз выходили на улицу Горького, чтобы избивать стилияг. Увидев сзади спину в модном пиджаке и причёску а ля Тарзан с завивкой, они с нарочитой неловкостью задевали или грубо толкали стилиягу; и стоило тому дать выход своему возмущению в двух-трёх неосторожных словах, как в ход пускаются кулаки. Несколько коротких ударов, на горизонте показывается милиционер, но когда он прибывает к месту инцидента, нарушители уже далеко.

Стилияги отнюдь не беззащитные агнцы, они, подобно Максиму дю Трай у Бальзака, представляют собой блистательное связующее звено между каторгой и высшим светом. Один из ребят нашего выпуска, ныне студент Военно-механического института в Ленинграде, Витька Иванцов, рассказывал мне о таком случае минувшей зимой. Один институт устраивал большой вечер во дворце культуры имени Кирова. В ходе вечера двое стилияг порезали студента. Народ был дружный, не растерялись: поставили у выхода самых сильных парней и обыскивали выходящих. Если верить Витьке Иванцову, было отобрано четыре револьвера и восемьдесят ножей. Один из тех, у кого нашли револьвер, был сын генерала, красивый, симпатичный парень, но типичный стилияга.

Борьба с этой враждебной культурно-бытовой формой принимает всё более организованный характер. В Москве стилияг начинают зажимать. Они уезжают за город на электричках и там, на верандах своих дач, пляшут свои гнусные танцы под барабаны и саксофоны.

В Москве и Ленинграде очень большое распространение получили в последнее время комсомольские патрули. Патруль комсомольцев получает свою определённую зону, ему подчиняется находящийся здесь дежурный милиционер. Патруль препятствует хулиганам с их девками спекулировать билетами возле кино, упорствующих отправляет в милицию. Нередко в отделения милиции попадают и стилияги; комсомольские патрули ходят и фотографируют стилияг, чтобы потом поместить фотографии в газетах. Порою эти патрульные применяют другой вид борьбы со «стилем»: увидев пижона с длинными волосами (а ля Тарзан с завивкой), комсомольцы хватают его, вырезают ему хорошую прогалину в его космах и отпускают со срамом. После этого стилияга волей-неволей вынужден остричься.

В ленинградской молодёжной газете «Смена» был напечатан дневник девушки-стилиаги. Это подлинный документ, где цинично записаны какие-то грязные любовные истории. Стиль и язык дневника: «Вечером вышла, прошвырнулась по броду». — Это значит по Невскому. Вообще центральные газеты (за исключением общесоюзных) пишут об этом в каждом номере.

6 авг[уста] 1954 г. 3 августа 1954 г. выехал из Уфы. В пятницу 6 авг[уста] 1954 г. приехал в Харьков. Поезд № 52 (нет, в сторону Харькова только нечётные поезда) — т.е. № 51.

Замечательный парень, Владимир Гермининов, музыкант (кларнет) из приличного оркестра в Челябинске. Он ехал в отпуск в Ворошиловград к родителям. Поедет обратно в конце августа. Хорошо бы опять вместе.

Замечательная девчонка (жаль, что слишком молодая). Аллочка. С характером, но ровная, спокойная, очень славная. Её адрес: город Енакиево, ул. Межевая, 75, Завалецкая А. А. Старшая сестра красивее её, но адски глупа и все задатки проститутки.

Впечатления дороги: горизонт в голубой дымке и голубой контур старинной церкви. Поезд мчится, мимо пролетают кусты и деревья, а церковь на горизонте всё на прежнем уровне, словно едет параллельно поезду. Так минуты три.

Переехали Дон. Он там неширок. Я курил на площадке вагона и глядел вниз. Двое бронзовых молодых людей гребли в лодке. В вагоне стояла удушливая жара, и я подумал: «Вот бы сейчас искупаться!»

Около линии валялись сменённые шпалы, почерневшие, старые. Они были разбросаны, как куриные косточки после обеда.

Видел мосты, элеваторы, колхозные поля, деревни. На одном мосту было высечено: «1936 г. НКПС». Мимо проезжали пассажирские и грузовые поезда. Последние везли лес, комбайны, грузовики, трактора, цистерны с нефтью (это ещё в Приволжье) и прочее. Видел города, станции. Лиски напомнили мне Уфу своей зеленью и небольшими домиками. Видел я и разных людей.

Но с особенным удовольствием я вспоминаю эту Аллочку, загорелую крепкую девочку лет пятнадцати, ехавшую с острова Сахалина. Чудесная дикарка с большими строгими глазами; когда она улыбается, то глаза аж сияют и верхняя губа слегка вздёргивается, словно заворачиваясь вверх. Зубы у неё очень красивые. Нам всем она понравилась гораздо больше её сестры — типичной сельской красотки, которая разыгрывает из себя жеманную городскую барышню, но между тем непрочь до трёх часов пообжиматься в тамбуре с любым моряком или военным.

С Витей я сегодня ходил в кино на «Весёлые звёзды». Харьков хорош. Женщины выглядят лучше, чем в Уфе. Кстати, я никогда раньше не слышал про мужской маникюр.

8 августа. Воскресенье. Вчера ездили на пригородном поезде в Южный посёлок купаться. Плохо в Харькове с купаньем. Идти было далеко, и купались в пруду. Настроение хорошее. Сегодня думаем пойти на «Динамо». Там начнётся всесоюзное первенство «Динамо» по лёгкой. В первенстве участвует команды Уфы. Там у меня есть знакомые и один товарищ, Коля Костин, спринтер. Эта команда ехала в одном поезде со мной.

Познакомился с витиным товарищем Фимкой.

14 авг[уста]. Жизнь довольно однообразна. Ходил ещё раз с Витей в кино, смотрел старый голливудский фильм «Таинственный беглец». С точки зрения истории это страшная чепуха, но мне очень нравится герой фильма. Замечательную песню поют ссыльные в трюме

корабля, везущего их в Новый Орлеан. Весёлые и страшные приключения этих ссыльных, моряков и полупиратов, во главе с герцогом де Вивье, он и есть «таинственный беглец», т.к. скрывается под маской простого колодника. Романтические эпизоды освобождения заключённых, мятежа, рукопашного боя на корабельной палубе, много непритязательного американского юмора. . . По-настоящему красив финал. Видимо, в Голливуде была когда-то и пора здорового цветенья.

Купил в магазине и прочёл L'argent Золя, прекрасное московское издание, по-французски.

Был с Витей на танцах. Здесь танцуют на площадях под открытым небом (черта коммунизма). Много здоровых загорелых девушек. Южане — весёлый обаятельный народ. Обилие соломенных шляп и украинских рубашек с вышивкой, с короткими рукавами, воротник прямой и завязывается шнурочком.

Архитектура Харькова (в центре города) — типичный советский классицизм. Домов, выстроенных со вкусом, очень мало. Красивые фонтаны.

В Харьковском музее я видел портреты Петра Великого, Кочубея, харьковского осадного Харько и т.д. Есть картины Брюллова и Шевченко. Вариант репинских «Запорожцев». Статуи Коли Руднева и Зои Космодемьянской. Картина двух местных художников «Голос мира»: широкое полотно с изображением Андрея Януарьевича Вышинского, выступающего в Организации Объединённых Наций.

16 августа. Понедельник.

Вчера ездили купаться в Южный посёлок, хорошо покупались в том же пруду, позагорали, дьявольски устали. Когда мы с Витькой возвращались домой одиннадцатой маркой трамвая и вагон переезжал через мост, вправо и влево от нас проплыла отвратительно зелёная Лопань, в которой, как лягушки, копошились лодки и даже (о, ужас!) в просвете между облаками ряски плавала настоящая живая человеческая голова — совсем как винная пробка в закиснувшей старой луже.

Девчонка, которую Витя подцепил на танцах и возил в Южный, жила прежде во Львове и водила знакомство с поляками, тамошними уроженцами. Они были очень враждебно настроены к советским людям, к России и т.д. Польские богатенькие сыночки, рассказывает девчонка, носят капроновые носки.

В Харькове у стилига бывают галстуки с атомными бомбочками.

Чтение двух совершенно разных книг — «Преступление и наказание» и «Времена года» Веры Пановой — навело меня на мысли о колорите эпохи. Современный человек живёт на заводе, в конторе, в учреждении; в доме, на даче, в общежитии, на курорте; живёт в трамвае, в автобусе, в троллейбусе, в метро и в электричке; живёт в вагоне железной дороги.

В железнодорожном вагоне он пьёт от скуки вино, играет с соседями в карты и в козла, рассказывает бесконечные железнодорожные истории и анекдоты, поёт песни, флиртует с попутчицами.

В трамваях рабочих маршрутов, которые переполнены рабочими одного завода, молодёжь не платит за проезд.

В московском метро и даже в трамвае читают книги и газеты. Почтенные женщины, увлекшись романом, проезжают свою остановку.

Большую часть времени современный человек проводит в столовой.

Существуют также парк, стадион, бильярдная, танцплощадка, библиотека, читальня, шахматный клуб, водная станция и вышка для прыжков в воду.

Нужно, справедливости ради, упомянуть ещё тёмные притоны с проститутками, рестораны и отделения милиции.

С другой стороны — театр, кино, симфоническая музыка, дипломатические приёмы.

В Харькове ещё не вполне остыли следы войны. В центре города есть ещё разрушенные дома, до которых не дошла ещё очередь. Есть дома, отстроенные наспех и имеющие довольно безобразный вид. На кирпичной стене, обращённой во двор, где я живу, ещё не стёрлись огромные, грубо выведенные извёсткой лозунги: «Да здравствует наша Всесоюзная Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор великих побед Красной Армии! Смерть немецким захватчикам!» И вторая уже почти смытая: «Да здравствует наша великая Родина!» Мне рассказывали мои родные, что когда они приехали в 1945 году в Харьков, эти надписи были везде. Ими встречал Харьков приход советских войск.

Две фамилии очень часто встречаются на улицах Харькова: Зайцев и ещё какая-то другая. Это фамилии офицеров-сапёров, которые обезвреживали минированные дома. Только что, сходя с трамвая, я увидел на серой каменной стене большого дома на улице Пушкина два выщербленные крест-накрест топора и под ними надпись: «Мин не обнаружено. Зайцев. 24 VIII 43». Такие надписи («Мин нет. Зайцев») попадаются на многих домах.

В большом харьковском парке (имени Горького), в его глухой части, земля ещё очень неровна, бугры, ямки, выбоины. Это старые окопы, которые за одиннадцать лет уже почти совершенно засыпались и сравнялись.

Мне нравятся харьковчанки. В них больше огня и жизни, чем в наших северных девах. Преобладают полные женщины, но это не закон. Вот и сегодня в трамвае я видел стройную женщину в ярком платье — смуглая, жгучая брюнетка, волосы, брови, глаза — как безлунная ночь; в красивой руке она держала белую сумочку; у неё крепкие сильные ноги; губы тщательно выкрашены светло-красной помадой, и великолепным контрастом с этой неживой краской на верхней губе лежит чёрный дымок — «усики». Эти усики считаются признаком сильного темперамента. Не женщина, а южная поэма.

Затем на улице прошла с матерью девушка в белом, хорошо сложенная, очень молодая и рослая, с открытыми по моде руками. У неё живые карие глаза и свежие полудетские губы; самолюбивые, но весёлые губы; и от губ до носа расстояние несколько велико, но эта диспропорция ей к лицу. Она задержала на мне томный от жары взгляд и, выходя из тени на солнце, кончиками пальцев чуть поправила белую шляпу.

17 августа. Смотрел фильм «Шведская спичка» (по А. П. Чехову).

Оказывается, я ошибся: лозунги на харьковских стенах писали не жители, а войска. В доме, где я живу, стояла воинская часть.

2 сентября. Учусь на втором курсе института. В августе 1954 сего года провёл двенадцать дней в Харькове. Выехал оттуда 25-го. Харьковские записи прилагаю на этих листках.

Хочу занести на эти страницы кое-какие новости, интересные для каждого гражданина.

Во-первых, французский парламент отверг договор о европейском оборонительном сообществе. Даллес назвал это голосование «несчастьем». На нью-йоркской бирже произошло резкое падение курсов. Весь советский народ с удовольствием аплодирует в честь Франции. Ещё один петушиный крик, которого так боится призрак войны.

Латинская Америка становится беспокойным материком, очевидно, она следует вслед за Азией в очередном порядке мировой революции. В Бразилии произошёл государственный переворот: президент Варгас, выражавший интересы национальной буржуазии, покончил с собой. Около его тела было найдено письмо, где содержится ссылка на «опозицию за границей» мероприятиям правительства «в области нефти и электроэнергии». В своей деятельности, направленной на то, чтобы помочь «маленькому человеку Бразилии», президент сталкивался лишь с «оскорблениями, обвинениями и клеветой», в то время как оппозиция пыталась заставить его замолчать.

Президентом стал Кафэ Фильо, бывший вице-президент. Все министры Варгаса ушли в отставку кроме военного министра (генерал Да Коста). У американского посольства, находящегося под охраной войск, произошла демонстрация: солдаты и полиция стреляли в народ, демонстранты перебили камнями окна посольства. Всё это происходит в последней декаде августа. В Порто-Алехре и Бело-Оризонте демонстранты нанесли ущерб американским консульствам; кроме того, в Порто-Алехре они ворвались в здание филиала «National City Bank of New-York». В Сан-Пауло демонстранты напали на помещение, принадлежащее «United States shoe machinerie corporation». В Порто-Алехре бразильские войска стреляли в народ: трое демонстрантов убиты, десять ранены.

Кафэ Фильо — друг американцев и сторонник американских капиталовложений в Бразилии, чему Варгас пытался поставить предел. Министр авиации генерал Эдуардо Гомез тоже сторонник американцев. Вождь бразильской компартии Луис Карлос Престес, тот самый «рыцарь надежды», которого Варгас подвергал преследованиям, предупреждает, что Гомез — кандидат в бонапарты. Престес говорит ещё о «группе фашистских генералов».

25 августа тело Варгаса на самолёте было отправлено из Рио-де-Жанейро в Южную Бразилию для похорон. На аэродроме собралось полмиллиона жителей столицы. Сразу после отлёта самолёта началась демонстрация: перед министерством авиации собралась толпа, «чтобы выразить своё враждебное отношение» к генералам армии и авиации, заставившим Варгаса уйти со своего поста. Были вызваны войска и открыт огонь, имелись раненые. — В Центральном районе города полиция разгоняла демонстрантов при помощи пожарной машины с брандспойтами: народ захватил и поджёг машину. В этом инциденте было ранено

не меньше 20 человек. Демонстранты разбили окна в здании фирмы «Standard oil». Перед американским посольством, находящимся под сильной охраной, снова собралась толпа.

[Президент Варгас создал монополию «Петробраз» — сокращение слов «petroleum» — нефть и «Brazilia» — и запланировал создание компании «Электробраз» для постройки сети электростанций в Бразилии].

26 августа подали в отставку начальник штаба вооружённых сил маршал Маскареньяс де Мораньес, морской министр (нового кабинета) Гильобель и шеф полиции и Рио-де-Жанейро полковник Торрез. Полиция произвела свыше 100 арестов. Газета «Импrensa популяр» описала демонстрацию у американского посольства под заголовком «Жители Рио-де-Жанейро негодуяще кричат на улицах: Долой американцев!» Полиция конфисковала этот выпуск.

27 августа в Порто-Алегре полиция стреляла в демонстрантов перед американским консульством.

Президент Кафэ Фильо назначил министром финансов Эудженио Гудина вместо Освальдо Аранья. Последние четыре года Гудин был представителем Бразилии при Международном банке реконструкции и развития и Международном валютном фонде в Вашингтоне. Гудин «поддерживает тесный контакт с американскими финансовыми кругами и женат на американке» (корреспондент Associated Press). В беседе с корреспондентом «New-York times» Гудин заявил, что новое правительство будет поощрять вложения иностранного капитала в Бразилии.

В Порто-Алегре, где профсоюзные руководители намечают всеобщую забастовку, танки патрулируют улицы. Рабочие Сан-Пауло наметили забастовку на 2 сентября, т.е. на сегодня.

Но в целом картина ясна: переворот в Бразилии уже свершился. Революции так не начинаются (сожгли пожарную машину с брандспойнтами). Забастовки не приведут к изменению правительства. Генералы-фашисты держат войска под своим влиянием.

У нас в Союзе тоже не всё так уж гладко. Идёт Сельскохозяйственная выставка. На будущие годы запланировано новое гигантское расширение посевов за счёт целины. Но в колхозах жизнь идёт вяло; мужчины уходят в города, на заводы, деревенская молодёжь едет в вузы и техникумы. А августе большой набор в армию подчистил остатки. На уборку урожая посылают студентов, хотя учебный год начался.

В день авиации, когда у нас в Уфе бросали листовки с самолётов, в разных местах города поднялись в воздух три воздушных шара: они лопнули и рассыпали свои листовки, в которых говорилось о том, что советская власть угнетает народ. Они были напечатаны на прекрасной бумаге. Вот уже тридцать лет, говорилось в них, русский народ угнетают тираны. Заканчивались они призывом вступать в тайную организацию НТС, что тут же в скобках расшифровывалось: «Несём тиранам смерть». Была брошена и газета, где была напечатана карикатура: нож разрезает хлеб, в котором кишат черви.

Вся милиция была брошена на сбор этих листовок. Видимо, в нашей стране ещё немало врагов. Это не удивительно, т.к. наше грозное время и вынужденные обстоятельствами

крутые меры правительства произвели большое недовольство. Во время войны очень много крестьян, мобилизованных в армию, путём подкупа и обмана добивались отправления домой похоронных извещений и затем дезертировали с оружием в руках. У нас в Башкирии во время войны судили за грабежи и убийства шайку дезертира Морозова. Морозов был расстрелян. Были дезертирские шайки в сибирской тайге. Большинство дезертиров бежали не от страха смерти, а из антисоветских настроений: ведь они уносили с собой оружие. Они вели малую войну в советском тылу и ждали немцев. Когда война кончилась, сибирские банды начали пробиваться с оружием в руках в сторону Манчжурии, чтобы уйти к японцам. Все они были перехвачены по дороге.

В нашей административной системе есть свои большие неполадки. У нас в Уфе говорят о том, что милиция превращается в жандармерию: арестованные подвергаются сильным избиениям. Недавно убили одного хорошего парня, по фамилии Рыжилло, окончившего с отличием авиационный институт. По этому делу арестовали большую группу молодых хулиганов (убийца — девятиклассник из 21-й школы). Мотивы убийства неясны. Этих ребят зверски избивали. Одного из них на последний допрос несли на носилках. Я хотел бы присутствовать на суде, когда он будет. Говорят, три следователя, которые вели это дело, уволены и отданы пол суд. Правильно! Советская милиция должна быть чем-то иным, нежели полиция царского времени.

Карл Радек был осуждён, кажется, на 10 лет в 1937 году. Есть известия, что он отбыл срок заключения, освобождён и пишет в «Литературной газете» под псевдонимом «Литератор».

Что стало с блестящей плеядой людей двадцатых годов? Их история увлекательна, как роман.

Лиля Брик.

Знаменитое имя.

Сколько у Маяковского стихов о ней и к ней. Нередко он открыто называет её по имени. «Лиличка! Вместо письма». Ещё в годы первой мировой войны Маяковский писал: «Надо мною кроме твоего взгляда не властно лезвие ни одного ножа». Было время, когда и она любила его. Но тут есть ещё одно имя: Осип Брик, известный критик и литературовед того времени. Он был мужем Лили. Очень упорно держатся слухи, что они вели жизнь втроём. В знаменитой поэме «Хорошо!», в том месте, где описывается голодная Москва 1918 года, есть отчётливо сказанные слова:

«Двенадцать
квадратных аршин жилья.
Четверо
в помещении —
Лиля,
Ося,
я

и собака

Щеник».

Как прикажете понять сопоставление: Лиля, Ося, я?

11 июня 1925 г[ода] у Маяковского в одной парижской гостинице украли все его деньги: 25.000 франков (2.500 рублей по тем временам). Вор захватил бумажник с документами и карточкой Лили Юрьевны Брик.

Из Мексики он писал ей письма, начинающиеся словами: «Дорогой Лилочек!» Она однажды телеграфировала ему в Америку: «Куда ты пропал?»

Но факт, всем известный, что Лили Брик разлюбила поэта и не знала, как от него отвязаться. Она подсовывала ему красивых молодых женщин такого же типа, как она, но ни одна не могла удержать его надолго.

Неправда, что смерть Маяковского была порождена его несчастьем — я не верю, что он заболел венерической болезнью. Нет, к самоубийству его привела двойная измена: поэзии и возлюбленной. Уже в 1926 году он писал в своём разговоре с фининспектором:

«Всё меньше любитя,
всё меньше дерзаетя,
и лоб мой
время
с разбега крушит.
Приходит
страшнейшая из амортизаций —
амортизация
сердца и души».

Критика не переставала грызть и травить его. Поэт Сельвинский писал о Маяковском: «рифмованная лапша кумачовой халтуры», «барабан с горошком а-ля-Леф» (пародируя кулинарный термин — баран с горошком а-ля-беф). Это в 1928 году, когда Маяковский уже написал свои главнейшие произведения, ныне превозносимые до небес. Он заболел, потерял голос, потерял навсегда. Ему казалось, что он навсегда останется агитатором, поэтом с уличной тумбы, горланом, которого презирает вся большая литература. Он устал, он страшно, и в эту тяжёлую пору он хотел опустить свою гудящую голову на любящую грудь. Но ему было отказано в этом великом утешении.

Известно, что в день смерти он побывал в доме Лили Юрьевны. Она обошлась с ним холодно. Отправившись домой, он взял револьвер и с левой руки пустил пулю в своё отчаявшееся сердце.

Все авторские права Маяковский завещал Лиле Брик. До сих пор она получает большие доходы с издания его книг. У неё хранится масса неизданных писем и стихов Маяковского. Алёша Феофанов, мой хороший знакомый, наш уфимский, он учится в Ленинграде в театральном институте на Моховой — так он видел Лилию Юрьевну на первом представлении

«Бани» в одном из ленинградских театров. Он даже говорил с ней о чём-то. Это маленькая старушка в тёмном платье, с рыжими волосами. [Глаза у неё карие, это известно из стихов Маяковского.] Говорят, что она каждый день ездит на могилу Осипа Брика.

Между прочим, Лиля Брик — сестра французской писательницы Эльзы Триоле. Года два или три тому назад я слушал по радио трансляцию какого-то торжественного собрания из Москвы. Перед советскими писателями выступал Луи Арагон. Его речь переводила Эльза Триоле — чисто русское произношение, а она прожила всю жизнь в Париже.

Всё о Лиле Брик.

А Сергей Есенин?

Сколько обаяния в этом имени. Вот тоже был чудесный, яркий юноша со светлыми кудрями и голубыми глазами: покуда не опух от пьянства. Он немало пожил за свою жизнь, и женщины очень любили его.

У него есть знаменитое стихотворение, начинающееся словами:

«Вы помните, вы всё, конечно, помните,
Как я стоял, приблизившись к стене...»

В конце стихотворения есть строка:

«Живёте вы с серьёзным умным мужем...»

Это про Мейерхольда. Жена Есенина ушла от него к Мейерхольду.

Теперь нечто вроде анекдота: у известного критика Когана была жена. Её сын, красивый белокурый мальчик, был похож одновременно на Есенина и на Блока. Одним женщина говорила, что мальчик от Блока, другим — что от Есенина¹. Когда он вырос, все увидели, что это — «блок».

А ещё стихотворение у Есенина:

«Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?»

Оно обращено к Айседоре Дункан и датировано четвёртым декабря 1925 года. Эта знаменитая женщина, когда-то красивая и великолепная, прижилась в России. Она влюбилась в Станиславского и предложила ему: хотите, я буду танцевать перед вами нагая?

Станиславский страшно смутился.

— Это очень интересно, — сказал он, наконец, заикаясь от волнения, — только можно мне пригласить и мою жену?

Айседора рассмеялась: — Вы ребёнок!

Это в воспоминаниях Сереброва. А сама Дункан пишет в своих мемуарах («Моя жизнь») примерно следующее.

«Мы были одни. Я увлекла Станиславского на диван, но он был очень застенчив».

¹Быть может, сама не знала в точности.

Станиславский был замечательно благородный, милый и привлекательный человек. Характерно его поведение в отношении Мейерхольда.

Станиславский и Мейерхольд были принципиальными противниками в искусстве. Первый был классический представитель зрелого русского реализма. Второй был смелый до дерзости новатор, революционер театра, но в его революционности была слишком густая струя индивидуализма, анархии. Имя Мейерхольда, театр Мейерхольда стали синонимом формализма и трюкачества. Пожалуй, это неверно. Этот фантазёр и театральный экспериментатор создал несколько замечательных режиссёрских произведений.

Между прочим, в «Огоньке» за 1928 г. я видел фото: Качалов и Мейерхольд, играющие в какой-то пьесе, кажется, «Под золотым орлом».

Так вот, формализм был идейно разгромлен, и театр Мейерхольда был закрыт. Теперь это концертный зал имени Чайковского (в Москве). В это время Станиславский, который высоко ценил талант Мейерхольда, предложил ему место режиссёра в своём театре.

Но Мейерхольду не суждено было работать со Станиславским. Жёну Мейерхольда, актрису Зинаиду Райх, нашли мёртвой: она лежала в ванне с выколотыми глазами. Начался скандальный процесс. Мейерхольд был арестован. Было установлено, что убийца влез по водосточной трубе. Когда было совершено убийство, Мейерхольда не было в городе. Но в ходе суда установили, что он получал какие-то деньги из-за границы.

Это может быть: он вёл обширную переписку с заграницей, его звали туда работать. Его в чём-то обвинили, засудили, дали срок.

Теперь так: после войны в Москве происходит смотр местных театральных коллективов. На сцене — Мурманский театр. Идёт какая-то современная пьеса. В партере покойный Качалов, Игорь Ильинский (ученик Мейерхольда) и другие маститые артисты.

Смотрят — и чувствуют нечто знакомое, хотя давно забытое: какие-то воспоминания навевают все построения и мизансцены, чем-то знаком весь режиссёрский «почерк» спектакля.

Занавес опущен, идут за кулисы. — Скажите, кто ставил этот спектакль?

Их знакомят с режиссёром — он рассказывает о своей работе — уступая настойчивым расспросам, неохотно сознаётся:

— Ещё помогал нам один заключённый, Мейерхольд.

Мейерхольд умер на Севере, в 1950 или 1951 году.

Рассказывают, что известный певец Вадим Козин, находившийся в заключении, вышел по амнистии, получил свободу и умер от разрыва сердца в поезде, не доехав двух остановок до Москвы. Он отбывал заключение за педерастию.

Я не знал, что этот порок так распространён. Ребята рассказывали мне несколько случаев.

В Свердловске Раиль Билялов в 1953 году, осенью, столкнулся с одним любопытным стариком. Раиль довольно хорош собой и порою в его лице является этакая женственная

мягкость. Видимо, это лицо обмануло старика. Он сунул руку в карман Раиля и сказал, ощупывая его testiculae: — Ну, что, Витенька, дашь мне сегодня?..

Он напоил Раильку вином, купил ему мороженого и повёз к себе домой: — Только ты не убеги, Витенька.

Старик сидел в трамвае, Раиль вышел подышать воздухом на площадку и спрыгнул на полном ходу.

Другой случай был жарким летом в Баку. Другой мой товарищ, студент Уфимского нефтяного института, был там на практике (тоже в 1953 г.). Он жгучий брюнет с карими глазами, меланхолическим взглядом, очень правильными чертами лица и красивым ртом. У него приятная тихая улыбка, он невысокого роста, строен, хорошо сложен.

Этого моего товарища в Баку встретил в трамвае пожилой и почтенный человек, высокого роста, седой, хорошо одетый, в прекрасном костюме. Мой товарищ очень понравился ему, и он соблазнял товарища придти к нему домой. — Дома никого нет, жена на курорте, дочь с аспирантами крутит. Всё тебе будет, деньги, кино, автомобиль, вина. — Этот мужчина состоял в Академии художеств. Узнав, что мой друг — уфимский студент, он предложил организовать его перевод в Баку, в эту Академию, чтобы устроить возле себя. Он долго уговаривал моего товарища (мой товарищ — татарин, этот человек был русский, давно осевший в Баку). Товарищ отвечал: «Не знаю. Может быть.» Он не знал, как отделаться от влюблённого педераста. Тот просил у него ласк иного рода, чем в свердловском происшествии: бакинский педераст желал играть пассивную роль в сношениях. На прощанье, полагая, что совсем уговорил юношу, этот почтенный и представительный человек сказал ему: «Я весь твой».

В обоих этих случаях ребята растерялись от неожиданности и не знали, что предпринять. Иной случай произошёл в Москве с моим школьным товарищем Шуркой Охотниковым, ныне московским студентом. Однажды, гуляя вечером по Москве с друзьями, он остановился на площади у Большого Театра. К их группе подошла женщина: в шляпке, пальто, капроновых чулках и туфлях с высокими каблуками. «Сколько времени?» — спросила она пискливым ненатуральным голосом. Шурка взглянул на часы: «Без четверти двенадцать». — «Ну что, ждать что ли тебя в пол-первого на углу?» Она указала рукой. Шурка, не понимая, глядел на неё в немом удивлении, когда один из его товарищей, студент-татарин, оказавшийся наиболее опытным, с бранью замахнулся на женщину. Она отскочила и побежала. Только тут все увидели, что это существо мужского пола.

В Москве очень трудно встретиться с другом, но бывают совпадения. На одном из вокзалов, встречая или провожая кого-то, Шурка увидел то же самое существо. Оно не узнало ребят и подошло к той же группе. На этот раз на его приставания они ответили сильным толчком, так что «женщина» отлетела прочь. Раздался пронзительный горловой визг, такой странный и неестественный, что все кругом обернулись в недоумении: что за звуки? За что эти молодые люди швырнули от себя эту женщину?

В Москве педерастов не мало. У них есть какое-то своё место сбора, свой притон. Порою они пристают к молодым москвичам и дорого платят слабым. Смешно и дико слышать из уст мужчины страстное признание: «Я тебя люблю».

В Баку их называют «маштаги». В Тбилиси есть какое-то грузинское слово, которое мне перевели как «курощупы». Это неверно, они щупают не кур, а яйца.

Но довольно об этом. Не такая уж интересная тема для разговоров. Мало ли дряни на свете. А в тюрьмах? В лагерях?

25 — 27 сентября 1954 года.

Ох уж эти мне стилиаги! И откуда берутся эти люди? От кого родилось это племя? Чтобы понять это до конца, нужно дышать воздухом Москвы.

Этим летом последним криком моды были голубые макинтоши. Представляю себе такого dandy на улице Горького: узенькие брючки, из-под которых видны носки, лакированные туфли, голубой макинтош, шевелюра причёсана à la Tarzan, с завивкой на конце, вокруг шеи. Недавно я видел такого «артиста» в Уфе. Теперь стилиаги выкрашивают себе виски в «седой» цвет или делают «седую» прядь на темени, посреди шевелюры: поседел от ранних переживаний. Говорят, они даже пудрят лицо. Это уж чорт знает что! Нехватает только, чтобы они красили губы, как парижские мальчишки в кафе педерастов 30-х годов.

Живучий народ! Как их ни прижимают, они всё ещё существуют и, может быть, даже плодятся и множатся. В Москве позакрывались все коктейль-холлы (кроме одного, я слышал): они были рассадниками этой заразы.

Каких только напитков в них не было! Существует коктейль из двух ликёров, он пьётся с яичным желтком, причём желток этот нужно придерживать языком во рту, а выпив — проглатывать. Или коктейль из десяти ликёров, все они имеют разный удельный вес и потому не смешиваются: можно опустить соломинку в любой слой и тянуть то, что по вкусу.

В июльском номере (в одном из июльских номеров) газеты «Советская торговля» я прочёл, что в доме № 6 по улице Горького, в помещении бывшего коктейль-холла, открылось кафе-мороженое на 130 мест. В его меню более 10 сортов мороженого: крем-брюле, сливочное, шоколадное, фруктовое, торты, брикеты, сэндвичи и др.

«Кушайте мороженое, советские граждане, вместо употребления спиртных напитков!» — Bravissimo! Я голосую за!

Правительство не на шутку взялось бороться с алкоголизмом. Давно пора! Довольно России славиться пьянством. Сколько горя, сколько трагедий, разводов, преступлений и смертей порождает русская водка — самая страшная разновидность зелёного змия.

Прежде всего правительство запретило продавать водку в разлив. Раньше стоило подойти к любому киоску, заскочить в любую забегаловку, спуститься в любое «метро» или «золотое дно», чтобы опрокинуть 100, 150 или 200 грамм водки. Пить меньше ста грамм русский человек считает унижительным. Существовало положение, некогда охарактеризованное Некрасовым:

На всей России-матушке

Два слова нацарапано:

«На вынос и распивочно».

Когда в Верховном Совете или ещё каком-то подобном высоком органе Микоян года три четыре назад сказал в своём докладе: «Производство водки, отвечая потребностям населения, растёт медленнее, чем до войны, но всё же растёт», — то стенографический отчёт зарегистрировал в зале «весёлое оживление».

Теперь сей печальный факт не вызывает никакого веселья. Чему смеяться?

Россия-то пьёт ведь, а?

Америка — страна алкоголизма. Пьют дети, подростки, женщины. В январе 1952 г[ода] нью-йоркский журнал «Нью Рипаблик» сообщил, что 60 млн. американцев потребляют спиртные напитки в большом количестве, из них 4 млн. — неизлечимые алкоголики, а ещё около 3 млн. страдает запоями (в их числе 500.000 женщин). В 1945 г[оду] в США было выпито 190 миллионов галлонов крепких напитков, а галлон — около 4 литров: стоило это чуть-чуть дешевле 7 миллиардов долларов (последнее из книги Джона Гантера, «В Соединённых Штатах»).

В СССР такой статистики нет, но я думаю, что мы занимаем по алкоголизму второе место в мире, никак не менее.

Правильно делают наши вожди, борясь с этим страшным врагом. Это не мелочь: в России все мелочи принимают гигантские размеры, соответственно масштабам страны. Недаром ведь Ленин говорил когда-то о тифе: «Или социализм победит вшей, или вши победят социализм».

Первая мера дала свои плоды: пьяных стало меньше. Отныне на России нацарапано лишь одно слово: «На вынос». Это в буквальном смысле, можно прочесть во многих магазинах: «Водка, вино и пиво продаются только на вынос». Напиваться в разбивку теперь невозможно: меньше, чем «чекушку» (косушка, 1/4 литра) тебе не продадут и стаканов не дадут. «Здесь пить нельзя». Отправишься в скверик, в какой-нибудь уголок или подворотню, вышибешь пробку и пей из горлышка: буль-буль-буль. Но это не всё. Правительство дало указание местным органам преследовать пьянство. И вот штампуются постановления горсовета: за пение на улицах и в общественных местах после каких-то часов, за приставание к прохожим в пьяном виде, за — тут следует целая серия «за», назначается такой-то штраф или тюремное наказание. Это воспрещение ещё «полбеда», но вот беда: в отрезвиловке повысили плату. Ежевечерне грузовик с добычей неоднократно подкатывает к углу улиц Цюрупа и Сталина, из кузова милиционеры «выносят тело», и пьяный попадает в уютный уголок, где тепло и он может спать в чистой постели, если предварительно не облюёт простыни и подушки. Кажется, повышение платы за этот ночлег произведено с 25 до 40 рублей — не знаю, я там не был.

Теперь за пьянство исключают из партии, из комсомола, из института, из учреждения: такова установка правительства.

Всецело одобряю.

По этому поводу нужно рассказать следующий случай: в ночь на 13 августа восемнадцатилетний рабочий литерного завода Ткачёв, выпив порцию водки по случаю отправления в армию одного из друзей, придрался к проходившему по улице Виллиму Рыжилло, окончившему в этом году авиационный институт (мои товарищи его знали). Ткачёв ударил Рыжилло по лицу. «Молодой специалист» (так выражался впоследствии судья), здоровый и сильный человек, очень мирного характера, сделал знак сопровождавшим его двум товарищам и девушке (Алла Сорокина) идти прочь, не ввязываясь в драку, а сам, взяв Ткачёва за грудь и прижав к стене, сделал ему увещание. Затем Рыжилло (дело было всё на той же Цюрупа — довольно бандитская улица) оставил Ткачёва и пошёл, но Ткачёв, догнав его через несколько шагов, вынул из кармана острый трёхгранный шабер (слесарный инструмент) и ударил Рыжилло в грудь. Тот поспешно пошёл прочь, потом зажал рану ладонью, ноги его стали заплетаться и, перейдя через улицу Кирова (на углу), упал. Скорая помощь увезла его в больницу: в груди была рваная рана, и через несколько минут он умер от кровоизлияния в области сердца.

Шабер был куплен 12 августа или накануне одним из друзей Ткачёва для того, чтобы зачищать коньки (так показал на суде второй обвиняемый — Усманов): на них остаются заусеницы, которые нужно сглаживать таким вот шабером — этот друг обвиняемых был спортсмен. Зачем взял его Ткачёв? Ясно одно — не коньки зачищать.

Психику этого Ткачёва я довольно ясно представляю. Конечно, убивать Рыжилло «насовсем» он не собирался: хотел нагнать на него страху, пырнуть, пустить кровь, как всегда поступает шпана. Но ему «повезло»: угодил в область сердца. Убивать после указа о смертной казни за убийство стало вообще невыгодно. Однако же вот — факт.

Перед судом отец убитого, достойный человек, бывший воспитанник Антона Семёновича Макаренко, заявил, что если Ткачёва не расстреляют, он сам его убьёт. Но Ткачёв приговорён к расстрелу и, вероятно, уже умер: приговор приводится в исполнение через 72 часа.

Вторым подсудимым был Усманов. Он участвовал в драке и после смертельного удара сказал Ткачёву: «Дай мне шабер, я его ещё раз ударю». Эти слова, запротоколированные по форме на предварительном следствии, он отрицал на суде, но свидетельские показания уличили его. Защитник сумел «доказать», что Усманов не пил свою долю в пирушке: вернее, нет доказательств обратного. Усманову дали 5 лет. Он улыбался от радости.

Дело третьего обвиняемого, Макарова, выделено особо, т.к. он находится в психиатрической больнице: следствие причинило ему лёгкое помешательство.

Я был в Верховном суде и слушал дело примерно два часа. Зал был заполнен доотказа. Такова водка и нравы её приверженцев.

Н. Глазков пил. По его собственному выражению, «пил смертным поём». Пил продуманно, принципиально и вместе с тем вынужденно. Пил из-за рифмы.

Когда-то в юности случилось ему сочинить две строчки: «Я водку пью из чувства долга, потому что я — поэт». У Глазкова не хватило храбрости признаться в хвастовстве,

в неуёмном фразёрстве. Пришлось доказывать себе и окружающим, что это не ради рифмы сказано, а всерьёз. Не болтовня, не поза, а, так сказать, литературное кредо.

Поклонников стало меньше. Место товарищей заняли собутыльники. А собутыльники просили, требовали ещё и ещё стихов насчёт выпивки. Глазков сочинял: «Я выпиваю — значит, я живу. Меня манит живительная влага».

Собутыльники восхищались. И заставляли Глазкова по этому поводу выпить ещё. И Глазков снова разрабатывал тему пьянства:

Добрым людям спирт,
что коню овёс,
А без спирта они,
что трамвай без колёс.

И снова собутыльники восхищались, и приходилось снова пить, как это ни было неприятно и противно. В конце концов, приобретала буквальный смысл строка: «Я на мирзираю из-под столика».

Никто не вмешивался. Формально вроде никто и не обязан был вмешиваться. Глазков не состоял в Союзе писателей, а только ходил по его коридорам, как когда-то он не занимался в Литинституте, а только ходил по его коридорам. Но если бы Глазкова и «проработали» для профформы, — это бы его не очень расстроило. Другого он боялся. Как бы не разоблачили его дешёвое литературное юродство. Как бы не сказали самые жестокие и тяжёлые для него слова: «Нет, ничего из Глазкова так и не вышло. Ни настоящего поэта, ни настоящего пьяницы».

Николай Глазков трусит, боится своего рода «общественного мнения». Он сочинил шутейную поэму о том, как поэт Нарочитов насмерть перепил пьяницу Выпивохина. А вдруг воспетый им «Нарочитов» не признает его, Глазкова, за пьяницу?

Настоящее же общественное мнение к пьянству и к пьяницам долгое время относилось удивительно пассивно. До какого-нибудь чрезвычайного происшествия. Неловко, дескать, ставить вопрос о пьянице. Бесчеловечно. Нечутко. А разве лучше равнодушно смотреть, как сбивается с пути, губит свои способности молодой литератор, как его жизнь возле буфетной стойки Центрального дома литераторов превращается в живую пародию на старинное обывательское, богемно-кабацкое представление о поэтах?

Пока человек ещё держится на грани «нормы», иногда говорят: «У нас нет оснований вмешиваться, ещё рано ставить вопрос». А когда человек спился, разложился, говорят: «Случай запущенный, тут уже поздно вмешиваться». И получается, что богемная распущенность нередко встречает не сплошную стену общественного негодования, а гнилой нейтралитет. С этим нелепым нейтралитетом по отношению к последним ископаемым литературной богемы пора кончать. Зарифмованное и незарифмованное питейное шутство заслуживает не уважения, не сожаления, а сурового общественного осуждения.

Александр Лапцис

У меня есть и другие сведения о Глазкове, кроме этого фельетона. Я слышал, что это действительно талантливый человек, известность которого в Москве велика. Глазков настроен скептически по отношению к официальной идеологии не критического, безоговорочного восхваления нашего сегодняшнего дня. Я тоже не принадлежу к слепым фанатикам (таких, по-моему, вообще не бывает), но я верю в безграничную жизнеспособность советского режима. Перед сегодняшней Россией, хороша она или плоха, лежат гигантские перспективы. Таково моё мнение, а Глазков настроен пессимистически. До меня дошёл отрывок из его стихов, которые, кстати, ходят по Москве в списках. Отрывок этот достаточно характеризует Глазкова.

Я на мир взираю из-под столика.
Век двадцатый, век необычайный!
Чем он интересней для историка,
Тем для современника печальней.
Посмотри кругом во все бинокли ты.
Ты увидишь — многое неверно.
Из того, что ныне нами проклято,
Семь восьмых благословенно.

Рассказывают, что кто-то из маститых наших литераторов купил за крупную сумму записную книжку Глазкова.

Поэт «Нарочитов», воспетый Глазковым в этой «шутливой поэме», есть не кто иной, как Сергей Сергеевич Наровчатов, выдающийся поэт военных лет. Наровчатов прославился феноменальным пьянством. В Москве его знали все продавщицы, в любом киоске ему отпускали спиртное в кредит. О себе самом он сочинил гордое четверостишие:

От Эльбы до Саратова,
От Волги до Курил
Сергея Наровчатова
Никто не перепил.

В Москве, в литературной среде обращается множество прекрасных стихов, которые никогда не будут напечатаны. Для нынешней казённой прессы они непригодны по своей тематике или по эмоции. Есть грустные, тоскливые и т.д. «Есенищина!»

Поэт Наровчатов ещё иногда печатается, например, в «Труде». Талантливый поэт Павел Шубин, автор замечательных военных стихов, умер от пьянства. У меня на письменном столе лежит номер «Знамени» за 1947 год с прекрасными стихами Шубина «Москва». В стихотворении есть, например, следующие строки:

Норвежский городок-герой
Ещё не догорел пока.

В каменоломне под горой —
Всё население городка.
У входа — склад германских бомб
И к ним — под током провода,
Чтоб каменный захлопнуть гроб
Над Киркенесом навсегда!
И люди — знают, люди ждут
В предсмертной муке и тоске,
Их тысяч пять собралось тут, —
Живут, а жизнь — на волоске.
Но взрыву быть не довелось,
Германец кнопки не нажал:
Разведчик русский сверху вкось
Всадил в живот ему кинжал.
По городку норвежцы шли
И на руках несли бойцов.
Пусть Киркенес в золе, в пыли,
Он всё же жив, в конце концов!..

Хорошие стихи. Но есть у Шубина и другие, навеянные духом времени, разочарованиями и тайными думами людей «необычайного двадцатого века».

Толкалась очередь у нужника,
Хрипели краны без воды,
Крысиный хвост из-под отдушника
Свисал с сознанием правоты.
А на кровати платье синее
Ледовым пламенем цвело, —
Той необъятною Россиею,
В которой нам не повезло.

[Между прочим, Ткачёв ещё не расстрелян. Видимо, подал кассационное прошение или как это там называется. Но Ворошилов обычно отвечает: «Против закона мы идти не можем». Как правило это ни к чему не ведёт.]

Дописано 27 сент[ября], в понедельник.

27 сентября. Вечером.

Надо кое-что записать и о Большой Жизни. В Китае принята конституция. Международное положение беспокойное: гоминдановцы нападают на Китай, бомбят порты (гл[авным] обр[азом] Амой). В Тайванском проливе находится седьмой флот США. Чжоу Энь-лай заявил, что Тайвань будет китайским. Эта ситуация чревата новым международным конфликтом.

В сентябре на митинге в словенском городе Острожно выступил югославский президент Тито. В политической части своей речи Тито сказал:

— Атлантический пакт, если он имеет какой-либо свой raison d'être [смысл существования], в настоящее время всё больше начинает приобретать политический и идеологический характер, а это означает борьбу против коммунизма. Поэтому для нас неприемлемо то, что нам когда-то внушали, — о необходимости присоединиться к Атлантическому пакту.

В заключение Тито сказал, что политика сотрудничества Югославии со всеми странами нашла своё выражение в недавнем восстановлении отношений с Советским Союзом, Венгрией, Болгарией, Румынией, Албанией, а сейчас и с Чехословакией.

— Может ли и имеет ли кто-либо право осуждать нас сейчас за то, что теперь нам нужна эта нормализация? Неужели вместо этого необходимо и дальше ссориться с ними? Никто не имеет на это права.

Итак, Тито снова становится «своим». Поторопились те, кто вместе с официозной прессой спешил клеймить и бичевать «Иуду» Тито. У Самуила Яковлевича Маршака есть стихи, начинающиеся словами: «Банкиры Уолл-стрита надеялись на Тито. . . » А куда денется глупый Мальцев со своей «Югославской трагедией»? Но что же в действительности произошло в Югославии?

Восемьдесят пять лет исполнилось Марселю Кашену. Восемьдесят лет стукнуло в этом году Черчиллю.

Китайские добровольцы покидают Северную Корею. Во Вьетнаме идёт обмен пленными. 17 сент[ября]. ТАСС опубликовало коротенькое и невнятное сообщение:

«В соответствии с планом научно-исследовательских работ, в последние дни в Советском Союзе было проведено испытание одного из видов атомного оружия. Целью испытания было изучение действия атомного взрыва.

При испытании получены ценные результаты, которые помогут советским учёным и инженерам успешно решать задачи по защите от атомного нападения».

Отклонение французским Национальным Собранием договора о «Европейском оборонительном сообществе» вызвало резкую реакцию на нью-йоркской бирже. Утром 31 августа после открытия биржи курсы акций крупнейших промышленных компаний резко упали, в некоторых случаях падение достигло 3–4 доллара за акцию. «На бирже отмечается нервозность», — заявил один биржевой маклер. Наиболее резко упали акции авиационных компаний «Дуглас эйркрафт компани» и «Боинг эйркрафт компани», концерна Дюпона, «Стандарт ойл компани оф Нью-Джерси» и «Дженерал моторс».

[Писать лень. Завтра еду на уборку в колхоз, по мобилизации. Вернусь, запишу.]

12 октября. Вторник.

Вечер. Сажу за письменным столом, горит настольная лампа. Наконец-то я выбрал момент, чтобы записать кое-что в эту тетрадь.

Я приехал в ночь с субботы на воскресенье. В субботу колхозный шофёр провёл за баранкой весь день: с утра он повёз в Уфу первую группу студентов, затем вернулся за нами. Мы были в деревне Кшаны в Аургазинском районе республики. Деревни Кшаны и Дуртюле (что означает по-башкирски «четыре избы») входят в укрупнённый колхоз имени Маленкова, Кшакинского сельсовета. От колхоза Маленкова до Уфы 85 или 90 километров. Сделать два таких рейса в день довольно утомительно. Поэтому шофёр, поужинав и выпив водки, вёл машину несколько странным образом: он несколько раз останавливал наш грузовик и под различными предлогами вылезал из кабины. Так продолжалось добрую четверть пути. Пока он «заливал масло», мы бранили его в двадцать пять голосов. Подлинная причина остановок была та, что ему нужно было размяться. Он сказал нашему руководителю Комарову, который читает нам лекции по основам марксизма, что у него, шофёра то есть, от постоянного сидения делается запор. Но нам он этого не говорил, а залезал на борт и неуклюже шутил с девчатами. Затем, навёрстывая упущенное время, вновь включал мотор и гнал во-всю. Над головами у нас взошла молодая, почти полная луна. Ледяной ветер морозил нас, и мы отчаянно тряслись в кузове. Мимо проносились деревья, казавшиеся чёрными: при дневном свете их осенний убор пестрит суриком и охрой. Под колёсами, как бешеная, летела нам навстречу шоссе́нная дорога. Шофёр вёл машину со скоростью 60 км в час, и при малейшем неточном движении его руки перегруженная машина полетела бы в кювет. Но шофёр хорошо знал дорогу.

Ох, и холодно же было! Но девчонки ещё пели башкирские и татарские песни, хотя их голоса тряслись, регистрируя все неровности дороги. Я немного попел и бросил, из-за кашля. У задней стенки кузова случайный попутчик, практикант из железнодорожного техникума, забавлял наших девок анекдотами и шутками, типа «Райтаципищеторг» или «контора Заготчутьживсырьё» (вместо «Заготживсырьё»). Анекдот его я приведу для примера:

«Встретились на улице два друга. Давно не видались. — Здравствуй. — Здравствуй. — Ну, как живёшь? — Да вот, работаю слесарем, женился, зарабатываю 650 рублей, еле свожу концы с концами. А ты как живёшь? — Хорошо живу. — Женат? — Холостой. — Где работаешь? — Не работаю. — А на какие же ты средства живёшь? — Двух евреев от войны прячу, они мне деньги платят. — Так война же давно кончилась! — А они у меня в погребе живут, я им не говорю».

— Евреи — это такой народ. . . Они же одним полком три города во время войны захватили: Новосибирск, Алма-Ату и Ташкент. Весь советский народ четыре года брал один город Берлин, а они одни три города взяли. . .

Невесело слушать подобные разговоры.

А грузовик мчится по ночной дороге, пересекая холмистые равнины средней Башкирии. В одном месте густое молоко заливаает дорогу: в свете фар дымится холодный туман, в его белом облаке смутно рисуются проезжающие по сторонам деревья. Становится ещё холоднее. Но через полчаса выезжаем из тумана: ещё около часа, и вот на горизонте загораются первые огни Уфы. Мы подъезжаем к городу с Цыганской Поляны. Блестит масляно-чёрная

река, город на горе весь унизан огнями, они отражаются в реке. Очень красивое зрелище. Дёргается и качается под нами понтонный мост, по которому, замедлив ход, пробирается грузовик. Подъём в гору — знакомая улица — въезжаем во двор института, а отсюда до меня 3 минуты ходьбы. Беру свой чемоданчик и вещевой мешок, быстро шагаю, и вот я дома. Мать, сестра. Тепло, светло. Второй час ночи. Ужиная, просматриваю газеты, читаю два письма: из Харькова и из Ленинграда.

Вот так было дело.

Два дня мы всё «ехали» в колхоз и не могли доехать: сидели во дворе главного здания института на Гоголя, 11, и ждали машины из колхоза. В колхоз приехали, если не ошибаюсь, поздно вечером 30 сент[ября].

Работали мы, ребята, на току и в амбарах. Девчата копали картошку и свёклу.

Мы веяли овёс, пшеницу, рожь и даже лён: лён в большой куче напоминает порошок какао с сахарным песком, а в воздухе, когда его бросаешь лопатой, приобретает красноватый цвет. Зерно это (лён) стоит 400 рублей центнер, как сообщил нам со значительностью завтоком. Заводили маленький движок на деревянной площадочке, надевали приводной ремень на вал моторчика и на шкив веялки, и начинался грохот на весь день: знай подсыпай зерно, отваливай сор, да отгребай провеянное.

Приходилось и разгружать мешки в амбаре: снимешь с телеги трёхпудовый мешочек, несёшь его в объятых, «как лялечку», развязываешь мочальную завязку и высыпашь зерно. Мешки таскать — это хорошая мужская работа.

А вот перелопачивать зерно в амбаре, так нет дела сквернее. Пшеница, если её засыпят в амбар сырую, преет, горит, гниёт: стоишь в этом семенном фонде почти по колено, горячее зерно греет через сапог, гнилая вонь не даёт дышать, едкая пыль забивает горло, и нужно перекидать деревянными лопатами гору зерна. Всё равно этот семенной фонд никуда уже не годится, зерно не взойдёт, его надо обменивать, а государство берёт за обмен 10 %, такой порядок, и это справедливо. Бездельники! Мы работаем, а колхозники приходят посмотреть и поболтать. Вот где сердце разгорается на них презрением и гневом. — Но я зарываюсь вперёд.

Работали мы и при зернопульте. Вот это машина! Валы гремят, вращаются, зерно бьёт дугой, как из пушки, и в трёх-четырёх метрах от машины быстро растёт коническая куча пшеницы. Двое с мётлами обметают эту кучу, четверо должны непрерывно засыпать зерно в бункер, но вчетвером мы еле успевали: надо было стать конвейером, но мы не сообразились и бегали с ведрами-пудовками от непровеянной кучи к зернопульту и обратно. Движок лихорадочно тарахтит, ремень крутится, струя зерна бьёт с адской силой, ведра становятся очень тяжелы, и одежда прилипает к лопаткам. Зато как быстро провеивается зерно! Мы зачистили остатки, затем завтоком выключил мотор, и в наступившей тишине громко сказал: «Молодцы!» Мы закурили и пошли на обеденный перерыв, ещё слегка оглушённые. — Колхозники очень ценят зернопульт, по их словам он «спасает зерно».

А в общем, мы видели в колхозе лень и бесхозяйственность. Колхозники работают плохо, они предпочитают воровать. Воруют открыто, днём, приходят на ток с мешками. Все скромно закрывают на это глаза: семейственность, взаимопонимание. Вот если попадётся на глаза начальству, тогда беда: колхозники со страхом рассказывают, как в недавние годы за кражу нескольких килограмм зерна им давали пять лет исправительных работ. Не знаешь, чему возмущаться: краже или наказанию. И то возмутительно, и это скверно, вот где она диалектика, в самой гуще жизни. Кто прав, кто виноват? Обе стороны и правы, и виноваты, но всё же, мне кажется, тюрьмой и каторгой не привить коммунистических отношений, оно придёт лишь с изменением производственных отношений. А разве не воруют все кругом в России? Крадут рабочие на заводах разные металлические части, годные в домашнем хозяйстве, или фонари. Директора магазинов, добыв чистые ярлыки — незаконно, мошеннически — и написав на них: «Первый сорт», продают второсортные одеяла. Они получают огромную прибыль, а в случае суда попадают в тюрьму на 3 года (хотя, быть может, с конфискацией имущества). А разве не воры писатели, которые за одну неплохую книжку и пару-другую халтурных книжонок годами живут «на ренту», строят дачи «за голубым забором» или пьянствуют в шикарных ресторанах Москвы? Авторское право унаследовано от капитализма, и тысячу раз прав Валентин Овечкин, предлагая его изменить. Есть и почётный вид «хищения социалистической собственности»: появились научные учреждения, играющие роль паразитов на теле страны. Все их труды сводятся к популярным статьям в газетах. Наш Башкирский филиал Академии Наук СССР — настоящие трутни. Что он делает для науки? Ничего.

13 октября. (Продолжение).

Вообще пора кончать с колхозами — такое складывается мнение. Превратить их все в совхозы. Но правительство другого мнения. Маленков спасает колхозный строй. Этим летом и осенью правительство оказало колхозам огромную помощь: деньгами, оборудованием и главное — людьми. Целый месяц во всех концах страны на уборке урожая в колхозах и совхозах работали студенты вузов и учащиеся техникумов. Они работали, а колхозники, главным образом, наблюдали. В иных местах студенты работали весь день, с восхода до заката, два часа на обед, а колхозники выходили на поле в 11, уходили в 5–6, те же два часа на обед, и говорили студентам: «Приехали работать, так и работайте». Были случаи, когда колхозницы высмеивали «городских помощников».

Воровство — вот основа жизни колхозника. Воруют лес, например, а поймает объездчик, платишь ему без возражений 100–150 рублей и забираешь порубленное. Дойдёт дело до суда, так присудят штраф от 500 до 1000 рублей. Воруют все. Председатели колхозов либо пьянствуют, либо воруют. Я, конечно, не говорю, что нет хороших председателей. Нет! Несомненно большинство председателей честные люди, но очень многие живут по такому плану: беспощадно жми и дави колхозников, железно в срок выполняй графики и планы, районное начальство будет довольно, а там пока что втихомолку можно и дом себе построить за колхозный счёт, и железом его покрыть, и свезти кое-что в город на рынок,

пользуясь колхозной машиной, загнать на рынке кое-какие продукты сельского хозяйства, выписанные с колхозного склада по государственной цене, разницу положить в карман — а она весьма крупная.

Вот наш председатель колхоза, Гилезетдинов, низенький жирный человек в сапогах, синей шинели и зелёной военной фуражке. Он целыми днями сидит у себя в правлении, а вечером приходит в колхозный радиоузел и обращается к колхозникам по радио с дневной сводкой об уборке. Он кормил нас картошкой, молоком и капустой, а насчёт мяса сказал так: «Свинью бы вам зарезал, хозяйки варить не станут, баранов нет, а конину есть не будете». — «Будем!» — ответили мы, боясь остаться ни с чем. И получили конину. В первый раз нам зарезали самую старую клячу, во второй раз — четырёхлетнюю лошадь. У этого самого хитреца-председателя, экономившего на питании своих же бесплатных работников, гниёт семенная пшеница, а картошку засыпают в ямы сырую, она тоже будет гнить. Сельскохозяйственная техника, все эти плуги и бороны, в которых я, честно говоря, ничего не разбираюсь, стоят рядами на травке под открытым небом и покрываются ржавчиной. Они простоят под снегом всю зиму. Наши студенты-крестьяне сказали мне, что эта техника служит не более двух лет. Такое отношение к орудиям своего труда напоминает древнеримских рабов, которым нельзя было дать в руки никакого более или менее ценного и сложного орудия, т.к. небрежное, незаинтересованное, обращение рабов с орудием губило и портило его. Но это же в двадцатом веке и в Советском Союзе!

А что, собственно говоря, в Советском Союзе? «Самое передовое в мире, высоко механизированное, социалистическое сельское хозяйство?» Пустая фраза газетных писак! В Америке говорят: «Не верь тому, что написано в газете». Это же можно отнести к нашей прессе. «Самое передовое»? Да, был Мичурин, был Лысенко (который занёсся и был свергнут со своего престола), теперь есть Терентий Мальцев, который учит учёных. Несомненные успехи нашей биологии и агрономической науки. Но это одна сторона. Наряду с богатыми колхозами всюду есть бедные, их, пожалуй, больше. Основная масса колхозов — неразвитое, среднее по продуктивности хозяйство. Я слышал такие данные: на первом месте в мире по урожайности с гектара стоит Китай, затем Египет, на третьем США, далее следуют разные страны, в том числе Индия, Германия — наш Советский Союз в этом списке числится на 20-м месте в мире. Вот оно, передовое-то! Нас тянет назад отсталость большинства. Нет, колхозы — это ещё даже не социализм, это только переход от капитализма к социализму.

Крестьянская масса не слишком охотно приняла колхозный строй. Тёмные, неграмотные мужики, горя за стаканом самогонки о тяжёлой крестьянской доле, рассказывали друг другу во время войны о происхождении колхозов. Когда Ленин умирал, — говорили они, — Сталин наклонился к нему и спросил: «Как же нам дальше без тебя быть, что с землёй делать?» А Ленин уже отходил, из последних сил ответил: «Как хошь». Сталину послышалось «колхоз», он взял и сделал колхозы.

Это не анекдот.

Так ли высоко механизировано наше сельское хозяйство?

У нас есть сельхозмашины всех видов, но их далеко ещё недостаточно. В колхозах не хватает автомашин, из-за них идёт настоящая война. На заводе выпускается грузовик, он уже закуплен и на нём надписывают, какой колхоз его закупил, а по дороге его перехватывает другой колхоз. — Крестьяне варварски обращаются с техникой. Это, конечно, тоже не относится огульно ко всем, но это очень часто.

Многое ещё можно написать по этому поводу, короче сказать одно: у большинства народа складывается отрицательное отношение к колхозам. Им — не жить. Ещё Сталин в «Экономических проблемах» поставил вопрос о повсеместной замене колхозов — совхозами. К этому идёт дело. Укрупнение колхозов, не доведённое до конца из-за недовольства крестьян, было шагом в этом направлении. А на огромных просторах осваиваемых сейчас целинных и залежных земель создаются почти только одни совхозы.

В одной харьковской столовой я видел летом плакат, которого в Уфе не встречал: из двери проезжающего железнодорожного вагона смотрит развевающийся молодой человек; он расставил ноги, поднял руку, галстук и волосы — по ветру, в фигуре порыв. Подпись: «Едем с нами на целинные земли!»

Кстати, о целинных землях. . .

На призыв развевающегося молодого человека откликнулись многие, и даже не те, кого нужно. Испытать новое поле деятельности решили и шулера, бандиты, воры. Запись желающих не была обставлена слишком строгими формальностями. На целине преступного элемента оказалось больше, чем ожидали. Всю зиму 1953.1954 годов на целине, скучая от безделья, гуляла и пьянствовала молодёжь. Все между собой переженились — или обшлись без женитьбы.

О себе. Минувшим летом я чуть было не влюбился в одну замечательно красивую девчонку — Свету Чернышову. Во время остановился. У неё взбалмошный характер, страшное самолюбие; избалована и горда. Ребята её не уважают, девчата шепчутся о ней. Света осталась на второй год в девятом классе 45-й школы. Другой такой я не видал, красива — очень. В своём роде она единственна. Её милое личико и женственная, прекрасно сформированная фигура ещё надолго останутся у меня в голове.

В сентябре я достал роман Достоевского «Бесы». Книжка довольно мутная, но вообще Достоевского я глубоко ценю как художника. Теперь его очень мало издают, и это вполне понятно.

Прочитал я в журнале «Знамя» хорошую повесть Николая Чуковского «Балтийское небо» — о лётчиках, защищавший осаждённый Ленинград. В журнале «Театр» прочёл пьесу талантливого драматурга Арбузова «Годы странствий». Сам пишу сейчас не то рассказ, не то повесть — очередной opus с неизменной любовной парой и любовным конфликтом.

Вскоре после моего возвращения из Харькова умерла мать Саши Руденко, и я участвовал в похоронах, нёс (переменно с другими ребятами) крышку гроба.

Перед отъездом в колхоз я посмотрел первую серию фильма «Бродяга», теперь в воскресенье ходил на вторую серию. Пришлось взять билеты на 11.30 вечера, добавочный сеанс, такое стечение народа на этот фильм. Я не ожидал от индусов такой силы.

Радж Капур — продюсер, режиссёр и исполнитель главной роли, роли бродяги Раджа, сына судьи Рагуната. Он играет великолепно, хотя его реализм носит чисто восточный, ярко эмоциональный характер. Григорий Рошаль писал о Радже Капуре в газетной статье, что в разнообразных походках, в обаятельном изображении маленького человека артист напоминает Чарли Чаплина, а по своему темпераменту, блеску, по сенам драк похож на Дугласа Фербенкса. Радж Капур — прекрасный артист.

Роль его возлюбленной Риты играет Наргис. Великолепен господин Рагунат, человек страстный и болезненно самолюбивый. Его горькое лицо, напоминающее трагическую маску античного театра, его сутуловатая фигура и одинокая трагическая походка надолго врезаются в память. Сильное и гадливое чувство вызывает бандит Джагга. В целом фильм хорош, хотя есть в нём чисто внешние эффекты, наивные приёмы. Теперь мы с нетерпением ждём два других индийских фильма: «Ураган» и «Два бигха земли». Они пользуются громадным успехом в Москве.

В столице была в моде весной этого года пластинка под названием «Гитана». Теперь увлекаются песенками «Левкой» и «Жду тебя». Последнюю исполняет, если не ошибаюсь, Ружена Сикора.

Позавчера по радио передано сообщение о переговорах с Китаем и о нескольких политических и экономических соглашениях с китайским правительством. Эти соглашения по существу обозначают, что СССР и Китай начинают объединяться в настоящую федерацию. Китайцы — самые верные наши друзья и лучшие союзники. В советских лётных училищах обучаются лётному мастерству молодые люди из всех стран народной демократии, но на реактивных самолётах, на «Мигах» («Миг-9» — кажется, так называется машина с турбокомпрессорным реактивным двигателем) допускают летать только советских курсантов, а из всех «иностранцев» — только китайцев и корейцев. В Свердловском училище были венгры, очень оскорблявшиеся этим «недоверием». Они держались обособленно, в столовой с презрением отзывались о русской еде, про гречневую кашу говорили — «мы этим кормим свиней». На выпускном вечере один венгр, выступая от имени венгерского землячества, сказал в своей речи: «Но ничего, мы с вами ещё встретимся в воздухе». — «Встретимся, и от тебя ничего не останется», — откликнулся голос из аудитории.

Хороша дружба! Шурка Охотников рассказывал мне, что им, московским студентам, случается драться с румынами из-за девушек. Несмотря на все газетные поцелуи, русских очень не любят поляки. Даже среди нагих друзей чехов встречается враждебное отношение к нашим людям. Болгары — те роднее, очень хороши с нами албанцы. Немцы ненадёжные друзья, они ясно показали это 17 июня прошлого года. Лучше всех — китайцы, эти для нас родные братья. Китай из всего демократического лагеря самая революционная страна, а прочих мы тянем в социализм почти насильно.

О сближении с Китаем говорят самые различные детали. Позавчера сообщили, что мы отдаём им Порт-Артур в полное владение. Новая железная дорога соединит Алма-Ату с Китаем через Улан-Батор. Мы увеличиваем кредиты Китаю и поставки оборудования сверх условленного, строим новые заводы кроме тех, что обусловлены в договоре.

Наша дружба с Китаем освящена традицией. Китайцы сражались в России во время гражданской войны на стороне красных, это широко отражено в русской литературе: «Бронепоезд 14–69» Всеволода Иванова, «Как закалялась сталь» Островского. Упоминает об этом и Григорий Мелехов в «Тихом Доне». Ленин и Сун Ят-сен были братьями по духу, хотя по тогдашним китайским условиям Сун Ят-сен не мог подняться до революционности коммунистической. На всём протяжении китайской революции мы горячо сочувствовали ей, следили за всеми перипетиями бесконечной гражданской войны. В Москве шёл фильм «Красные дьяволята» — о революционных разведчиках, китайских мальчишках. Сталин на съездах партии говорил о перспективах китайской революции. После 1949 г[ода] мы немедленно вступили в союз с молодой республикой и стали оказывать ей помощь. Теперь политическое, экономическое и духовное братство СССР и Китая растёт с каждым днём. Экспресс Москва—Пекин. Китайские артисты в Москве. Советские баскетболисты в Китае. Китайская выставка в Москве (я видел её в цветной кинохронике). А вчера в газете «Советская торговля» от 7 октября 1954 года я нашёл следующее объявление.

Национальные
китайские
блюда
бульон с трепангами,
бульон с акульими плавниками,
утка по-пекински,
фаршированные грибы сянггу,
тушёные креветки
и другие китайские кушанья
в ресторане
«ПЕКИН»
Мосресторантреста
в Центральном парке культуры
и отдыха им[ени] Горького.
Ресторан открыт с 13 до 24 часов.

СССР, Китай и Индия в прочном союзе станут непобедимой силой.

17 октября. Воскресенье. Под 25 сентября, в длинной лекции о вреде алкоголя я неправильно записал стихи Павла Шубина. Теперь привожу его полностью:

Гуляла вьюга-именинница
По всем задворкам и дворам.
С утра полночная гостиница

Сдавалась хмурым вечерам.
Толкалась очередь у нужника,
Хрипели краны без воды,
Крысиный хвост из-за отдушника
Свисал с сознанием правоты.
А всё ж я ни на что не сетую,
Благословляя в сотый раз
Окно, закрытое газетою,
Кровати ржавый тарантас.
А на кровати платье синее
Всю ледяную ночь цвело
Той необъятною Россиею,
В которой нам не повезло.

Это настоящие подпольные стихи, потому что они читаются и распространяются из-под полы. Их нигде не печатают, а вот стихи Константина Симонова, которые он написал на фронте, узнав об измене Вали Серовой, печатались в одной фронтовой газете. В этих стихах, которые Симонов читал бойцам на фронте, есть пропитанные гневом и болью строки:

В стихотворенье «Жди меня»
Презервативы завернула.

Во время войны писатели и журналисты хорошо проявили себя. Военные годы были расцветом творчества Симонова. Погиб в боях Гайдар (да и многие другие писатели и поэты). Шолохов находился на фронте. Сергей Борзенко первым вступил в какой-то освобождаемый город (за что, единственный из журналистов, получил звание Героя Советского Союза), как об этом поётся в «Песне военных корреспондентов»:

На пикапе драном
И с одним наганом
Первыми врывались в города.

А после войны им остались боевые раны, гордые воспоминания, большая внутренняя усталость да приобретённый на войне алкоголизм.

В последнее время Валентин Овечкин, напечатав статью в «Литературной газете», поднял вопрос о том, что писатели получают слишком большие деньги. По этому поводу я слышал такое *mot en vogue*: «Зажрались!» И действительно, зажрались. В Москве расплодилось множество всякого рода паразитов, которые кормятся при советской культуре. Об этом очень любопытные вещи рассказываются в одном фельетоне. . .

18 октября. Фельетон Юрия Чаплыгина «У золотой жилы», в газете «Правда», 15 октября 1954 г. Я выписываю первую половину его.

«Человек, одетый в удивительно длинный тёмный пиджак и удивительно узкие светлые брюки, рассеянной походкой скучающего туриста вошёл в подъезд небольшого учреждения, размещённого в Лаврушинском переулке, 17/19, — Всесоюзного управления по охране авторских прав. Швейцар, облачённый в щедро расшитую золотыми галунами и позументами униформу, особенно почтительно распахнул перед ним дверь и осторожно, будто принимая на хранение редкое сокровище, взял из его рук ладную шляпу.

Когда вскоре посетитель выходил из кассы управления, несколько человек, стоявших в вестибюле, обменялись репликами:

— Тот самый! Человек редкой удачи!

Роскошный незнакомец не обратил никакого внимания ни на преувеличенную любезность швейцара, ни на шёпот за его спиной — он, видимо уже привык к славе. Да, он давно уже смотрит на мир устало-снихождительным взглядом. Периферийные режиссёры приезжают к нему на квартиру, и он принимает их в халате, давая понять, что он не собирается особенно церемониться с частыми гостями. Самых почётных клиентов он поит чаем и с улыбкой показывает им красивые корешки книг, которые он собирает для солидности, но никогда не читает, и рассказывает гостям «модные» анекдоты из жизни известных писателей.

— Наверное, это выдающийся драматург? — осведомляются непосвящённые.

Нет, он вовсе не выдающийся. И он так мало пишет, что его даже с натяжкой трудно назвать писателем. В анкетах он называет себя переводчиком. — Ах, так? Значит, он блестяще знает языки? — Нет, он не знает ни одного иностранного языка. Впрочем, и с языком русским он не совсем в ладу. Он переводчик-делец. Его творческий метод не сложен. Он выкапывает в архиве или на запылённой дальней полке библиотеки старую пьесу или либретто оперетты, написанную на одном из иностранных языков. Затем он даёт пьесу для перевода скромной преподавательнице английского или немецкого языка или юному студенту вуза. После этого «драматург» добавляет к подстрочнику то, что он называет литературным лоском, — несколько дешёвых каламбуров из числа слышанных в детстве от клоунов-буфф, несколько мелодраматических фраз из прочтённого тайком в школьные годы бульварного романа «Пещера Лейхтвейса».

По существу это нельзя назвать творчеством. Но за свои незамысловатые труды человек с устало-снихождительным взглядом получает такие огромные гонорары, какие не снились самым тонким мастерам, создателям удивительных шедевров.

Таких недобросовестных дельцов сравнительно немного. Но зато они постоянные гости в доме в Лаврушинском переулке. И беда не столько в них самих — их, казалось бы, нетрудно обуздать, но беда в том, что расточительность и недобросовестность поощряются в какой-то степени положением об авторском праве. Параграф четвёртый основ авторских прав прямо-таки подчёркивает, что произведение следует защищать независимо от его достоинства.

Управление по охране авторских прав охраняет почему-то нелепые традиции. Они похожи на традиции золотоискателей Клондайка и Калифорнии. Это своеобразный культ случайного «фарта». Люди, не имеющие литературных заслуг, подчас нападают на золотую жилу. Среди них есть и вполне честные труженики, но чудесное их обогащение выглядит фантастически. Н. К. Константинова получила за перевод пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион» больше миллиона рублей¹. Может быть, Н. К. Константинова написала пьесу заново, затмив Бернарда Шоу и только из великодушия оставив его имя на афише? Нет. Налицо обычный добросовестный перевод, и только. И этот перевод никто не считает образцовым. Не случайно в вышедшем недавно однотомнике Бернарда Шоу «Пигмалион» дан в переводе другого автора.

Н. Д. Волков обрёл за инсценировку одной «Анны Карениной» такую гигантскую сумму, какая не снилась и десяти первоклассным драматургам. Н. Д. Волков — уважаемый театральный деятель, но и он, разумеется, не будет утверждать, что превзошёл Льва Толстого.

Сценаристу Желябужскому только за один год выплачена за инсценировку «Овода» такая сумма, о какой и не мечтала автор романа «Овод» Войнич. Желябужскому не пришлось дорисовывать образов, сделанных покойной писательницей. Он просто использовал литературное наследство. Но почему инсценировщик должен стать столь богатым наследником?

В чём же тут дело? А в том, что за переводы пьес и инсценировки романов авторы их получают такой же процент со сбора в театрах, как и драматург, создавший оригинальную пьесу. . . »

Далее менее интересно.

В вопросе о чрезмерных доходах литераторов, о золотом дожде гонораров мнение Валентина Овечкина разделяет Шолохов.

19 октября. Сегодня на лекциях я читал «Посмертные записки Пиквикского клуба» и давился от смеха. Какая чудесная жизнерадостная книга! Сколько в ней веры в человека!

Милый Пиквик! Славный Сэм Уэлер, с его тяжеловатым английским юмором!

«Нет, нет, регулярная очередь, как говорил Джек Кеч, вздёргивая людей на виселицу».

«Какого дьявола вам нужно? — сказал человек, когда ему явилось привидение».

«Выкладывай да поживее, как сказал отец сыну, когда тот проглотил фартинг».

«Ну-с, джентльмены, «накидывайтесь», как сказали англичане французам, когда прикнули штыки».

23 октября 1954 года.

Журнал «Венгрия» № 6 за 1954 год.

Корреспонденция «В летний вечер».

Удивительно благоприятное географическое положение Будапешта, в сочетании с большой рекой, представляет полуторамиллионному населению столицы массу возможностей

¹Ей, действительно, сказочно повезло. Пьеса понравилась зрителю и несколько лет шла на сцене советских театров (в том числе и в Уфе). Она и сейчас ещё не вполне сошла.

отдыха, приятного времяпрепровождения и развлечений. Наряду с горами и лесами, окружающими город, с обилием целебных источников, со множеством парков и садов, местом отдыха будапештцев является и красавец Дунай. У мостов и набережных в сосредоточенном молчании, ожидая счастья, сидят над рекой рыболовы. . . Мимо острова Маргит группами и в одиночку проносятся гребцы-спортсмены, далеко разносятся команды рулевых восьмёрок. А после заката, под звуки музыки, как сказочный белый лебедь-великан, освещённый множеством лампочек и лампионов, медленно выплывает вечерний экскурсионный пароход. . . Захватывающее, приковывающее к себе внимание зрелище. . .

Экскурсия на пароходе является одним из излюбленных развлечений будапештцев. Здесь можно отлично провести время — отдохнуть от суеты и шума города, повеселиться, потанцевать или просто поужинать.

Пароход «Свобода», действительно напоминающий своими очертаниями лебедя, один из лучших дунайских пароходов, как только наступает вечер выходит из пештского порта. Матросы, одетые в белоснежную форму, ловко поднимают якорь, сбрасывают концы в воду и пароход медленно отчаливает. Звучит музыка. . . Слышатся весёлые шутки, смех. . . Очарование дивного вечера гармонирует с приподнятым праздничным настроением.

Пароход медленно направляется к северу. Сколько всего можно увидеть с палубы! Крепость Буда с недавно реставрированной ронделлой эпохи средневековья, бастионами, башнями выглядит в последних лучах заходящего солнца как огромные, живые декорации какой-то исторической драмы. За ним — венец гор Буда, пропадающий в сумерках; на склонах горы Свободы сверкают огни вилл, а на вершине горы Янош, как алмазная игла, приколота к небу, сверкает освещённый бельведер. Когда пароход подходит к острову Маргит, виден лежащий напротив него Розовый холм, один из прекраснейших районов Будапешта, и среди вековых зелёных деревьев турецкий надгробный памятник отца роз, Гюль Баба.

У острова Маргит на танцевальную музыку парохода отвечают мелодии танцев с острова. Музыка слышится из ресторана «Касино», из сада Гранд-отеля на северном конце острова. На правом берегу старый квартал столицы — Обуда молчит, только иногда раздаётся звон колоколов старинных церквей. У моста имени Сталина пароход оставляет позади центральную часть Будапешта. В воде отражается голубое пламя сварочных пистолетов — это Обудский судостроительный завод. На другом берегу высятся трубы и мачты Уйпештского порта. Река расширяется, пароход подходит к Аквинкуму, развалинам старинного римского лагеря. Ивы окаймляют побережье, называемое Римской набережной. Всюду множество плотов-причалов. На берегу — красные, зелёные, белые, жёлтые домики, лодочные гаражи, маленькие рестораны — это огромная спортивная база Будапешта.

Пароход доходит до границы Будапешта, до нижней оконечности огромного Сентэндрейского острова. Отсюда можно увидеть горы Пимии, огни далёких деревень. Здесь пароход разворачивается и направляется обратно. Перед пассажирами открывается чудесная панорама. . . Издали кажется, что Будапешт плывёт навстречу. Миллионы ламп большого города

отражаются на небе огромным куполом. В реке хорошо видны характерные пункты: гора Геллерт со старинной военной крепостью Цитаделью и статуей Свободы, огромное здание Парламента, башни церквей Буды.

Медленно работают машины, пароход тихо скользит вниз по реке. Вот и пристань. . . Слышатся отрывистые слова команды, и пароход причаливает.

Под те же весёлые звуки оркестра пассажиры по мосткам сходят на берег и растекаются по всем направлениям, унося с собой бодрое чувство хорошо проведённого вечера.

Я сохранил при переписке все ошибки стиля и правописания. Писал, конечно, мадьяр. «Свобода» по-венгерски «Sétahajó», это явствует из приложенного фото.

«Венгрия» — ежемесячный журнал, который выходит в Будапеште на русском и английском языках. Он иллюстрируется цветными фотографиями и рекламирует всё, чем могут гордиться венгры: кровных лошадей, венгерских футболистов, старинные замки, знаменитую «цыганскую» (ресторанную) музыку в исполнении виртуозов-скрипачей, венгерскую архитектуру, венгерских артистов и т.д.

Среди этой всякой всячины я отыскал интересную заметку о пароходных прогулках по Дунаю, сопровождаемую фотографиями танцев на корабле, влюблённых парочек у фальш-борта, ресторанных столиков на палубе и т.д. Мне захотелось почему-то приложить её к дневнику.

31 октября. Воскресенье.

Перечитываю Есенина, вдыхаю аромат двадцатых годов, постигаю всю боль и всё своеобразие этого удивительного времени. В журнале «Вестник знания» за 1926 год, № 1, под свежим впечатлением трагического события в отеле «Англетер» Августа Рашковская писала в статье

«Сергей Есенин
(1895 — 1925)

. . . Догорит золотистым пламенем
Из телесного воску свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

Есенин.

Голос Есенина впервые прозвучал в канунный шестнадцатый год. В душевной и напряжённой атмосфере умирающего символизма и бурных крайностей футуристов — простые звуки Есенинских песен были как прикосновение ветра с весенних полей. Они пленяли своей гармоничной простотой, яркой чисто-народной образностью, захватывающим лиризмом. Казалось, что Есенин стоит вне всяких литературных книжных традиций, что просто с земли поднимает он свои, расцветающие поэзией строки. . . »

Далее Августа Рашковская говорит о церковности и религиозности первого периода в образах Есенина.

... И вызванивают в чашки
Ивы, кроткие монашки. . .

Или:

... Гой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа. . .

«Первая книжка Есенина — «Радуница» (1916 г.) За ней появились: «Голубень», «Преображение», «Трерядница», «Пугачов» и совсем недавно его последняя книга «Москва кабацкая».

Стадии его творческого пути были неожиданны и резко изломаны. Мы знаем этого голубоглазого кудрявого поэта, в котором там много духа — «гуляжи праздного»; по страницам перечитываем его беспутную и прекрасную, сгоревшую свечою — жизнь¹.

Мы знаем его родину и его широкую любовь к ней, мы знаем пейзажи его родной деревни, его дом, все уютные подробности крестьянской хаты:

... Пахнет рыхлыми драченами,
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз. . .

Вот его мать:

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко. . .

Город вошёл в его стихи, прежде всего мотивами тоски о покинутых родных полях, мотивами, проходящими сквозь всё его творчество.

... Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа. . .

Город обернулся своею тёмной стороною к поэту. Острее выдвинулись темы хулиганства, разгула, разбоя, бродяжничества, вместе с волнующим и нарастающим сознанием своей поэтической власти и долга.

Русь моя! Деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.
Я последний поэт деревни. . .

¹ Вот забавно, в те годы, подражая Горькому, писали тире где нужно и где не нужно. Даже пунктуация передаёт дух эпохи.

Есенин образовал² литературную группу — «имажинистов», принял революцию, облёк стих в выдержанные, строгие формы.

Предположительно 1 ноября 1954 года <Начало записи отсутствует.>

жение в произведениях Грина.

Александр Грин¹, павший жертвой атаки на космополитизм в сороковых годах, был просто ярким выразителем романтики того времени. Какой он космополит? Тогда не стоял вообще вопрос о космополитизме, никто не воспринимал англо-саксонскую экзотику Грина так всерьёз, как восприняли её наши литературные вожди в момент предельного обострения международного положения, в минуту, когда англо-саксы превратились в наших почти несомненных врагов. Романтизм Александра Грина вполне созвучен романтизму Алексея Толстого? От «Бегущей по волнам» один шаг до «Аэлиты». Правда, Толстой в самых бредовых своих видениях надевал на фантазию толстую дерюгу реалистического метода, он ещё стоял на материалистической почве, хотя «солнце романтизма» столь сильно тянуло его к себе, что порою подошвы отрывались от земли. Грин же сделал решительный шаг, и его фантазия оказалась на почве мистицизма, телепатии, предопределения и прочей идеалистической дряни, а метод Грина сделался субъективно-метафизическим. Не помню кто метко назвал Грина талантливым эпигоном Гофмана и Эдгара По, подражающим в то же время «современным» писателям английских детективных романов. Грин не в праве претендовать на имя русского писателя. Пользуясь широкой популярностью бульварно-приключенческих романов Запада, он в единственном лице представил этот жанр на русской литературной ниве и даже несколько украсил его. Стиль Грина подчас очень красив. Куприн назвал язык Грина «золотым и весёлым».

Я хочу выписать несколько кусков из лежащей передо мной книги «Бегущая по холмам». Вот первый отрывок:

«Я спал в комнате, о которой упоминал, что её стена, обращённая к морю, была, по существу, огромным окном. Оно шло от потолочного карниза до рамы в полу, а по сторонам на фут не достигало стен. Его створки можно было раздвинуть так, что стёкла скрывались. За окном, внизу, был узкий выступ, засаженный цветами.

Я проснулся при таком положении восходящего над чертой моря солнца, когда его лучи проходили внутрь комнаты вместе с отражением волн, сыпавшихся на экране задней стены.

На потолке и стенах неслись танцы солнечных привидений. Вихрь золотой сети сиял таинственными рисунками. Лучистые веера, скачущие овалы и кидаящиеся из угла в угол огневые черты были, как полёт в стены стремительной золотой стаи, видимой лишь в момент прикосновения к плоскости. Эти пёстрые ковры солнечных фей, мечущийся трепет которых, не прекращая ни на мгновение ткать ослепительный арабеск, достиг неистовой быстроты, — были везде — вокруг, под ногами, над головой. Невидимая рука чертила странные письмена, понять значение которых было нельзя, как в музыке,

²Конечно, ничего он не образовывал: его «образовали».

¹Александр Степанович Гриневский (1880 — 1932).

когда она говорит. Комната ожила. Казалось, не устоя перед нашествием отскакивающего с воды солнца, она — вот-вот — начнёт тихо кружиться. Даже на моих руках и коленях беспрерывно соскальзывали яркие пятна. Всё это менялось неуловимо, как будто в встряхиваемой искристой сети билась прозрачная мотылька. Я был очарован и неподвижно сидел среди голубого света моря и золотого — по комнате. Мне было отраднo».

Портрет Фрези Грант, Бегущей по волнам:

«Правильное, почти круглое лицо с красивой нежной улыбкой было полно прелестной, нервной игры, выразившей в данный момент, что она забавляется моим возрастающим изумлением. Но в её чёрных глазах стояла неподвижная точка; глаза, если присмотреться к ним, вносили впечатление грозного и томительного упорства; необъяснимую сжатость, молчание, — большее, чем молчание сжатых губ. В чёрных её волосах блестел жемчуг гребней. Кружевное платье, оттенка слоновой кости, с открытыми, гибкими плечами, так же безупречно белыми, как лицо, легло вокруг стана широким опрокинутым веером, из пены которого выступила, покачиваясь, маленькая нога в золотой туфельке».

Замечательно написан случай во время карнавала в Гель-Гью в главе XXXIII, но мне некогда извлекать эту историю покушения на памятник. Словом, в двадцатые годы, которые были так заполнены мятущимися и тревожными сердцами, в годы, знавшие столько тоски и метаний, «Бегущая по волнам» приплась как нельзя более кстати: это была обманчивая мечта, врачевавшая слабые души.

Да, Грин был больше, чем бульварно-детективным романистом, а крики об его космополитизме — глупость. Как тоскует читатель, как хочется простым людям открыть золотую книгу чудесных грёз и мечтаний! Опасно, если книгу грёз открывает людям человек, у которого лишь острый ум и ловкая рука, но нет веры в будущее. Его мечты уведут в царство теней. Это нам не нужно.

«Лучшие» вещи написаны Грином в период 1920 — 1928 гг. Среди них самое популярное его произведение — феерия «Алые паруса».

Люди хотят мечтать, дайте им мечту! Грин дал её. Видите, что происходит, когда художественному творчеству ставят искусственные границы? Областями, не вошедшие в эти границы, завладевают чужие. Если есть вера в будущее, надо экспериментировать на самом широком фронте, пытаться создать золотую книгу без ятя и ера, книгу, написанную целиком по-советски, но с мечтами, с чудесными грёзами.

К «Бегущей по волнам» Грин поставил эпиграф:

«Это Дезирада...»

*О, Дезирада, как мало мы обрадовались тебе,
когда из моря выросли твои склоны, поросшие манцениловыми лесами.*

Л. Шадурн.»

Луи Шадурн — автор экзотических описаний, созвучных романтизму Грина. В 5-м номере «Вестника знания» за 1926г. приводится небольшая глава из книги Л. Шадурна «Где

рождаются циклопы», изображающей «современную» Южную Америку и острова Карибского моря. Вот эта глава:

«Мартиника! Мартиника! Шоффер-негр. Дороги с резкими поворотами и крутыми подъёмами. Опять опьяняющая скорость и волны благоуханий в лицо. Овраги, заросшие зеленью, гигантские деревья, обвитые лианами! Склоны, покрытые лесом, пальмы, бананы в несколько стволов, манцилиловые и хлебные деревья, древовидные папоротники! Растительность всем завладела, она карабкается повсюду. Покачиваются чудовищные листья.

Из скал бьют горячие ключи, падая дымящимися каскадами. Красный «волчий хвост», орхидеи, похожие на лампочки в тёмной зелени.

Дорога постепенно углубляется в зелёный туннель с застывшим воздухом, полным напоённым запахом тёплой, дымящейся земли.

Вот Мон-Пеле¹, окутанный туманом, придающим мрачный оттенок всему пейзажу. Густая туча напоминает о подземных силах. Скоро берег, где находился разрушенный город, покроется зеленью; выше склоны, покрытые потрескавшейся лавой, а ещё выше — тёмная вершина смертоносной горы. В глубине этой земли чувствуется kloкотание. Неистощимая растительность выходит из этой минированной почвы. Всё ущелье засыпано цветами; ветви деревьев углубляются в землю и пускают в ней корни. И всюду дымящиеся источники. И везде это страшное, подавляющее впечатление, эти постоянные призраки опасности!

Возвращение в сумерках, в полумраке, — словно при затмении солнца, предвещающем землетрясение.

Но вот среди зелени, в тижинах зажигаются яркие огоньки; как искорки, блестят светлячки на деревьях и кустах. Видна освещённая веранда: полулёжа, отдыхает женщина, мужчина читает. Аромат растений проникает со всех сторон в открытые дома. Тяжело повисли блестящие цветы.

Ночь опускается на предместья. Пёстрая толпа негритянок, повязанных яркими платками, с ношей на голове и с корзинками фруктов; ребятишки-негры с глянцевыми ногами, мужчины — в белых одеждах, мулатки в развевающихся муслиновых платьях, — целый мир всех оттенков розового и жёлтого цвета, наполняющий узкие улицы с низкими домами, окаймлёнными зелёными изгородями, листья растений при вечернем освещении кажутся пурпурными; красное солнце садится за чёрной металлической гладью озера, и на прозрачном небе вырисовываются толстые ветви какого-то дерева, похожие на огромных пресмыкающихся.

Кажется, что видишь всё это во сне, под влиянием опиума. Вдыхаешь полной грудью ароматы. И тут же этот ужасный чёрный демон (шоффер), со своим гудком, глухим и раздирающим, как рёв хищного зверя.

Вспоминаются Цейлон и Китай. Чувствуешь громадное, лихорадочное наслаждение. После гибели Сен-Пьера семьи потерпевших долгое время получали вспомоществование.

¹Вулкан, знаменитый своим извержением, во время которого погиб город Сен-Пьер, если не ошибаюсь, в 1902 г.

Благодарные чёрные окрестили смертоносную и в то же время питавшую их гору прозвищем «Дядя Вулкан».

Мартиника! Мартиника!

Стиль-то каков, бу-ха-ха! Типичный отрывочек из литературы 20-х годов. В такие моменты я чувствую, что на мгновение схватил за хвост кобылу Истории.

1 ноября 1954 года, 6 часов вечера.

Приближается праздник 7 ноября. Обо всём, связанном с ним, запишу на первых страницах новой тетради. За праздником последует съезд писателей. Это будет дьявольски интересно.

Без даты

Париж в 1954 году. (По очерку А. Софронова).

Париж!

Шумный, как и в каждом городе, перрон. Толпы людей. Мелькают в воздухе цветы. Носильщики укладывают чемоданы в тележку и везут к стоянке автомобилей. Довольно много военных. Большинство из них — французы, но немало солдат и из колониальных войск. Но вот офицеры в серой форме с двумя буквами на петлицах: «U.S.». Американские лётчики. . . Сколько их расплодилось по всему свету!.. Здесь, на привокзальной площади великого европейского города, они лениво, с тупым высокомерием рассматривают пёструю толпу парижан, нехотя отвечают на приветствия французских «нижних чинов» . . .

Как хорош и красив Париж! Последние дни мая. Цветут каштаны, сыплется их белый цвет на тротуары. . . Солнце, жаркое, но какое-то удивительно мягкое, раскрашивает город в изумляющие глаз цвета. Кажется, весь Париж на улицах. Бесчисленное количество маленьких кафе со столиками на тротуарах. Здесь можно выпить пива, студёной воды с соками. . .

Узкими, притихшими в этот полуденный час улочками поднимаемся на Монмартр. Одинокие прохожие. Женщины с корзинками у овощных лотков. Неожиданно наша машина делает поворот. Крутой подъём, увенчанный белым собором. Это Сакре-Кёр. Отсюда в лёгком, дрожащем мареве жаркого дня открывается нам Париж. Внутри собора идёт богослужение.

Прохладная темнота. Колеблется пламя свечей. Много пожилых людей в чёрной старомодной одежде. . .

Едем к площади Этуаль. Посреди Триумфальная арка. Многорядный поток машин обтекает арку со всех сторон; из выходящих на площадь улиц выносятся всё новые автомобили. Кажется, что здесь вращается какая-то гигантская карусель, на которой представлены марки автомобилей из всех стран света. Немало машин американских марок. Пробегают и «джипы» с американскими солдатами и офицерами.

Воспользовавшись моментом, когда полицейский на мгновение остановил круговой поток, мы перебегаем площадь и направляемся к Триумфальной арке. Под аркой из-под земли вырывается пламя. Это «могила неизвестного солдата». Около неё аккуратно сложены вен-

ки. Подняться на верхнюю площадку Триумфальной арки можно лишь при помощи лифта. Обслуживают лифты ветераны двух войн.

Словно лучи, расходятся улицы от площади Этуаль. Красивые улицы. Много зелени. И даже круговорот автомобилей отсюда, сверху, не выглядит таким бешеным. Просто действует какая-то мощная пружина, и, послушные ей, мчатся (сверху кажется, что в строгом порядке) сотни разноцветных машин. Вот сейчас завод пружины кончится — всё остановится, и станет тихо и спокойно вокруг.

Наш спутник, видя, что мы смотрим в сторону Эйфелевой башни, спрашивает:

— Вас, конечно, тянет к ещё более высокой точке Парижа? Хотите подняться на Эйфелеву?

— Конечно!

Под строгим взглядом ветерана-лифтёра спускаемся вниз.

Ещё раньше мы заметили, что лицо нашего шофёра испещрено мелкими, идущими в разных направлениях шрамами. Оказывается, он участник второй мировой войны. Осколок гранаты разворотил ему челюсть. Он полтора года пролежал в больнице, пока ему по кусочкам собирали лицо, сшивали нос. Мы спрашиваем его, что он думает по поводу перевооружения Германии. — Я думаю, что если однажды меня кое-как залатали и сделали похожим на человека, то вторично немецкая граната или снаряд просто оторвёт мне голову. Будет, правда, меньше заботы для медицины, но больше неприятностей для меня!..

... Для того, чтобы подняться на верхнюю площадку Эйфелевой башни, требуется постоять в очереди у кассы, уплатить 400 франков, затем пройти к лифту. На башне три площадки; чем выше, тем дороже плата. На площадках, где пересаживаешься на другой лифт, десятки киосков с сувенирами: Эйфелева башня в миниатюре, фотографии, чернильницы и прочая мелочь. Здесь же небольшие кафе — содовая вода, лимонад, бутерброды. Некоторые экскурсанты поднимаются сюда на большой срок; поднимаются трезвыми, спускаются навеселе. Со всех сторон слышится разноязычный говор, словно это не Эйфелева, а вавилонская башня.

В медленно поднимающемся среди красивых стальных конструкций лифте мы видим и почтенных старцев с седовласыми подругами жизни и семнадцатилетних девушек с тонкими талиями в туфлях на босу ногу. Они крепко прижимаются к своим дружкам.

С верхней, третьей площадки виден весь Париж. Он тает в тихой, прозрачной дымке. Город кажется бесконечным, окраин его не видеть. А всё, что поближе, — Сена с перекинутыми через неё мостами, дворцы и площади, маленькая с такой высоты Триумфальная арка, серые дома с чёрными крышами, ансамбль Лувра, неширокие ленты улиц с разноцветными точками автомашин — всё это лежит под нами, как огромная рельефная карта. В открытые стёкла врывается прохладный сырой воздух ветер, но так не хочется уходить!

Мы долго стоим, рассматривая этот изумительный по красоте город. Слева от нас какие-то люди разговаривают на английском короткими, отрывочными фразами.

— Смотрите, город разбит на квадраты, — говорит один.

— Большая площадь, сразу не облетишь.

— А вон, видишь, квадрат Лувра?

Мы оглянулись. Разговор вели три американских лётчика. Они были в форме, со свежими орденовыми колодками на груди. Профессиональным взглядом смотрели они с высоты Эйфелевой башни на столицу Франции, словно решая учебную задачу на прицельное бомбометание. Стало не по себе.

Оставив американских лётчиков заниматься дальнейшими «теоретическими изысканиями», мы пошли к лифту.

. . . Вскоре машина подвезла нас к площади Инвалидов. Она была установлена балаганами, каруселями, американскими горками, тирами, дешёвыми аукционами, размалёванными палатками гадалок и предсказателей судьбы. . . Всё это кричало и зазывало. Со всех сторон доносились треск и грохот непомерно усиленных репродукторами пластинок. На большой круглой площадке под навесом мчались приземистые маленькие обтекаемые двухместные машины. В них сидели солдаты, девушки с раскрасневшимися лицами. Задача каждой машины заключалась в том, чтобы посильнее ударить другую. Всё это скрежетало, словно здесь раздирали на части огромные полосы железа. . .

Уже позже, под вечер, мы снова пересекли площадь Инвалидов. Утренняя духота сменилась холодным ветром, временами шёл мелкий дождь. Балаганы закрывались. Стерев рюмяна и сбросив пышные одежды, сидели за столиками гадалки, предсказатели судьбы, владельцы тиров и устало жевали бутерброды, запивая их кофе, что с утра ещё стояло в термосах. Одинокие бродяги толпились между балаганами, но на них никто уже не обращал внимания.

Хороши по утрам набережные Сены. Пришёл час, когда парижане расходятся по заводам и фабрикам, конторам, банкам, магазинам. Плывут под мостами маленькие катера и лодки. Сидят с удочками одинокие рыболовы. Выходят к реке художники с мольбертами и набрасывают на холст эти желтовато-сиреневые тона, часто неуловимые в своих переходах. Здесь, на берегу Сены, не так давно состоялась своеобразная выставка-аукцион, на которой были выставлены работы уличных художников и просто художников, чьи работы не были приняты на годовую выставку в Гран-Палэ. Рассказывают, что выставка на берегу Сены, устроенная по соседству с палатками букинистов, прошла довольно оживлённо. Многие из картин были посвящены острым социальным сюжетам. Публика охотно посещала выставку, шли оживлённые дискуссии, только картин было продано мало.

Чудесен Париж вечером. Небольшие озёра Булонского леса. По ним, взмахивая вёслами, не спеша проплывают лодки. На скамьях сидят пожилые люди. Старики попыхиывают синим дымком из трубок.

Без даты

Лондон 1954 годы. (По очерку А. Софронова).

Снова за окном вагона утро. Голубоватые воды Ла-Манша. На берегу пролива уже какие-то иные, чем во Франции, кирпичные домики с черепичными крышами. Пронесётся

с двух сторон дуга и поля. На лугах тяжёлые овцы. Много пёстрых массивных коров. В крестьянских дворах высокие кирпичные башни для хмеля, похожие на силосные. Здесь же рядом и плантации хмеля.

Маленькие, с продолговатыми перронами станции. Они безлюдны: сегодня воскресный день. Изредка взгляд на быстром ходу выхватит скучающего железнодорожника — и всё. Вдоль дорог и на станциях множество рекламных плакатов. Время близится к девяти утра. Скоро Лондон.

Начинаются предместья столицы Англии. Двухэтажные дома рабочих окраин с тесными дворами. Рабочие посёлки вдруг сменяются красивыми особняками с чугунными фигурными решётками ограды, с гофрированными дверями гаражей. . . Вот уже и сам Лондон. Накрапывает мелкий дождик. Небо всё в низко плывущих тучах. . .

Встречающих поезд довольно много. Женщины с цветами, в пёстрых непромокаемых плащах. . .

. . . И вот мы уже катим по немногочисленному в праздник Лондону. Останавливаемся по соседству с Гайд-парком в «Палас-отеле» на Бейсуотер-род.

Лондон — один из красивейших городов мира. Старинная архитектура, набережные Темзы, строгие мосты. Можно часами любоваться на Трафальгарской площади голубями, доверчиво слетающими вам на плечи. Самое хорошее впечатление оставляют лондонские парки. Много красивых памятников. Особенно много памятников военным. Да это и понятно: Великобритания вела в прошлом немало завоевательных войн.

Лондон — город концентрированной промышленности, с широко развитым, удобным для жителей транспортом. Шумный в центре, на Риджент-стрит, на Оксфорд-стрит, город тих и спокоен в сотнях кварталов, где стоят похожие друг на друга двух-, трёх- и четырёхэтажные дома. Они настолько похожи друг на друга — узкие, построенные на миниатюрной площадкой земли, — что окрашивают их как правило в разные тона, чтобы, как говорят сами англичане, «не заблудиться».

В центральной части Лондона, в районе Вестминстера, больше всего замечательных архитектурных памятников старины: здесь высится Вестминстерское аббатство, здесь здание парламента и знаменитые часы с острыми золотыми стрелками. На Даунинг-стрит, неподалёку от Трафальгарской площади, небольшой дом премьер-министра. В районе мрачных официальных зданий министерств не так уж много гуляющей публики. Этим улицам лондонцы предпочитают парки или шумную, фантасмагорическую в вечернее время улицу Пикадилли: тут всегда можно видеть скопища иностранцев, приехавших в Лондон повеселиться, развлечься. Здесь самые дорогие кинотеатры, ночные рестораны. Сейчас Пикадилли — центр притяжения для американской военщины, главным образом лётчиков. Так как в военной форме они слишком уж «заметны», был отдан приказ появляться на улицах в гражданской одежде. Это не значит, конечно, что совсем не увидишь военных. Среди худощавых англичан и застенчивых шотландцев в пёстрых клетчатых юбках довольно часто мелькают военные в серой форме, на петлицах которых тускло поблескивают всё те же

буквы: «U. S.». Впрочем, и без формы можно распознать на Пикадилли стоящих группами по три-четыре человека американских лётчиков в голубых брюках, синих лёгких пиджаках, белых рубашках, на которых яркими пятнами распластались галстуки невероятной пестроты. Они ходят по Пикадилли, весьма откровенно разглядывая женщин и девушек. Кутежи составляют их главную цель в эти вечерние и ночные часы. Рядовой американский солдат, состоящий на полном довольствии, получает вдвое больше денег, чем квалифицированный английский рабочий или средний чиновник.

Как-то вечером на Пикадилли мы зашли в небольшое кафе. В течение часа наблюдали, как американский лётчик угощал английскую девушку, постепенно вливая в неё небольшими порциями коньяк. Раскрасневшаяся девушка что-то щебетала ему, а он молчал и только смотрел на неё чуть прищуренными глазами. Потом они ушли. Сидевший за соседним столиком лондонец сказал им вслед: — Скоро появится ещё один незаконнорожденный. . .

Фраза, брошенная англичанином, не была случайной. Говорят, что в Англии тысячи незаконнорожденных детей, отцами которых являются американские военные. Этот вопрос многих волнует. Как только американец отслужил свой срок, он уже вообще недосыгаем. Немало печальных драм (?) разыгрывается на этой почве. . .

. . . Много раз мы возвращались на Трафальгарскую площадь: здесь всегдалюдно. Возле огромного бассейна с фонтанами, с дном, облицованным голубовато-зелёной красивой плиткой, отчего и струи воды кажутся яркоголубого цвета, можно увидеть и школьниц в удобной светлзелёной форме, и морячка со своей подружкой, обязательно в обнимку — так уж принято, — и безработного, с безразличным видом смотрящего на воду. Иногда к фонтанам завернёт человек, которого называют «сэндвич». На торговых улицах много таких «сэндвичей». Закован человек, как в панцырь, в рекламные щиты, на которых всякие призывные слова о продаже плащей, туфель и прочего. . . Сам он в плохонькой одежде, в стоптанных башмаках. За несколько шиллингов он бродит по Лондону целый день. В тихую погоду ещё ничего; когда же подует ветер, полуголодному человеку трудно ходить. . .

На Трафальгарскую площадь окнами выходит здание Национальной картинной галереи. А под окнами ползают два человека. Это уличные художники. Цветными мелками они рисуют на тротуаре. Рядом с ними лежат шляпы, негусто наполненные мелкими монетами. В Англии существует закон, запрещающий нищенство. Человек должен работать. Художники «работают». . . Один из них чёрными, белыми и коричневыми мелками рисует собачьи головы. Профили догов, гончих собак смотрят на вас с тротуара.

Другой художник-пейзажист. У него синие, зелёные, розовые мелки. Он рисует гору, поросшую лесом. Под горой красный с чёрным замок. Лицо у художника тоже медно-красное, обветренное. Руки от постоянного ползания по тротуару грязные, почти чёрные, и всё же на рубашке, потерявшей цвет, завязан вытертый, замасленный галстук. . .

Без даты. Продолжение.

Во время войны Лондон подвергался зверским бомбардировкам гитлеровской авиации. Сюда же с бессмысленной жестокостью фашисты направляли свои «фау». Много было

разрушено домов, тысячи людей погибли под обломками зданий. Особенно много развалин здесь, в районе Сити. Идешь — и видишь обожжённую, ещё не отшлифованную временем стену, лестницы, никуда не ведущие, оскалы пустых дверей и окон. Неподалёку от собора св. Павла какое-то разрушенное здание, поросшее травой. Кольшутся под ветерком уже успевшие вырасти после войны небольшие деревца. На чёрном щите белыми буквами надпись, сообщающая прохожим о том, что здесь когда-то была школа. Часть разрушенных зданий прикрыта многометровой рекламой. Кое-где дома строятся, но всё же ещё много, очень много развалин в Лондоне. . .

Мы зашли в кинотеатр. Шла пустынькая американская комедия. В зале сидели и американцы. Они гоготали во всё горло, хватали за бока продавщицу мороженого. Сидящие вокруг англичане отворачивались. Когда замелькали кадры кинохроники, достоинство которой, кстати, в том, что она появляется буквально через день-два после того, как снята, американцы притихли. На экране мы увидели американский авианосец, на котором происходил пожар. Отрывистый голос диктора сообщал о том, что около двухсот американских солдат погибли или оказались тяжело ранены. Зал в молчании смотрел, как санитары проносят на носилках обезображенные тела моряков. Затем появились кадры, показывающие какое-то ультрасовременное спортивное состязание: борьба, бокс — всё вместе, двое против двоих. Американцы опять начали орать, бросать одобрителльные реплики, но вдруг притихли. Они разглядели, что пара, которую нещадно колошматили, была американская. Два здоровенных японца били их лбами, кулаками наотмашь в живот, подмяв под себя, бросали на ринг, а окровавленные американцы ползали на четвереньках. . .

Во время сеансов обязательно показывают какую-нибудь рекламу. . . Что только не рекламируют на экране! И духи, и драгоценности, и порошок для чистки посуды. . . Рекламируют в рифму, с песнями, с помощью драматических диалогов, инсценировок. . . Когда на экране появляются кадры рекламы, в зале начинаются смешки: одно и то же! Обычно заканчивается такая реклама кадрами, на которых заснята продавщица мороженого. . . На мгновение зажигается свет — и вот меж рядов направляются продавщицы мороженого, одетые в точно такую же униформу, что и на экране. . .

В центре города, да и на окраинах, можно наблюдать возле кинотеатров такую картину. Очередь за билетами выстроилась на улице. Стоят терпеливо и час и другой, особенно в субботние и воскресные дни. А здесь же какой-либо певец в сопровождении аккордеониста или гитариста поёт песни, арии из опер или оперетт. Очередь стоит молчаливо. Певец и аккомпаниатор закончат пение, пройдут вдоль очереди с шапкой в руках. В шапку сыплются мелкие монеты. Затем всё начинается сначала.

. . . В магазинах Лондона очень вежливые и предупредительные продавцы. Вам не дадут, скучая, ходить по магазину, всегда предложат что-либо купить. Правда, в магазине иногда продавцов больше, чем покупателей.

Удивляет на улицах Лондона большое количество собак, причём собак не бездомных. Некоторые леди идут на прогулку, держа на поводках целую упряжку эрдельтерьеров, пу-

делей, боксеров. . . На одном из кладбищ у самого входа мы увидели большой памятник, на котором среди людских фигур была изваяна и голова собаки. Оказалось, что похоронена здесь умершая в 90-летнем возрасте вполне достойная леди — любительница собак. Голову одного из своих четвероногих любимцев она пожелала включить в общи ансамбль надгробия. . .

В Англии чрезвычайно распространены собачьи бега. Ничего общего со спортом это не имеет. По рельсе запускается электрический заяц, за ним пускают гончих. Каждая из них с лаем и визгом бросается за зайцем. Догнать его ни одна не догоняет, но пришедшая первой к финишу доставляет радость одним и печаль другим посетителям собачьих бегов, играющим на тотализаторе.

. . . Англичане очень любят спорт. К сожалению, летом футбольный сезон кончается, и мне пришлось увидеть ни одного футбольного матча. Только несколько матчей на первенство мира, передаваемых из Швейцарии, я видел в Лондоне по телевизору. Особенно любят англичане теннис — об этом говорит обилие теннисных площадок в любом городке. Как правило, в теннис начинают играть в школьном возрасте. Частенько в Англию приезжают американские спортсмены. С каждой встречей отношение к ним всё более скептическое, нередко переходящее в открытое недоброжелательство. Происходит это оттого, что американцы очень некорректны в спорте, грубят, относятся к англичанам во время спортивных встреч подчёркнуто пренебрежительно.

Задний форзац

Голубой макинтош
лакированные туфли
яичн[ый] желток
10 ликёров
Бродяга
стиль
Глазков
колхозы
как хошь
20 место
Кит. Ег. <нрзб>
религия
алкоголь
Бесы
«Б. небо»
Мать Шурки
Гитана
Левкои
Жду тебя

Берлин 17 июня
ресторан Пекин
Целинные совхозы

Биографический отдел

„Последний похитный денек
Зудю с вами я, друзья.
А завтра рано, тем светом,
Заплачет вся моя семья.

Заплачут братья мои, сестры,
Заплачет мать, родной отец,
Еще заплачет дорогая,
С которой три года жила”

Выражение водопроводчиков: ТРУБА дала ЛОПИНУ (от
того-то лопнуть).

Эту старую пес-
ню нам подучав-
шие бабу вскрес-
ном вечером
18 марта 56г.
на ул. Толка.

Биографический отдел

Интервью с бывшей студенткой филологического факультета БашГУ Екатериной Спиридоновой*

«Назировский архив»: Я хотел начать по порядку. Помнишь ли ты, как ты впервые его увидела? Какие у тебя были впечатления?

Екатерина Спиридонова: Да, тогда я буду говорить всё, не приукрашивая свои впечатления. В общем, Ромэна Гафановича Назирова я в первый раз увидела в первый наш учебный день. Это было, по-моему, первое сентября или второе сентября первого курса. Его лекция была сразу после лекции профессора по античной литературе. Мне стыдно, но я не помню, как его звали.

Античную литературу, наверное, Гутман читал.

Гутман, точно.

Он не был профессором. А это был 97-й год?

Это был 97-й год. И после того как первую лекцию у нас вёл Гутман. Это была огромная аудитория, в которую набился весь первый курс, все галдели, шумели, невозможно было сосредоточиться на предмете, достаточно было сложно к восприятию, хотя человек он был, безусловно, прекрасный, и предмет свой знал хорошо, но на лекции, признаюсь честно, скучали всё равно. И когда вошёл Ромэн Гафанович Назиров, я подумала, что сейчас, наверное, будет то же самое, то есть абсолютно такой же слабый голос, такой же бубнёж себе под нос, но когда он открыл рот, все остатки сна улетучились. Потому что как раз это были первая, потом вторая пара, всё равно поспать хотелось подольше после лета. А тут абсолютно сразу же приковал к себе внимание. Его лекция это и артистизм, и там присутствовал и командный голос, вот у меня сразу сравнение было с Понтием Пилатом, хотя фильм «Мастер и Маргарита» тогда не поставили, я «Мастера и Маргариту» прочитала где-то лет в 12, и Понтия Пилата именно таким представляла, то есть с командным голосом таким, будто он на баррикады куда-то зовёт. И настолько интересно было его слушать! Вот я помню потом уже и первый, и второй, и третий курс, и так далее — приходили студенты с других факультетов послушать Ромэна Гафановича Назирова и популярность у него была бешеная. И это был единственный преподаватель, который курил у нас в коридоре, не выходя ни в курилку, ни в туалет, он курил, причём так очень красиво, артистично опять же. Вот

*Интервью брал главный редактор «Назировского архива» Борис Орехов.

вообще артистизм был свойствен его натуре, мне кажется, во всех проявлениях, не только в том, как он читает лекции, как он курит сигарету, а в том, как он себя держит.

А ещё Брянцева курила прямо в аудитории в университете.

Я не видела. Может быть, я не обращала внимания. Я видела Ромэна Гафановича Назирова, и я поначалу его очень боялась. У меня и преклонение перед этим человеком было, потому что чувствовалась и его академические знания и его воля, его внутренний стержень, его жёсткость, его принципиальность, он мог сказать какие-то вещи в лицо. Не нахамить, а сказать то, что он думает, теми словами, которыми он думает. А я уверена, он думал так же, как и говорил, то есть без мата, без скабрёзных штучек, своё мнение, также негативное, он выражал открыто, прямым текстом говорил человеку. Я просто была свидетельницей таких вот случаев. И так же мне, когда на первом курсе он как-то ко мне подошёл, около расписания в коридоре я стояла, а я тогда любила чёрный цвет и часто одевалась в какие-то чёрные вещи, у меня были тёмно-синие, почти чёрные, джинсы, чёрный свитер, я сама худая, прямая, на высоких каблуках. И вот он подошёл, смерил меня взглядом и говорит: «Вы знаете, на кого вы похожи?» Я так опешила, говорю: «На кого?» — «На восклицательный знак!» И я осталась стоять, размазанная этим высказыванием, сбита с толку, просто огорошенная, и я его стала бояться ещё больше. Но потом после этого он, видимо, как-то меня заметил, а у Ромэна Гафановича всегда было большое преклонение перед женской красотой. Женщин он различал так же, как лошадей по каким-то признакам различают: ноги, стан, круп, какой-то хвост, какое-то копытце. У него у женщин были какие-то такие признаки. Я просто не раз замечала, как он именно волосы отмечал, талию, там, что-то ещё, пропорции какие-то, глаза. У него было любование женское красотой. И вот когда он спросил меня: «У вас сами волосы выются?», я сказала: «Да, сами», я, видимо, на ступеньку для него выросла. И вообще также ни для кого не секрет, что оценку у Ромэна Гафановича Назирова даже самая тупая ученица, но будь она хорошенькой, получит на балл выше. Это правда. Я сама была свидетельницей, там девочка ни бе, ни ме, ни ку-кареку, он ей поставил даже, по-моему, не «три», а «четыре». А ещё помню случай такой, что у нас одна девочка, когда Ромэн Гафанович поставил ей «четыре» (а она была отличницей), то есть у неё был какой-то неполный ответ, и он отнёсся к ней объективно, не зависил оценку, может быть, даже чересчур объективно, я не знаю, но она рыдала в коридоре, у неё была истерика. Причём она не истеричная абсолютно особа, но она рыдала и она постоянно говорила: «Я что, некрасивая, что мне Ромэн Гафанович поставил “четыре”? Я что, такая некрасивая?» И у неё это даже не из-за оценки, а это было как бы априори, что если Ромэн Гафанович хорошо тебя оценивает, значит, то твои внешние данные тоже в порядке. Если он оценивает тебя чересчур строго, значит, ты не совсем как бы соответствуешь каким-то идеалам красоты. Канонам. Ну вот у девочек самооценка падала, кого он оценивал не на пятёрки, а на четвёрки и тройки.

Это мы говорим про первые впечатления от Ромэна Гафановича. А потом они менялись как-то?

А потом он начал отмечать меня на... Ну вот как, получается, есть лекции, а есть практические занятия. И он вызвал меня к доске на первом занятии. Причём так интересно. Я вижу, что он прямо на меня смотрит и гуляет по списку, он не понял, что у меня за фамилия, и говорит: «А вот вас как зовут? Вот пожалуйста к доске». А я была не готова. И я так гуляла, плавала и мне было так стыдно, что я не могу должным образом ответить, а он вокруг меня ходил. Наверное, это выглядело очень комично: я стою, краснею-бледнею, теряюсь, путаюсь в ответах, он вокруг меня ходит...

А про что было это первое занятие?

Я сейчас не вспомню, если честно. У нас литературоведение он вёл и ещё какие-то предметы, что-то связанное с зарубежной литературой и с мировой художественной культурой. Как-то предмет назывался, я точно не помню. Кстати, я до сих пор его лекции храню.

На первом курсе это было введение в литературоведение (кажется, он его читал предпоследний раз тогда), а на старших курсах — культура и религия и история эстетических учений. Ну и какие-то курсы по русской литературе.

Да, скорее всего, это был первый курс, потому что он тогда не знал наших фамилий, как-то путался. И он меня вызвал на первом занятии, а всего практических занятий было, по моему, ну, скажем, пять или шесть. И когда он мне плюстик поставил, что я отвечала, а надо было видеть, что я стояла, путалась в ответах, а он вокруг меня ходил, очень довольный такой, просто ходил, меня рассматривал с ног до головы, что меня ещё больше смущало, я тогда подумала: ну всё, отмучилась, нас много человек. И нужно, чтобы каждый ответил, так что всё. Снаряд в одну воронку не попадает дважды. Но на втором практическом занятии он начал с того, что сразу вызвал меня к доске. И я опять там простояла, и уже однокурсники начали посмеиваться: «Ха-ха! Всё понятно, значит, можно не учиться!» Так получилось, что он вызывал меня на всех практических занятиях. Я уже потом готовилась, конечно. Думала: раз уж второй раз, то на третий раз нужно подготовиться, на всякий случай. И правда он меня вызывал каждое занятие. Его абсолютно не интересовали какие-то там насмешки, что о нём подумают, вот что мне тоже в нём нравилось: его абсолютно не занимало, а что люди скажут. Извечный страх, который присутствует у большинства людей, что все вокруг не так будут трактовать мои поступки. Он был в себе уверен и он был внутренне свободный человек, как мне сейчас кажется и тогда казалось. Так вот, получается, все практически занятия я так и простояла у доски, он мне поставил крестики за все занятия, что я отвечала. У него были какие-то симпатии и он не боялся их проявлять, потому что он внутренне был очень порядочным человеком, без пошлостей, без двойных мыслей. В нём это чувствовалось и его уважали за это — за прямолинейность, за то, что он открыто

может себя проявлять каким-то образом. И всё это было очень достойно, даже вот такое ощущение аристократизма от него исходило.

Я думала про Ромэна Гафановича, очень применимое к нему словосочетание, я думала, почему он не воспринимался как пожилой человек. Я помню, в последнюю нашу встречу, а мы с ним случайно встретились — какое-то было открытие мемориала рядом с парком Матросова, и мы там случайно оказались рядом, и он мне пожаловался с такой горечью, что, знаете, Катя, мне уступила место в автобусе девушка. Симпатичная девушка уступила ему место, сказала: «Садитесь, пожалуйста». «Я, — говорит, — был убит этим». Он не воспринимал себя как старого или пожилого человека. И ощущение от него было как от молодого человека с прямой спиной. У него был жар сердца. Может быть, ты понимаешь, о чём я говорю. Когда видишь пожилых людей, они даже говорят (я с такими разговаривала, поскольку я журналист, у меня были разные абсолютно интервью с разными людьми): мне сейчас уже ничего неинтересно, вот раньше меня всё интересовало, хотелось всё попробовать, всё увидеть, всё узнать, а сейчас мне ничего уже неинтересно, у меня желаний почти не осталось. У него всего этого не было. У него вот этот вот жар молодого сердца прямо чувствовался.

Но в юности он, судя по его дневникам, горел больше.

Ну откуда мы можем это знать? Я тоже в юности вела дневники, и даже там не всё писала, потому что мысли были такие: а вдруг кто-нибудь прочитает? Но вообще дневнику принято признаваться, давать отчёт полностью обо всех делах. Дневник — это одно, а совсем другое — это общество. То есть я так поняла, судя по его дневникам (хотя совсем немного пока прочитала), что в обществе-то он, в общении с другими людьми, даже будучи 16-летним человеком, не был открыт. То есть мы по дневникам знаем обо всех этих его страстях. Внешне он был достаточно сдержанным, я так поняла. Умел играть, умел анализировать поступки окружающих с юности.

Да, конечно, он был закрытым человеком, но при этом не всегда производил такое впечатление.

Да, и может быть, как и в юности, так и в зрелом возрасте, до конца своих дней он сохранил этот жар сердца, и это выгодно отличало его от коллег. Вот, например, Гутман, я его бесконечно уважаю и мне он нравится как человек и как преподаватель, но у него уже было ощущение, что он пожилой человек, преклонного возраста. У Ромэна Гафановича нет. Ощущение вот этой прямой спины, ни сутулости, ни горбинки. Он не позволял себе расслабиться, для него это было естественное состояние — прямая спина и живой интерес к окружающему его миру.

А ещё какие-то случаи прямолинейных высказываний ты помнишь? Как вот про восклицательный знак, но, может быть, не про тебя лично?

Он на лекции мог высказаться. Например, если кто-то опаздывал, то он просто испепелял взглядом, то есть он этого просто не терпел, это я абсолютно точно помню. И даже помню, какая-то студентка опоздала, и так вот прямо втянув голову в плечи вбежала в аудиторию. Он её проводил испепеляющим взглядом, промолчал, но эта пауза была тяжёлой, вся аудитория затаив дыхание смотрела за этой студенткой. Как она пыталась пролезть за парту, буквально сгорая под этим взглядом. Также несколько случаев помню, когда он говорил: «Какого чёрта!» — вот так вот громогласно, когда кто-то опаздывал или заходил без стука. Всеякие случаи бывают, когда в аудиторию какая-нибудь голова высунется: «Эйгенсона можно? Позовите Эйгенсона» или «Выйди!» кому-нибудь, и вот тогда его гнев был ужасен. Достаточно гневливый человек был, насколько я могу судить, по таким наблюдениям. Мог быстро выйти из себя, но, опять же, как говорят, не бывает идеальных людей. У каждого человека есть какие-то свойства, какие-то черты характера, и они в случае Ромэна Гафановича, как та изюминка, обрамляли его личность, как рама — картину. То есть дополняли его личность. Я так поняла, что это человек, который сделал себя сам. То есть мало того, что он был потрясающе образованным. Бывают люди, которые копят знание, как книжный шкаф. Эти знания в них лежат, но они ими не пользуются, не систематизируют их. А Ромэн Гафанович эти знания переработал в себе, переосмыслил и выдавал студентам именно своё — своё видение мира, своё мироощущение на основе того, что он знает, того, что он видел, того, что он пережил. И вместе с этими знаниями каких-то древних эпох, от каких-то там мамонтов до современного мира, реалии — это было, конечно, чудесно. И его мастерство рассказчика, а он действительно владел этим искусством рассказывания. И он мог держать аудиторию в напряжении. И действительно его лекции нельзя было пропустить, это как обкрадывать самого себя. На фоне преподавателей, которые просто уныло бубнили свой предмет, абсолютно неинтересно. . . сейчас вспомнила лица этих преподавателей. Опять же, не буду называть. Которые уже в БГУ даже не работают некоторые.

А ты потом дальше писала у него курсовую работу? Диплом?

К сожалению, нет. Я писала курсовую работу у Мурсалиевой по зарубежной литературе, туда меня прибило. Потому что у каждого преподавателя должно было быть определённое число подопытных кроликов, так скажем.

Да, это называется «нагрузка».

Да, нагрузка. И у Ромэна Гафановича, видимо, огромное число желающих было. Я кафедре зарубежной литературы выбрала уже, а он по русской литературе XIX века, насколько я помню, специализировался.

А вы как-то ещё взаимодействовали?

Получилось, мы с ним общались даже после окончания университета, мы с ним не потерялись. Как — не помню. По-моему, обменялись телефонами именно на выпускном вечере.

А потом он мне звонил, и мы с ним поддерживали общение. Да, мы случайно встретились на открытии мемориальной доски, и он всегда какие-то комплименты делал.

А это была какая-то доска на вот этом здании на ул. Ленина, дом 2?

Напротив Медицинского университета, там есть дома. Я не помню, честно, какая доска. Это было не важно, мы с Ромэном Гафановичем встретились, начали разговаривать, он мне пожаловался как раз, что ему уступили место в общественном транспорте, с грустью, с болью даже, что вот, я теперь пожилой человек, как я могу себя ощущать пожилым, это ужасное чувство для него было. В душе мне вообще. . .

А получается, что вы больше общались после окончания, чем когда ты училась?

Нет, зачем, когда я училась, тоже. Я помню, что он меня даже спросил (я просто рассказываю, как есть): «Катя, а у вас есть молодой человек?» А я как бы попрыгунья-стрекоза, у меня было много людей, которые за мной ухаживали, и никого из них я не выделяла. И я ему как-то ответила так вот: «Ой, да у меня их много!» Надеюсь, он не посмеялся на этом. То есть он спросил конкретно, видимо, о серьёзных отношениях речь шла. И он сказал: «Как я им завидую!» И я ему ответила: «Ромэн Гафанович, да вы что! Они все и мизинца вашего не стоят!» Я абсолютно искренне ему сказала. Он человек монументальный, больше, чем человек, как мне тогда казалось. Не небожитель, конечно, но — сверхчеловек. «Вы так действительно думаете?» Я искренне сказала: «Конечно!» И он паузу выдержал и говорит: «А ведь чёрт возьми вы правы!» Вот это я очень хорошо запомнила.

Также я помню, как он на госнике меня вытянул. Просто у нас преподавательница такая суровая, Салова Светлана Алексеевна, очень чётко чувствовала, когда ты чего-то не знаешь, и, если она была не в настроении, она могла именно туда надавить, и этот пробел в твоих знаниях выявить, и оценка, соответственно, была бы ниже. Это был госэкзамен. Предмет я уже точно не скажу. Но помню присутствие Ромэна Гафановича Назирова, Саловой Светланы Алексеевны, ещё нескольких преподавателей, и мне достался билет, где первый вопрос я знала хорошо, а второй практически не знала. И когда я села отвечать, я первый вопрос очень подробно начала рассказывать, с какими-то деталями, и мне сказали уже: всё-всё, переходим ко второму вопросу. И, видимо, Ромэн Гафанович, который очень внимательно за мной наблюдал, он понял, что второй вопрос — это моё слабое место. И я начала что-то говорить, какие-то пока общие фразы, и в общем-то в общих чертах этот вопрос охарактеризовала, и понятно было, что мне нечего добавить. Я ожидала, что мне тоже скажут: «Ну всё, хватит». Но мне такого не сказали, и Светлана Алексеевна, у неё такое выражение лица было такое ехидное, она говорит: «У меня есть вопрос». И тут же Ромэн Гафанович её перебил, и говорит: «Светлана Алексеевна, у меня тоже есть вопрос. Не возражаете?» Она уже так обречённо сказала: «Да, конечно, Ромэн Гафанович». То есть она уже поняла, что он меня будет спасать. И он говорит: «Катя, вы когда-нибудь были в Санкт-Петербурге?» Я говорю: «Была, Ромэн Гафанович». «А вы видели там Аничков

мост?» И какой-то ещё мост назвал. Там такие львы: у них лежат на лапах шары или что-то такое. «Да, припоминаю». «Правда чудесно?» Я говорю: «Да!» То есть это абсолютно не относилось ни к моему вопросу, естественно, ни к экзамену. Ни к чему, там. Даже близко. Он: «Ну, я думаю, у комиссии больше вопросов нет». И Светлана Алексеевна тоже замолчала. Сказала: «Ладно!» Нет вопросов так нет вопросов. Ну и естественно, пятёрка. Потому что не было вопроса, на который я бы не ответила. Такой был случай.

А общение ваше личное, когда ты ещё училась, оно было про что?

Да, и когда училась, и когда уже начала работать, оно продолжалось. Я помню, что он мне позвонил, я его голос не узнала. Я так понимаю, он пережил инсульт, как он мне сказал, он упал прямо на улице. И к нему потом подошли люди. Просто на улице его парализовало. В этих же случаях речь тоже страдает. По голосу чувствовалось, что он своей речью в полной мере не владеет. И вот он сказал, что он попал в больницу. А потом, я так поняла, что в больнице у него тромб обнаружили, который нужно было удалить. Он очень много курил. Я вот так и не знаю, перед смертью он, вроде, бросил. Ему сказали, что вообще нельзя курить. Он очень боялся операции. Он мне звонил и говорил: «Я боюсь, что я не переживу». У меня было стойкое... у меня с одной стороны, как бы вот тоска была, что, вроде, плохо, но внутри я абсолютно точно знала, что у операции будет хороший исход. Я ему об этом сказала: «У меня предчувствие, что всё будет хорошо». И он говорит: «Вы меня успокаиваете». Я говорю: «Нет, серьёзно, у меня ощущение. Вы настраивайтесь на самый лучший исход. Всё будет хорошо». И действительно, он эту операцию пережил, но после этого мы не разговаривали. Но мне кто-то, кто был в курсе этой ситуации, сказал по телефону, что операция действительно прошла хорошо, что он даже шутил с медсёстрами: «Мне удалили тромб, пора снова жениться». А потом получилось, что ещё один тромб, который они не увидели, не обнаружили, он оторвался, и закупорил сосуды. И он умер во сне. Легко, во сне, без мучений.

И ещё меня долго жгли слова после нашей встречи у мемориальной доски, его парализовало, он позвонил и он сказал: «Вы мне, Катя, несчастье принесли». Я думала: при чём здесь я? Может быть, он так пошутил, а я серьёзно восприняла. Я так поняла, что сразу после нашей встречи ещё недели не прошло, с ним такое приключилось.

Им невозможно не восхищаться. Ты его знал, ты разделяешь это мнение. А ещё вышел фильм «Мастер и Маргарита», там Лавров великолепно сыграл. У меня даже ощущение, что Назировский дух в нём присутствовал в этой роли. Там и голос такой, и взгляд, и какая-то манера, и достоинство. Когда я на него смотрю в этой роли, у меня ощущение чёткое, что это Назиров. Похоже так он там держится. Это очень большое достоинство, царственность, гордость во всём облике. И, конечно же, уважение к другим людям, к их проявлениям. Хотя я помню, он мне говорил, ну и не только мне, а вообще студентам, что не верит в загробный мир, что он материалист, что не верит, что что-то есть. И я даже помню, как у нас был последний курс, какая-то лекция, и он шутил: «Будете по мне поминки справлять, скоро я умру». Как-то, вроде, пытался шутить, но у всех реакция такая была:

ну что вы такое говорите, Ромэн Гафанович! Так нельзя говорить» А он: «А я не суеверный, я не верю, что там что-то есть. Надо рассуждать здраво, что там ничего нет, мы умираем и всё». Он был этому верен. Но я не знаю, может быть, потом у него поколебались эти его убеждения.

Нам он такого уже не говорил открыто на курсе о культуре и религии. Может быть, потому что не чувствовал уже такого эмоционального контакта со студентами.

Я помню, что был такой момент, когда он сказал, что не верит в загробную жизнь. Что нет там ничего.

А помнишь ли ты ещё какие-то темы, на которые вы общались?

Ну мы с ним специально не встречались, вдвоём не сидели нигде в кафе. Это было чисто такое общение на учёбе и потом уже после. Кроме той встречи у мемориальной доски мы не виделись. Я помню, что на выпускном он постоянно был с нами, рядом сидел, у нас было такое тёплое общение, тёплый контакт.

Им невозможно было не восхищаться, и у него чувство юмора было великолепное.

На лекциях студентов было гораздо больше, чем нас. Слава Ромэна Гафановича гремела, и даже приходили с других факультетов послушать его лекции. Там был такой математический гений, он сейчас в Лондоне, Гриша Спивак, по-моему, он тоже приходил к нам.

Это человек, перед которым можно преклоняться в хорошем смысле. Настолько он был какой-то мегалит. В нём такой аристократизм, который сейчас уже не встретишь у мужчин. Или это такие зрелые, накачанные знанием и мудрые мужчины. Редкость.

Здорово, что у нас общение продолжилось, потому что в начале я его безумно боялась. Это был такой авторитет, такой человек, который молнии из глаз может метать. Действительно, его гнев был ужасен, от его гнева трепетали студенты. Это была не истерика, но он мог ударить кулаком по трибуне, с которой выступал, и это было страшно.

Я многие лекции просто выкинула, а вот его тетради я храню. Но я думаю, что так многие студенты сделали. Потому что это было безумно интересно.

Исследования

Музыканты называют валторну проституткой, потому что из всех духовых инструментов валторна самая трудная: у неё самый узкий мундштук, и извлечь из неё звук под силу только здоровому, крепкому человеку, да и то — «хочет даст, а хочет не даст» звука. И обратно: лёгкому человеку женщину музыкант называет валторной.

Исследования

О моральных проблемах издания эго-документов из архива Р. Г. Назирова*

Сергей С. Шаулов

Башкирский государственный университет

Ромэн Гафанович Назиров хорошо известен среди исследователей Достоевского. В других сферах (а он ещё работал на материале Чехова, писал о русском и мировом фольклоре) он известен меньше, но и там его имя тоже периодически звучит. От него остался огромный (в буквальном смысле слова — более 600 архивных дел) архив. Некоторая часть архива — это эго-документы. В первую очередь, это дневники с 1950 по 1971 год. Во-вторых, это эпистолярный. Юридически права на архив принадлежат наследникам, сыновьям Ромэна Гафановича, Эдуарду и Станиславу. Они передали нам право публикации (разумеется, по согласованию — когда дело касается личных документов). Когда я говорю «нам», я имею в виду себя и моего коллегу и соратника по этому делу Бориса Валерьевича Орехова (НИУ ВШЭ).

Дневники Назирова представляют собой довольно интересный объект. Их много, это несколько десятков тетрадей, уписанных мелким, хотя и разборчивым почерком (в этом смысле Назиров чрезвычайно удобен для публикации). Эти дневники разнородны по «жанровому» составу.

Во-первых, есть собственно дневники, то есть тетради, куда он записывал события своей жизни, оценки, ощущения, описывал свое окружение, строил планы, сокрушался о неудачах и т.д.

Во-вторых, многие тетради представляют собой своеобразный дневник-хронику, куда он иногда буквально переписывал газетные статьи, слухи и т.д. за определённый день. Порой эти подборки почти лишены каких-либо личных записей и провоцируют некий рецептивный парадокс: личный дневник оказывается вдруг практически безличным. Особенно этот парадокс усиливается в тех случаях, когда два этих «жанра» назировских дневников содержатся в одной тетради (подобное встречается не редко), переходя один в другой.

В-третьих, в архиве есть еще и рабочие дневники, где он фиксировал свои идеи, цитаты из научной литературы и так далее. Такой дневник у него часто переходит в читательский

*Материал сделан на основе моего выступления на круглом столе «Этично ли издавать дневники и письма? Это личное дело владельца архива, издателя, комментатора, или же эго-документы следует хоронить вместе с автором?» (МГУ, 29 мая 2018). Сохранив стиль относительно свободного разговора я позволил себе несколько «почистить» и местами дополнить свою короткую реплику. — Прим. автора.

конспект. Наиболее выразительный пример этой разновидности дневников — дневник чтения «Евгения Онегина», фиксирующий поставленный Назировым опыт «медленного чтения» классического текста. Характерно, что в какой-то момент он забывает ставить даты, дневник переходит в линейно-структурированное размышление, но затем Назиров «спохватывается» и возвращается к исходной форме подневных записей.

Сразу скажу, что с этими дневниками моральных проблем обычно не возникает. Даже когда Назиров пишет о каких-то своих юношеских любовных делах, он весьма целомудрен. То есть имён он не зашифровывает, но там нет ничего такого, что бросало бы тень на кого-либо. Он либо вовремя останавливается, либо находит некий удобочитаемый стиль.

Вообще его ранние юношеские тетради, написанные в 17–18 лет (начало 1950-х годов), иногда создают впечатление, что был некий сторонний читатель этих дневников. Возможно, это была его мать, которая до конца своей жизни (1971) была, судя опять же по дневникам, и первым читателем, и первым критиком всех других его работ.

Кроме того, у Назирова есть ещё две разновидности дневниковых записей. Это, во-первых, выделенные в отдельные тетрадки литературизованные подневные хроники важных периодов его жизни, находящиеся на грани между эго-документом и собственно литературным дневником. В таких тетрадях он редактирует записи о событиях собственной жизни, очевидно, переписывая их с каких-то более ранних «черновых» записей, и создаёт относительно связное повествование в дневниковой форме. Таких дневников два: «Ленинградская тетрадь» (лето 1952, когда он не был принят ни в один ленинградский вуз как сын «врага народа») и «Сельский учитель (Бишкаинский дневник)» (после окончания Башкирского университета Назиров некоторое время работал учителем словесником в школе села Бишкаин).

И, наконец, есть еще весьма интересные «дневники по случаю» или «дневники одного события». Остановлюсь на одном примере. В архиве Ромэна Гафановича есть дневник юбилейной конференции по Достоевскому, прошедшей в 1971 году. Фактически это был первый в Советском Союзе официально проведенный юбилей писателя. Конференция проходила в Ленинграде, собрала весь тогдашний гуманитарный бомонд.

В дневнике много бытовых подробностей, которые не всегда находятся в плоскости приличного литературного быта. Например, некий литературовед (не буду называть имени) «зашёл ко мне после заседания вместе с коньяком, это была страшная ошибка», — пишет Назиров. Это ещё безобидные вещи. Более интересное: одна коллега, в ту пору ещё очень молодая исследовательница Достоевского, ныне живая и хорошо известная (по крайней мере, в среде достоевсковедов), сразу после конференции пишет ему письмо, где делает несколько научных комплиментов, перечисляет его «душевные недостатки», пишет о своем психологическом состоянии и т.п. Можно сказать, что это личное письмо «под маской» научного. Содержательно оно, впрочем, не выходит за рамки легкого кокетства. В конце автор, однако, пишет: «письмо порвите». Назиров это письмо дословно переписывает в свой

дневник конференции, видимо, считая это одним из ее итогов, указывает автора и дальше делает помету: «Письмо я порвал».

Тут видна некая ирония и по отношению к требованию отправителя письма, и по отношению к жанру дневника. Как поступать с этим письмом при публикации? Не совсем понятно. Видимо, этот дневник будет опубликован под названием «Фрагменты из. . .»

Казусы, требующие сложных согласований с еще живыми участниками событий, их наследниками и другими заинтересованными лицами, в таких, «профессиональных» дневниках (их еще несколько) возникают довольно часто. Конечно, согласования многократно утяжеляют публикацию, не всегда они осуществимы на практике, но как некий идеал, к которому нужно стремиться, они, разумеется, должны влиять на издание подобных текстов.

Тем не менее, дневники Назирова продуцируют меньше моральных проблем, нежели его эпистолярный.

Небольшое отступление. Архив Назирова помимо объёма интересен тем, что структурирован самим автором. Видимо, Назиров несколько лет до смерти этот архив прореживал, компоновал и т.д. Мы были свидетелями малой части этого процесса летом 2003 года (в феврале 2004 он умер). Он готовился к операции, неудачные последствия которой и были причиной его смерти. И, видимо, чистил архив. На наших глазах он, например, перебирал письма и разорвал открытку от Г. М. Фридендера (создатель и руководитель группы Достоевского в Пушкинском доме): прочитав её и оставшись, видимо, недовольным ее содержанием, он порвал её в мелкие клочки и бросил в мусорный пакет. Все это означает, что те это-документы, которые мы сейчас имеем в архиве, оставлены автором вполне сознательно.

При этом переписка с Фридендером — самая большая часть дошедшего до нас эпистолярного фонда: это около ста писем Фридендера и сравнимое количество ответных (мы получили из Пушкинского дома цифровые копии этих ответных писем и, похоже, сумели восстановить бо́льшую часть этой долгой и интересной переписки).

В этой переписке есть весьма своеобразные документы, сохраненные Назировым в своем архиве. Это «черновики» писем (он их сам так называет), которые, однако, представляют собой не черновой текст, а своего рода «идеальную» (с точки зрения Назирова) альтернативу посланным реальным письмам. Он их писал так, как он, может быть, хотел это делать, если бы его ничего не сдерживало. Там встречаются пометки такого характера: «Черновик. Переписано в совершенно другом ключе, отправлено тогда-то». Черновики писем свободнее, он не стесняется в них философствовать и давать резкие оценки актуальной в тот момент науке, конкретным ученым и т.д.

Публикация этих писем задевает некоторое количество существующих научных репутаций и живых, и недавно умерших людей. В связи с этим возникает ряд проблем.

Честно говоря, на начальном этапе знакомства с этих эпистолярием я был склонен некоторые фамилии заменять инициалами. Но эти инициалы были бы прозрачны, потому что речь идёт о конкретных людях, которые писали вполне конкретные статьи, книги,

участвовали в хорошо известных конференциях и т.д. Расшифровка этих инициалов не составила бы труда.

Последнее решение, к которому мы пришли, состоит в том, чтобы публиковать всё полностью, по возможности согласовывая с ныне живыми участниками событий, и в других случаях сопровождать публикацию сухими историко-биографическими комментариями. Наверное, вокруг текста этих комментариев потом будет некий спор, посмотрим, как он будет решаться, когда начнется настоящая подготовка этого эпистолярия к изданию.

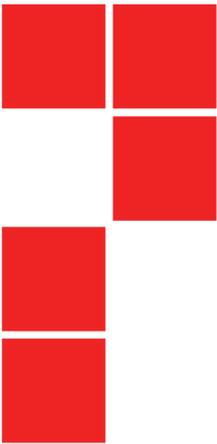
Тем не менее, мне кажется, что это до некоторой степени справедливое решение.

Но я хотел бы ещё обратить внимание на возникающие в связи с этим рецептивные проблемы. Выше было сказано, что публикация эго-документов может затрагивать ряд существующих научных репутаций. Но первая репутация, которая подвергается очень мощному воздействию — репутация самого Назирова. Речь, разумеется, не только об эго-документах, но вообще о публикации архивных материалов, в том числе и чисто научных. Публикуемые документы нарушают сложившийся биографический исторический образ автора. Региональное научное сообщество, в котором Назиров существовал, в силу определенных социокультурных условий, весьма герметично и не склонно к резким изменениям. Положение Назирова в нем казалось несколько «изолированным» (по крайней мере, на взгляд его учеников последней генерации, к которой принадлежим и мы с Б. В. Ореховым). Открытие и публикация архива резко нарушили тот образ, который сложился в региональном научном сообществе. Вдруг оказалось, что «рядовой профессор» (во всяком случае есть люди, от которых нам приходилось слышать такое определение) сделал что-то такое, чего никто в этой местности ранее не делал, а в письмах и дневниках он еще и оценки раздаёт всем коллегам. . . Реакция может быть пассивной (замалчивание; преобладающая пока форма регионального «ответа» на всю нашу активность), а в ряде случаев — агрессивно-отрицательной. Все это осложняет и делает значительно менее комфортными условия, в которых приходится готовить архивные тексты к публикации.

С другой стороны, есть и обратный рецептивный эффект, хорошо заметный уже не в провинции, а на столичных научных «площадках». Когда я приезжаю, скажем, в Москву и говорю не о своих научных темах, а о Назирове, может возникнуть впечатление, что существует некий региональный «культ великого учителя», тогда как дело обстоит ровно наоборот. Может также возникнуть искушение «развенчать идола» и т.д. Публикация некоторых эго-документов вполне может стимулировать подобное отторжение и отрицательно сказаться на читательской и издательской судьбе других материалов из личного архива. Это проблема также имеет этическую природу, и решение ее, мягко говоря, не очевидно.

Мнение

Он постиг главную причину всех
зла и плачей, но постиг также и высшую
необходимость жизни — необходимость раз-
рушать и создавать, рождать и убивать,
ибо жизнь есть умирание, а смерть — состав-
ной элемент жизни. Жизнь — смерть, а смерть —
жизнь. Нуркен мечтает охранять колы-
бель. "Блаженны кроткие, ибо они насле-
дят землю" — это ложь. Земля — наследство
тех, кто борется, кто радует и печалит других,
кто спасает и убивает. РАЗРУШАТЬ, ЧТОБЫ СОЗИ-
ДАТЬ.

Мнение

Анкета журнала «Назирровский архив»

В прошлом году мы предложили сообществу достоевсковедов анкету с несколькими вопросами относительно наследия Р. Г. Назирова. Нам представляется, что совместными усилиями осмыслить место Р. Г. Назирова в традиции изучения Ф. М. Достоевского было бы продуктивнее. К сожалению, откликнулись немногие. Мы очень признательны С. А. Кибальнику за ответы, которые публикуем ниже.

1. Как бы Вы оценили и описали востребованность трудов Р. Г. Назирова о Достоевском (и вообще его литературоведческих трудов) современной наукой?

Как весьма высокую.

2. Что из его концепции по-прежнему актуально, что сохраняет только историческую ценность, а что требует дальнейшего расширения?

Для меня многое. Например, элементы развиваемой мной не интертекстуальности, а интертекстологии русской классики — в частности, теории криптопародии и т. п.

3. Насколько, по Вашему мнению, достоевсковед Назиров совпадал с магистральной линией развития отечественного достоевсковедения? Насколько советским/антисоветским литературоведом в Вашем восприятии является Назиров? Насколько он «академичен» / «неакадемичен»?

С магистральной линией развития отечественного достоевсковедения совпадал, к счастью, не очень. Ни советским, ни антисоветским достоевсковедом не был. А вот лучшие традиции русского (в том числе и русского зарубежного) и советского достоевсковедения развивал.

4. Какими Вам видятся отношения между его интерпретацией наследия Достоевского и концепцией М. М. Бахтина?

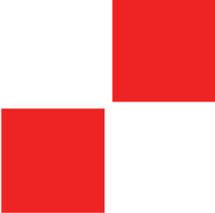
Не знаю, концепция Бахтина никогда не была мне особенно близка, а интерпретация наследия Достоевского Р. Г. Назировым представляется идущей где-то в русле идей А. П. Скафмымова, в свою очередь много чем обязанного С. Л. Франку.

5. Какие труды Назирова о Достоевском (или о других писателях) оказались наиболее полезны именно в Ваших научных занятиях?

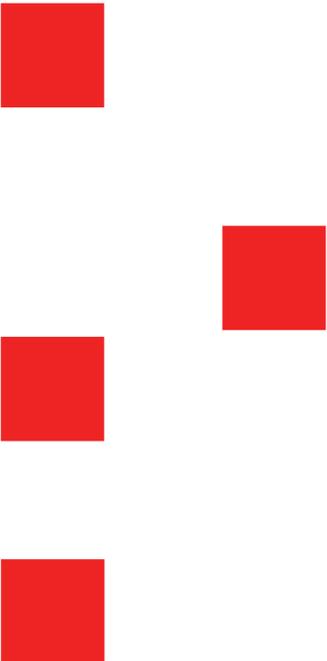
Назирова Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005.

6. Знакомы ли Вы с его сравнительно-историческим описанием фабульного репертуара русской прозы («Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул»)? Насколько продуктивной она представляется вам на современном этапе развития литературоведения?

К сожалению, недостаточно. Предполагаю, что она достаточно продуктивна.

Библиография

Я иду по улице и перелоню троих молодых девушек, хорошо одетых. Одна что-то рассказывает. В тот момент, когда я поворачиваюсь с ними, она говорит: «И я вижу, что у кого это торчит торчком...» Звонит звонок — секунда оторопелого молчания. Но молча на сцену растерянности приходит прокуратурский, полицейский слез, в котором какою-то выражением всё: и растерянность, и стыд, и бессовестно. НАЧИНАЮЩЕЕСЯ ЖЕНСКОЕ БЕССТЫДСТВО.

Библиография

Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова

Тексты Р. Г. Назирова

1. Назиров Р. Г. Неизданные труды о романе «Преступление и наказание». — Уфа: БашГУ, 2017. — 120 с.

Опубликованные труды о Р. Г. Назирове

1. Ерофеев, В. Дополнение по существу // Вопросы литературы. — 1984. — № 5. — С. 251 – 257.
2. Шаулов С. С. Сумасшествие как эстетическая и жизненная стратегия: некоторые вариации фаульной схемы // Семиотика поведения. Лотмановские чтения XXII. — М., 2017. — С. 369–385.

Правила для авторов

Рукописи в машиночитаемом виде представляются в редакцию по электронной почте nevmenandr@gmail.com. Во избежание недоразумений авторам предварительно следует ознакомиться со статьёй о принципах и целях издания (2013 № 1) до того, как посылать текст на рассмотрение редакции. Непрофильные статьи приняты к публикации не будут.

Ссылки на литературу оформляются в виде постраничных сносок. Фамилия автора цитируемой работы выделяется курсивом. Между названием работы и местом издания, а также между годом издания и страницами тире не ставится.

Вместе с представляемым в редакцию текстом следует прислать и сведения об авторе, включающие фамилию, имя, отчество, аффилиацию.

Вопрос о публикации в журнале будет рассмотрен после внутриредакционного рецензирования.

Публикация в журнале бесплатная.

Жанр видения у Достоевского

Vision — популярн. жанр среднев. лит-ры:
«Видение Петра Пахаря», «Божеств. комедия».
Жанр подтверждён не миметический и близкий к пророчеству. Включал также явления Бога и святых визионерам.

В «Пр. и как.» пропало из-за Каткова видение Христа у Раскольникова. В «Идиоте» детально обыграно стихотв-ие Пушкина «Рыцарь бедный», описывающее ситуацию видения и средневековую набожность.

В «Бесах» у Хромоножки видения из «Фауста». Видение золотого века у Ставрогина «Сон Сим. Голка» — видение «Бабок» — диалоги мёртвых. Видение Каны Галилейской у Алёши Карама

М.б., на Д-ого сперва повлидела и картина Иванова «Явление Христа народу».